

Тэнум АИ

ВЛАДЫКА
НОЧИ

И шнел
Тэнум

•Сага о Плоской Земле•

Tanith Lee

**NIGHT'S
MASTER**

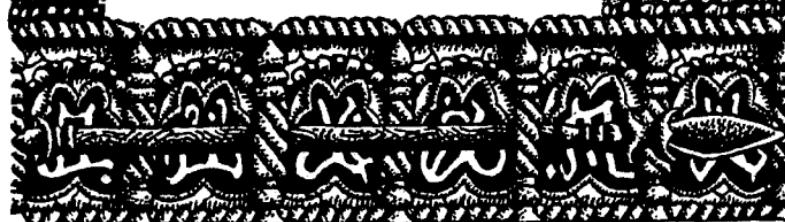
DAW Books
New York

Тэнит Ли

ВЛАДЫКА НОЧИ

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1999

УДК 820
ББК 84(41'л)
Л 55

Перевод с английского

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Ли Т.

Л55 Владыка Ночи: Сага о Плоской Земле: Роман и рассказы. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1999. — 432 с.

ISBN 5-87365-059-4

Когда солнце прячется за горизонтом, Владыка Ночи выходит на охоту за душами людей. Он несет Зло людям, он неумолим, непреклонен и все же... именно ему суждено спасти человечество.

УДК 820
ББК 84(4Вл)

ISBN 5-87365-059-4

© Tanith Lee, 1978

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ВЛАДЫКА НОЧИ

Enzetta © 73

Часть первая

Глава первая

A

зарн — князь демонов и один из Владык Тьмы — как-то ночью решил развлечься. Приняв облик огромного черного орла, он парил над землей. В те времена земля была плоской, и ее со всех сторон окружал хаос. Князь демонов пересек ее из края в край — с запада на восток и с севера на юг.

Внизу, в ночной темноте, светились крохотные, как искорки, фонари караванов, белыми брызгами разбивались о скалы волны морского прилива. Пролетая над городами, Азрарн презрительно взирал на высокие каменные башни и мощные колоннады. Сложив огромные черные крылья, он присел на рею королевской галеры, наблюдая, как король и королева под всплески весел вкушали перепелов с медом. Отдыхая на крыше храма, Азрарн не преминул посмеяться над людскими ритуалами поклонения богам.

За час до восхода солнца, возвращаясь к центру земли, Азрарн внезапно услышал одинокий и горький, словно северный ветер, женский плач. Сгорая от любопытства, князь демонов устремился вниз и опустился рядом с крохотной бедной лачугой, расположенной посреди пустынной, как кость, холмистой местности. Перед тем как войти внутрь ветхой хижины, он принял человеческий облик — такое существо, как Азрарн, легко могло менять свой облик.

Внутри хижины рядом с угасающим пламенем очага лежала женщина. Азрарн мгновенно понял, что несчастная, следуя глупой привычке людей, умирает. В руках у женщины был завернутый в шаль новорожденный младенец.

— Почему ты плачешь? — спросил Азрарн чарующим голосом. Он прислонился к двери. Весь его облик был удивительно прекрасен. Казалось, он окутан великолепием ночи, его волосы светились черно-синим огнем.

— Жизнь слишком несправедлива... Я умираю, — ответила женщина.

— Если твоя жизнь была несправедливой, ты должна с радостью расставаться с ней. Перестань плакать, слезы ничем тебе не помогут.

Глаза женщины ярко вспыхнули от гнева — почти так же ярко, как угольно-черные глаза незнакомца.

— Нечестивец! Будь ты проклят за то, что пришел сюда насмехаться надо мной в мой смертный час. Жизнь моя была наполнена борьбой, страданием и болью. Я умерла бы без единого слова, если бы не этот мальчик. Он родился всего лишь несколько часов назад. Что станет с моим ребенком, когда я умру?

— Он тоже умрет, — отозвался Азран. — Тебе нужно радоваться этому, ведь он избежит мучений, о которых ты только что мне рассказала.

Будто отвечая ему, мать с негодованием поджала губы, закрыла глаза и тут же испустила дух, не в силах вынести присутствия незнакомца. Руки ее выпустили шаль. Ткань соскользнула и раскрылась, словно лепестки цветка.

Острая и невероятно глубокая боль пронзила князя демонов, как только он увидел, что природа наделила ребенка необычайной, совершенной красотой. У мальчика была белая, как алебастр, кожа и прекрасные волосы цвета янтаря. Его удивительно изящные ручки, ножки и черты лица, казалось, вытачивал скульптор. Пока Азран стоял, разглядывая его, младенец открыл темно-синие, цвета индиго глаза. Князь демонов порывисто подошел к малышу, взял на руки и завернул в полы своего черного плаща.

— Утешься, дочь несчастья и плача. Ведь ты родила великолепного сына,— сказал Азрарн.

И, приняв обличье грозовой тучи, князь демонов взмыл в небо, а ребенок спокойно уснул в его объятиях.

* * *

Азрарн перенес мальчика во дворец в центре земли. Его окружали огненные горы, острыми пиками уходившие в темное грозовое небо. Над ними поднимался темно-красный дым горного пламени из таившегося внутри каждой из них огнедышащего кратера. Именно так выглядела страна демонов — место изумительной красоты, куда редко попадал кто-нибудь из смертных. Когда князь демонов мчался по небу, он услышал смех ребенка. Казалось, малыша ничуть не пугала перспектива попасть в заповедную страну. Как только они подлетели к горной цепи, туча втянулась в кратер одной из самых высоких гор — но оттуда не вырывался столб раскаленного пламени. Внутри него царил непроглядный мрак.

В глубь горы, вниз под землю, уходила шахта. Вдоль нее мчался в Нижний Мир князь демонов, повелитель ваздру, эшв и дринов.

Сначала на пути Азрарна встали агатовые ворота. При его приближении они распахнулись, а затем с шумом захлопнулись у него за спиной. Дальше были ворота из голубой стали, и, наконец, жуткие ворота из черного огня. Но все они повиновались Азрарну, и он без труда добрался до Нижнего Мира и вошел в Драхим Ванашту, город демонов. Князь демонов вынул серебря-

ную трубку в форме берцовой кости зайца, дунул в нее, и рядом с ним мгновенно вырос волшебный конь. Азрарн вскочил ему на спину и помчался быстрее ветра к своему дворцу. Здесь он передал ребенка в руки эшв, предупредив, что если с мальчиком что-нибудь случится, то они будут жестоко наказаны.

Все шло своим чередом в городе демонов. Во дворце Азрарна подрастал человеческий ребенок. Насквозь пронизанная волшеством обстановка Драхим Ванашты стала для малыша привычной и естественной. Все вокруг казалось ему красивым. И он нисколько не осознавал сверхъестественной природы этой красоты.

Дворец Азрарна, отделанный черным металлом снаружи и черным мрамором внутри, освещался вечным сиянием Нижнего Мира, лучистым, бесцветным и холодным. Свет лился сквозь огромные окна, украшенные черными сапфирами, темными изумрудами и самыми черными рубинами. Снаружи раскинулся сад с многочисленными террасами, где росли гигантские кедры с серебряными стволами, черными агатовыми листьями и прозрачными хрустальными цветами. Повсюду в зеркальной воде прудов плавали бронзовые птицы, а прекрасные рыбы с крыльями сидели на деревьях и пели — здесь, под землей, законы природы не соблюдались. В центре сада Азрарна был фонтан из алого пламени, не дававшего ни света, ни тепла.

Дворец окружал большой красивый город. Башни из опала, стали, меди и агата тянулись к зареву никогда не меняющегося неба. Солнце ни

Другие добавляли:

— Нет, будто луна.

Придворные же демонессы мягко смеялись:

— Скорее словно земной свет, которого так боится наш чудесный князь.

Молодой человек действительно был очень красив. Прямой и стройный, с белой кожей, волосами цвета светящегося красного янтаря и темными глазами. Его облик казался необычным не только для Нижнего Мира, но и для мира земли.

И вот однажды, когда юноша гулял в саду и остановился под раскидистым кедром, он услышал вздох слуги-эшвы и увидел, что она склонилась в глубоком поклоне, напоминая тополь, пригнувшийся к земле от порыва ветра. Так поданные выражали почтение своему повелителю. Недоуменно обернувшись, молодой человек увидел на садовой дорожке Азрарна. Смертному показалось, что на этот раз он отсутствовал дольше, чем раньше. Видимо, какие-то более сложные, более рискованные, чем обычно, приключения задержали его на земле: ошибка слабоумного подопечного или падение какого-нибудь благородного королевства. Поэтому, возможно, четыре или пять лет юноша не видел Азрарна. И сейчас черный князь показался юноше особенно великолепным — смертный невольно зајмурился от исходящего от демона сияния.

— Что ж, я не ошибся, оказавшись среди холмов в ту ночь, — проговорил Азрарн.

Приблизившись, он положил руку на плечо молодого человека и улыбнулся. Словно удар копья, тело юноши пронзила болезненная радость.

Неземная улыбка князя парализовала смертного и лишила дара речи. Он невольно задрожал.

— Теперь выслушай меня, так как это будет единственный урок, который я тебе преподам.— строгим голосом продолжил Азрарн.— Я правитель этого места, города и земель вокруг него, кроме того, я являюсь хозяином многих чародеев и Владыкой Тьмы, поэтому все ночные создания подчиняются мне и на земле, и под землей. Я щедро одарю тебя — так, что ты станешь богаче любого из смертных. Ты станешь моим сыном, братом и возлюбленным. Я буду любить тебя. Не в моих привычках с легкостью дарить свою любовь. Но однажды отдав ее, я не изменяю ей. И помни, если когда-нибудь ты станешь мне врагом, твоя жизнь будет стоить не больше, чем горсть песка. Так как то, что демон любит и теряет, он уничтожает! Мое могущество же выше всего, что ты когда-либо узнаешь.

На это молодой человек, глядя прямо в глаза Азрарну, ответил:

— Мой господин, пусть я умру, если прогневлю тебя.

Азрарн наклонился и поцеловал его.

Голова смертного закружилась, и он закрыл глаза.

Азрарн повел его в серебряный павильон, устланный толстыми, как папоротники, и душистыми, как ночные деревья, коврами. Темные блестящие драпировки напоминали тучи, закрывшие луну.

Здесь, в этом странном месте, почти нереальном и таинственном, Азрарн снова залюбовался

девственной красотой юноши, лаская белоснежное тело и приглаживая пальцами янтарные волосы, которые ему так нежно полюбились. Юноша лежал, будто ошеломленный, прикосновения демона рождали экстаз. Он, казалось, купался в холодном огне, став инструментом, созданным для одного-единственного музыканта-виртуоза. И теперь этот виртуоз играл на его теле и касался пальцами струн, рождающих прекрасную мелодию сверхъестественной агонии. В объятиях Азарна не было ничего требовательного. Бессмертное существование вложило в них любовь и наслаждение, которые, наполняя тела, возбуждали безмерно и бесконечно. Растекаясь и вновь восстанавливая форму во всепоглощающем пламени страсти, юноша превратился в единый трепещущий звук. Но вот прозвучала нота невероятной силы, до краев наполнив ожидающий суд, которым он стал. Фаллос демона (неледнящий и необжигающий) вошел в тело юноши, как король входит в покоренное королевство, требуя поклонения по праву победителя, став силой, которая распахнула ворота в сокровенные глубины его внутреннего мира. Черные цвета павильона смешались с мраком грозных и пленяющих глаз, пронзвавших юношу жестоким и расточительно нежным взглядом. Тело смертного пламенело и распадалось на миллионы содрогающихся от удовольствия частей — последние аккорды музыки, купол башни, разрушивший небосвод разума. Еще мгновение и юноша уснул с поцелуем Азарна и привкусом ночи на губах.

Глава вторая

А

зарн дал юноше имя.
Он назвал его Зивеш,
что на языке демонов
означало Белокурый, или Бла-
гословенный. Он сделал Зиве-
ша своим приближенным, ще-
дро одарив неземными дара-
ми. Князь демонов научил его
стрелять из лука лучше и ис-
куснее любого человека или
демона, научил управляться с

мечом. Прикоснувшись к его лбу нефритовым кольцом, Азрарн наделил юношу способностью читать и говорить на семи языках Нижнего Мира, а с помощью жемчужного кольца — на семидесяти языках людей. Заклинанием, более древним, чем сам мир, он сделал его неуязвимым для любого оружия, стального, каменного, деревянного или железного, для змеиного яда, яда растений, а также огня. Не мог князь демонов защитить его лишь от воды, потому что моря принадлежали другому царству, нежели земля, и имели своих собственных правителей. Азрарн подумывал даже поднять юношу однажды в холодные голубые просторы Верхнего Мира, обмануть Стражей Священного Колодца и дать Зивешу глотнуть эликсир бессмертия.

Между тем у юноши появилось много забот. Теперь он не только бродил с князем демонов по Драхим Ванаште, участвуя во всех его развлечениях, но и скакал с ним бок о бок по бескрайним просторам Нижнего Мира. Для этого Азрарн подарил ему волшебную кобылу. Ее грива и хвост были сделаны из голубого дыма, и она обладала удивительным свойством — способностью скакать по воде. Отныне Азрарн и Зивеш вместе путешествовали по озерам Нижнего Мира, ходили на охоту с кроваво-красными гончими собаками на берега великой Сонной Реки, где рос белый лён, напоминавший камыши. Азрарн не охотился ни на оленей, ни на зайцев, ни даже на львов на ее берегах — незатейливая жестокость людей ничто по сравнению с невероятной жестокостью демонов. Вздруг охотились за ду-

шами спящих людей, которые с пронзительными криками убегали от гончих. Это были души безумных или умирающих, ведь только их души могли поймать и разодрать на кусочки гончие собаки, но даже эти несчастные в конце концов спасались — охота для демонов была просто спортом. Зивеш не помнил, кто он, и не знал других законов, кроме законов Тьмы, поэтому он тоже весело и беззаботно охотился со своим господином.

И вот Азран сильно затосковал по земному миру. На этот раз он решил взять с собой Зивеша. Они отправились в путь ночью — все демоны ненавидят дневной свет. Азран поднялся по вулканическому жерлу, превратившись в орла, а Зивеша он превратил в перо на своей груди. Они поднялись высоко в небо, и перо затрепетало. Внизу сверкали кратеры огненных гор, наверху пыпал лунный лик, окаймленный плащом неба, со сверкающими на нем, как бриллианты, звездами.

«Я никогда не видел такого сияния,— подумал Зивеш.— Фонтан в саду моего господина не дает ни света, ни тепла». Зивеш был сыном земли, и его смертная душа непроизвольно потянулась к ней.

Заметив, что Зивешу нравится на земле, Азран стал больше времени проводить там.

Иногда под видом путников они посещалиочные города смертных, тайком проникали в королевские сокровищницы, где Азран, забавляясь, превращал в пыль или в кучи сухих листьев драгоценные камни и металлы. Нередко они

сбивали с пути караваны в пустыне, приводили корабли к чужим берегам илитопили их. Эти проделки были для Азарна просто ребячеством; его разрушительная сила была гораздо опаснее и значительно изощреннее. Но ему нравилось смотреть, как радостно и бездумно повиновался ему во всем смышленый Зивеш. Азарн обращался с ним как с любимым ребенком.

Однажды ночью, возвращаясь из одного земного королевства, оставил за собой лишь огонь и смерть, они наткнулись на старую, дряхлую колдунью. Увидев всадников и их странных волшебных лошадей Нижнего Мира, старуха воскликнула:

— Пусть будет благословенно имя Владыки Тьмы, и пусть он не причинит мне вреда.

На что Азарн, улыбаясь, ответил:

— Время уже и так постаралось навредить тебе своими когтями.

— Да, это так. А не сможет ли Владыка Тьмы вернуть мне молодость? — спросила ведьма, жадно сверкнув глазами.

Азарн холодно засмеялся:

— Я не раздаю подаяние, старуха. Я не верну тебе молодость, но сделаю так, чтобы ты больше не старела.

Из его руки вылетела молния и поразила ведьму. Никогда не стоит выпрашивать милостию у демона.

Но ведьма умерла не сразу. Какое-то время она лежала и пристально разглядывала Зивеша. Догадавшись, что он смертный, она с трудом произнесла:

— Насмехайся надо мной, пока можешь. Ты, рожденный на земле, глуп, потому что доверяешь демонам и разъезжаш по ночам на кобыле, созданной из дыма. Тех, кого демоны любят, они в конце концов убивают, а их подарки — ловушки. Куда ты скачешь на этой призрачной кобыле? Твои мечты обманут тебя.

Ночь близилась к рассвету, и Азрарн спешил в Нижний Мир. Но Зивеша взволновали слова ведьмы. Он спешился и, опустившись на колени, склонился над ее телом. Бледный свет приближающейся зари удивил его. У кромки холмов он увидел розоватое сияние.

— Что это за свет? — спросил он у Азрарна боязливо.

— Это сияние рассвета, который я ненавижу, — ответил князь демонов. — Садись в седло. Нам следует поторопиться, чтобы я не увидел солнца.

Но Зивеш стоял на коленях на земле, словно завороженный.

— Поехали сейчас же, или мне придется уехать без тебя, — пригрозил ему Азрарн.

— А я действительно родился на земле, как сказала эта женщина?

— Да. Солнце тебе, вероятно, покажется красивым, но Владыка Тьмы считает его омерзительным.

— Мой господин, — вскричал Зивеш, — разреши мне остаться здесь на один день! Позволь мне увидеть солнце. Я не успокоюсь, пока не сделаю этого. Но если ты прикажешь мне вратиться с тобой, я поеду, потому что ты для

меня дороже всего в мире,— тут же спохватился юноша.

Азрарн смягчился. Ему не хотелось оставлять юношу, но он понимал, что невозможно запретить ему увидеть землю днем.

— Оставайся на один день,— отрезал Азрарн. Затем, бросив ему маленький серебряный свисток в форме змеиной головы, добавил: — Дунь в него на закате, и я найду тебя, где бы ты ни был. А теперь прощай.

Затем князь демонов пришпорил лошадь и исчез. Кобыла Зивеша, с громким ржанием нервно бившая копытом в предчувствии утра, тоже пропала.

Зивеш вдруг испугался, оставшись в мире людей на холмах возле тела старухи один на один с ужасным сиянием рассвета, заполнившим восток. Но постепенно его душа запела в предвкушении чего-то волшебного, и мелодия эта рождалась в его сердце. Что-то подобное он чувствовал, когда Азрарн впервые заговорил с ним в Драхим Ванаште.

Сначала восток окрасился в светло-зеленый цвет, сменившийся вскоре рубиновым сиянием. Затем над горизонтом показался золотой диск, своими лучами, как стрелами пламени, озаривший весь мир. Смертный, живший в Нижнем Мире, никогда не видел прежде таких цветов — зеленых, шафрановых, красных. Все его тело, казалось, ловило это сияние, и вместе с ним весь мир впитывал огонь солнца. Ни разу ни в залах дворца Азрарна, ни на сумрачных улицах города демонов Зивеш не видел такого великолепия.

Он застыл, рыдая, будто заблудившийся ребенок, который внезапно нашел свой дом.

Целый день Зивеш бродил по холмам и селениям. Неизвестно, что он делал на протяжении этого длинного дня. Может быть, околдовывал диких лисиц, чтобы они сопровождали его, или паривших в воздухе птиц заставлял садиться ему на руки, а может, заходил в хижины пастухов, где прелестные девушки приносили ему молоко в глиняных кувшинах или кое-что покрепче — из особых сосудов, которые боги доверили женщинам. Как бы то ни было, когда солнце утонуло в красочном сиянии в море, Зивеш в изнеможении упал на землю и уснул, забыв, что надо подуть в свисток, оставленный ему Азарном.

А Азарн, словно черный ветер, носился по земле, разыскивая юношу. Князь демонов был в ярости, но, увидев, что тот спит и его прекрасные глаза закрыты от усталости, успокоился и разбудил юношу легким прикосновением. Зивеш сел и оглянулся. Затем узнал Азарна.

— Ты пренебрег моей просьбой и не позвал меня, поэтому мне пришлось разыскивать тебя, словно я твой слуга или собака, — упрекнул его Азарн.

Но, как ни странно, он произнес эти слова спокойно и даже с некоторым удовольствием.

— Мой господин, прости меня, но я видел так много...

— Не смей рассказывать мне об этом, — резко оборвал его Азарн. — Я ненавижу все, связанное с дневным светом. Теперь вставай, и я перенесу тебя в Драхим Ванашту.

С тем они и возвратились. На лице юноши читалась печаль. Ведь ему очень хотелось поделиться с Азарном восторгом, который он испытал.

Город демонов показался ему холодным, а колдовские чары блекли по сравнению с сиянием солнца. Теперь вечный холодный свет Нижнего Мира овевал его душу ледяным дыханием.

Азарн прочитал все это в глазах Зивеша, но, как и прежде, сдержал свой гнев. Он надеялся изменить настроение молодого человека.

Азарн созвал дринов, искусственных кузнецов Нижнего Мира, и поручил им выстроить для него в одну ночь огромный дворец на возвышении в Драхим Ванаште.

Все здание было из золота, хотя демоны не любят этот металл. Дворец освещали тысячи разноцветных ламп, окружал его ров из вулканической магмы. Такой дворец не имел себе равных даже среди великолепия города демонов.

Зивеша восхитило это сооружение, но золото лишь отдаленно напоминало сияние солнца, а магма во рву не могла согреть, как лучи заката.

Тогда Азарн собрал своих подданных на праздник и, ведя Зивеша за руку, прошел с ним между знатными гостями.

— Пришло время тебе присмотреться к девушкам, мой дорогой. Ты можешь выбрать себе невесту,— сказал князь демонов.— Посмотри! Среди ваздру и эшв ты найдешь самых блестящих красавиц королевства. Выбирай! Любая из них станет твоей.

Зивеш посмотрел на придворных Азарна, но прекрасные лица демонических девушек показались ему картонными масками, их черные волосы — слишком мрачными, а глаза — загнивающими болотами. Их движения и руки напомнили ему змей. Он лишь побледнел от отвращения, но ничего не ответил. Азарн погладил его по волосам и улыбнулся.

Ночью князь демонов отправился на холм, где недавно обнаружил спящего Зивеша, и здесь, приняв облик черного волка, начал копать землю когтями.

Вскоре он нашел маленькое чуть проросшее зернышко. Азарн быстро схватил его и, превратившись в молнию, помчался обратно в Нижний Мир. Там, в темном саду, рядом с огненным фонтаном, он посадил зернышко в землю, произнес над ним специальное заклинание и посыпал на него какой-то пылью...

Стоя рядом с князем демонов, Зивеш видел лишь свежевскопанный газон. Но вот на земле появилась трещина, словно извивающийся червь, а следом еще шесть. Затем из образовавшегося отверстия высунулось что-то живое, похожее на кончик носа крота.

— Мой господин, что это? — воскликнул Зивеш в ужасе и в восхищении.

— Я вырастил для тебя редкий цветок, — ответил Азарн и обнял молодого человека за плечи, приказав подождать еще немного.

Таинственный росток тянулся вверх. Появившись из земли, он тут же начал выпускать листья и бутоны, которые так же быстро вяли. Но

один бутон остался на стебле, набух, как шар, до невероятных размеров и внезапно раскрылся. Внутри него оказался цветок в форме закрытой чашечки магнолии, бледно-фиолетового цвета с розовыми прожилками.

Молодой человек затаил дыхание. Но еще больше его поразило то, что произошло дальше.

Плотно закрытые лепестки начали открываться один за другим, каждый лепесток скрывал за собой другой — более глубокого восхитительного голубого цвета, пока, наконец, весь цветок не раскрылся так широко, что стал напоминать веер.

В центре цветка спала обнаженная девушка, закутанная в пламя собственных волос.

— Поскольку женщины моей страны оказались недостаточно красивыми на твой взгляд, я вырастил для тебя женщину в земном цветке, — объяснил Азрарн. — Смотри. У нее волосы цвета желтой пшеницы, груди, словно белые гранаты, а бедра цвета медвяной росы.

Подведя Зивеша к цветку, Азрарн нагнулся и поднял девушку. Когда ее белые ноги оторвались от цветка, послышался тихий хрустящий звук, как от переломленного стебля растения. Девушка тут же открыла глаза, и они оказались синими, как земное небо.

Азрарн, князь демонов, вложил ее руку в руку Зивеша и тихо улыбнулся. Как бы в ответ на его улыбку девушка тоже улыбнулась, глядя на смушенное лицо Зивеша. Ее улыбка показалась ему такой сладкой и красивой, что юноша забыл про солнце.

* * *

Ее называли Феразин, что означало «рожденная в цветке». Зивеш прожил с ней в полном согласии во дворце Драхим Ванашты целый год.

Азарн обучил юношу многим хитростям любви. Демоны никогда не повторяются и не останавливаются на достигнутом. Если они входили в сокровищницу, то уж обходили ее целиком. Две-ри удовольствий вели из одной комнаты в другую. Медовые соты бедер Феразин, ее яблочная сладость и ее желто-пшеничные волосы всегда были готовы принести наслаждение Зивешу, словно плодородная земля. Красавица в любой момент могла устроиться со своим любимым на мягкому ковре из сверкающего золота.

Конечно, юноша любил ее. Возможно, красавица любила его тоже. Созданная демоном, она, несмотря на это, не принадлежала к роду демонов. Но она не была и человеком. Феразин выросла из земного зернышка, посаженного в сверхъестественную почву. И поэтому сочетала в себе свойства человека и демона.

В течение года Зивеш жил, как прежде, охотился на диких зверей в Нижнем Мире, веселился в подземном городе. Иногда по ночам он выходил с Азарном на поверхность земли, а к утру возвращался к своей жене. Юноша обожал ее, но не так, как князя демонов, которого он еще больше боготворил за его последний подарок. Возможно, в тот момент, когда Зивеш коснулся руки красавицы, юноша попал в крепкие сети колдовства. Иначе как объяснить, что он надолго позабыл дневной мир, который теперь

с удовольствием посещал ночью, и даже не отказывался от охоты на людские души на берегах Сонной Реки.

Но князь демонов не смог предусмотреть всего. Случилось так, что именно сама Феразин разрушила его чары. Все же она пришла из земного мира. И хотя ее облик создали демоны, душа ее оставалась в сердцевине зернышка, которое подчинялось естественным законам природы и требовало воздуха и света.

Неожиданно, накануне годовщины их совместной жизни, она, поднявшись с постели, пробормотала Зивешу:

— Мне приснился удивительный сон. Мне снилось, будто я лежу в пещере и слышу звук бронзового горна в небе. Я знаю, что он призывает меня. Тогда я встала и пошла к нему — вверх по крутым ступеням пещеры. Путь был очень трудным, но наконец я добралась до двери и раскрыла ее настежь. Я вышла на лужайку, а надо мной висела очаровательная чаша, вся голубая, с маленьким золотым диском, излучающим свет. Но несмотря на то, что его свет был очень слабым, диск освещал всю землю от края до края.

Когда Зивеш услышал ее слова, его сердце чуть не разорвалось от вспыхнувшего в нем огня. Юноша сразу же вспомнил тот единственный рассвет, когда он впервые увидел солнце. Тьма словно окутала все вокруг него. Он посмотрел на прекрасную Феразин, и она показалась ему призраком. Дворец стал тусклым, словно желтый свинец. Юноша поспешил в город, но ве-

ликолепный и холодный город превратился в гробницу. В изумлении шагая по улицам, он встретил Азарна.

— Я вижу, что ты вспомнил свой глиняный мир,— проговорил князь демонов, и в голосе его звучал металл.— И что дальше?

— Мой господин, мой повелитель, что же мне делать? — воскликнул Зивеш.— Тело моей матери взвыает ко мне с земли из своей могилы. Я должен вернуться в мир людей, потому что я больше не могу оставаться в Нижнем Мире.

— Ты хочешь сказать, что больше не любишь меня? — проговорил Азарн, и теперь в голосе его зазвучала сталь.

— Мой господин, я люблю тебя. Покинув тебя, я оставлю в твоей стране часть себя. Но оставаться здесь — мучение. Город кажется мне тенью, а я сам, словно слепой червь, ползаю во мраке. Прошу, пожалей меня и отпусти.

— Ты сердишь меня уже в третий раз,— отметил Азарн, и в голосе его звучал лед.— Подумай как следует, действительно ли ты хочешь оставить меня, потому что я не намерен больше сдерживать свой гнев.

— У меня не осталось выбора, никакого выбора,— ответил Зивеш.

— Тогда иди,— сказал Азарн, и от голоса его веяло могильным холодом.— И никогда не забывай, от чего ты отказался и кто сказал тебе это.

Тогда Зивеш направился, тяжело ступая, к пригородам Драхим Ванашты. Демоны, встречавшиеся ему по дороге, отшатывались от него.

Громадные ворота открылись. Воздушный вихрь подхватил юношу и выбросил сквозь кратер вулкана на землю, куда он так рьяно стремился.

Так Зивеш вернулся в мир людей. Медленно и печально он пошел куда глаза глядят, освещенный солнцем.

Глава третья

згнание из города демонов стало для Зивеша трагедией. Раньше Зивеш тосковал по солнцу земного мира, а теперь он томился по темному солнцу Драхим Ванашты — Азарну.

Во дворце он жил, словно принц, у него было все: лошади, собаки и красавица жена. Теперь он стал подпас-

ком на холмах в деревне. Целый день под палящими лучами солнца юноша пас грубых коз, спал в шалаше или в маленьком каменном домике вдали от дороги. Ему платили куском черного хлеба и пригоршней инжира, а пил он из ручья, вместе с козами.

Но не это тяготило его. Его внимание было поглощено солнцем. Он смотрел на восход, следил, как светило перемещалось по небу, словно чудесная птица, наблюдал, как оно уходило из мира. Солнце стало его радостью, его счастьем.

Пастухи, перегоняя свои стада, удивлялись странному красивому юноше, который проводил так много времени, глядя на небо. Зивеш не смог подружиться ни с кем из них, хотя был кротким и скромным. Пастухи думали, что он сын какого-нибудь богача, для которого наступили тяжелые времена. Зивеш ничего не рассказывал им о своем прошлом, хотя иногда пастухи слышали, как он во сне называл имя, и у тех, кому оно было знакомо, сердца наполнялись страхом. Потому что во сне душа Зивеша бродила по берегам Сонной Реки, надеясь встретить в бескрайних просторах своих снов Владыку Тьмы.

Зивеш не придал значения тому, о чем предупреждал его Азран. Он не верил, что князь сможет когда-нибудь причинить ему зло. Юноша преданно любил его своим открытым человеческим сердцем и нес боль утраты, словно тяжкую ношу, от которой не надеялся избавиться. Азран тоже его любил и не менее тяжело

переживал потерю, но, в отличие от Зивеша, он мог отомстить некогда любимому им существу. За все годы, которые юноша провел в Нижнем Мире, его щедрая меланхоличная натура почти ничего не переняла от демонов.

Однажды пастухи со стадом пришли в город, собираясь продать на рынке коз. Этот город показался Зивешу невыносимым. В Драхим Ванаште не было ни бедности, ни болезней, ни бродяг, ни нищих, были лишь диковинные сады, стройные минареты из металла и прекрасные демоны. Поэтому в городе людей Зивешу стало настолько плохо, что ему пришлось оставить пастухов и торги и уйти через городские ворота к берегу моря. Расстроенный юноша уселся на скалу. Перед ним догорал закат. На землю опускалась ночь.

Долгое время юноша прятался от ночи, укрывая голову козлиной шкурой, и быстро засыпал. Он с болью вспоминал, как когда-то скакал с Азарном по земле, совершая дьявольские штукки. Теперь он начинал понимать, какое зло они приносили в мир. Замешательство и чувство ужасной потери охватили юношу. Но на этот раз он остался на берегу, и ему казалось, что в эту ночь сердце его разобьется. Впрочем, он почти радовался этому.

Зивеш все еще сидел на берегу. А звезды на небе усмехались, сверкая, как обнаженные кинжалы. Возможно, юноша задремал и во сне увидел рыбака, который протянул к нему свои солнечные сети, жестоко обманул, а затем медленно исчез вдали.

В полночь ветер стал напевать на ухо Зивешу странную мелодию.

Юноша проснулся и поднялся на ноги. В воздухе и в самом деле звучала мелодия, печальная и усыпляющая, созвучная его настроению. Юноша посмотрел в сторону моря и увидел чудо. Словно луна упала с неба и поплыла по воде. Но после того как он закрыл и снова открыл глаза, сквозь бледное свечение Зивеш увидел необычный корабль в форме большого цветка из чеканного серебра, из центра которого поднималась стройная серебряная башня, уходившая в ночь, с крышей, похожей на диадему. В башне светилось единственное рубиновое окно. На корабле не было ни весел, ни паруса. Впереди, однако, было заметно какое-то движение, а блестящая в свете звезд мокрая старая шкура и взбитая пена подтверждали догадку о том, что корабль тянули по волнам огромные животные, наподобие упряжки лошадей, тянувших колесницу. Кто они — киты или же драконы, — Зивеш не мог разобрать. Как только он стал пристально вглядываться, корабль сменил курс и направился к берегу.

Все время звучала приятная грустная музыка. Огромные животные трудились, а гигантское сооружение легко скользило за ними. Зивеш вошел в море и пошел навстречу ему, пока вода не достигла его колен. Вдруг он заметил, что окошко в башне широко открылось и в нем показалось женское лицо.

Страсть к красоте была слабостью Зивеша. Другие преклонялись перед богатством, удоволь-

ствиями или силой, он же преклонялся перед красотой. Кроме того, он боготворил Азарна, а какое-то время и Феразин, Рожденную в Цветке, к тому же он почитал свет пламени и, наконец, короля всего света — солнце. Теперь Зивеш смотрел вверх на лицо девы, склонившейся с башни, и она воплотила в себе все то, чем он когда-либо восхищался.

Ее совершенную красоту невозможно описать. На земле нет таких слов. Эти слова исчезли из языков мира, когда земля еще только появилась из океана хаоса, сформировавшись в результате катастрофы, словно один из мячей, который, играя, подбрасывает в воздух маленький ребенок.

И все же в таинственной деве было что-то и от Феразин, и от Азарна. Она светилась, будто солнце, и подобно солнцу медленно освобождалась от скрывающих ее одежд, позволив своей наготе ослепить Зивеша. И вот все его тело затрепетало и разгорячилось.

Тогда огромный корабль снова развернулся и ушел в море, оставив за собой на воде лишь легкий след. Зивеш громко закричал вслед кораблю и бросился волны. Но вода безжалостно отшвырнула наглеца обратно на берег, приведя в чувство.

Юноша всю ночьостоял у кромки безбрежной водной глади, словно зачарованный, приковав взгляд к горизонту, где, будто зашедшая звезда, исчез корабль. Когда взошло солнце, Зивеш не обратил на него внимания. Он лег в тени скалы и задремал.

Проснулся он на заходе солнца и всю ночь наблюдал за морем. Корабль проплыл вдали от берега за два часа до рассвета. Юноша звал его, но тот даже не повернул в его сторону.

Весь следующий день он опять проспал. Пастухи искали его на берегу, но не нашли. Они выгодно продали коз в городе и торопились домой. Кроме того, юноша отличался странным поведением и, возможно, вообще был полоумным. Поэтому вскоре пастухи ушли. Когда наступила ночь, Зивеш вновь вышел к берегу и ждал, пожирая море дикими голодными глазами. Но на этот раз он ничего не увидел, хотя корабль, очевидно, проплывал совсем рядом, потому что юноша отчетливо слышал музыку. Зивеш задрожал от наслаждения, услышав знакомую мелодию, и снова пошел в море, но оно в очередной раз сердито вышвырнуло его на берег. Тогда он заплакал от злости, от бессильной ярости. Теперь он окончательно сошел с ума от страстного томления.

Несомненно, Зивеша заколдовали. Он знал, как подобные чары действуют на людей, но сам освободиться от них не мог. Как ни странно, Зивеш, живший в городе демонов семнадцать лет, не был защищен от колдовства.

* * *

А все это были проделки Азрарна.

Князь демонов с самого начала говорил правду. Все, что демон желает, имеет, а потом теряет, он непременно уничтожит. Для демонов это было так же естественно, как для смертных

сжечь простыни больного лихорадкой или похоронить мертвого.

Вначале владыка Тьмы не знал, как лучше отомстить Зивешу. Ведь в дни их былой дружбы он сделал молодого человека неуязвимым для оружия и всех земных напастей.

Но внезапно Азран вспомнил, что кое-что он сделать не смог.

Когда юноша пришел на берег, Азран сотворил из дыма и снов магический корабль, цветок-башню. Это призрачное сооружение напоминало мираж, который люди видят в пустыне и, который кажется им реальным, как пески вокруг. Князь демонов долго любовался своим творением, но дольше всего он смотрел на созданную им призрачную красавицу, которая должна была плыть на этом корабле, чтобы пленить сердце и сознание Зивеша. Даже он, князь демонов, был очарован красотой, которую сам же и создал. Азран послал красавицу в море. А сам тем временем в образе черной чайки кружил в вышине над берегом и наблюдал за действием своих чар.

Три ночи и три дня Азран заставлял юношу страдать от отчаяния и тоски. На четвертую ночь, примерно через час после захода солнца, Азран, превратившись в рыбака, склонился над спавшим Зивешом и тихо пропел в его ухо, как это обычно делают демоны.

Зивеш вздрогнул. Казалось, его разбудил призывный мелодичный голос, и юноша подумал, что это приплыл серебряный корабль. Но, встав на ноги, он не увидел и не услышал корабля, толь-

ко старый седой рыбак сидел на берегу и чинил свои сети.

— Ты звал меня? — обратился к нему Зивеш. Он заметил нечто странное в рыбаке, и это привлекло его внимание и заставило заговорить.

— Не я, мне ты абсолютно не нужен, — ответил рыбак.

Но голос рыбака звучал очень странно — казалось, он вовсе не принадлежал ему. В его голосе было нечто особенное, как и в сверкающих, удивительно вдумчивых глазах, которые разглядывали Зивеша. Молодой человек чувствовал себя хорошо в его присутствии, не зная, в чем тут причина.

Ему вдруг захотелось поделиться своими тяготами с рыбаком. Но ему было немного стыдно, ведь до сих пор он не смог привыкнуть к общению с людьми — и мужчинами, и женщинами.

— Хороший сегодня улов? — только и смог проговорить юноша.

— Плохой, — ответил старик. — Рыба встревожена и жмется ко дну. Я расскажу тебе удивительную историю, если ты не возражаешь. В море по ночам ходит большой серебряный корабль. Я видел собственными глазами, как он проплыval мимо. В башне корабля томится дева. Она ждет любимого, о котором узнала из предсказания. Ей сказали, что ее нога не коснется земли до тех пор, пока он не позовет ее. Предание гласит, что его волосы будут рыжими, как янтарь, и что ему будет известна магия Нижнего Мира, которой его обучил Владыка Тьмы.

Зивеш побледнел и посмотрел на пустынные волны.

— Скажи мне тогда, раз уж ты знаешь это предание, как же любимый сможет добраться до девы на корабле? — прошептал юноша.

— А что тут такого? По преданию, у прекрасного юноши будет волшебная кобыла, которая может скакать по воде и легко доберется до девы,— ответил рыбак.

Зивеш закрыл лицо руками. Рыбак, поднявшись, тронул его плечо и доброжелательно поинтересовался, что его беспокоит. Прикосновение старика было удивительно возбуждающим, как, впрочем, и его голос, и глаза. Зивеш снова почувствовал непреодолимое желание рассказать о своих страданиях.

— Я тот, о котором говорит предание,— заикаясь, проговорил он.— Именно мне предназначено любить деву с корабля. Я уже видел ее и полюбил сильнее жизни. Я действительно жил в Нижнем Мире, обучился колдовству, и у меня есть лошадь, которая, как ты упоминал, может передвигаться по воде. Но я отрекся от того мира, чтобы жить на земле, и теперь не имею права ничего просить у моего повелителя Аз-парна.

— Не произноси этого страшного имени вслух,— взмолился рыбак. Он сделал вид, что испугался и защитил себя магическим знаком. Его глаза засияли так, как это бывает у человека, скованного ужасом или едва сдерживающего смех.— Я вот что хочу узнать. Давал ли тебе когда-нибудь демон хоть что-то, что мог-

ло бы вызвать его? Знаешь, существуют такие волшебные предметы, с помощью которых можно вызвать подобные существа, хотят они того или нет.

Зивеш вскрикнул и начал ощупывать свою одежду. Наконец он вынул маленький свисток в форме змеиной головы, который Азрарн дал ему, когда юноша впервые остался на земле встречать рассвет.

— Он дал мне вот это,— ответил Зивеш.

— Ну, тогда все в порядке,— успокоился рыбак.— Но разве ты не трепещешь от одной только мысли о его гневе? Или ты думаешь, что после всего, что случилось, он по-прежнему будет добр к тебе?

— Я не боюсь его. Я вообще не могу думать ни о чем, кроме девы.

От этих слов выражение лица рыбака на мгновение изменилось, став жестоким и мстительным. Но Зивеш не заметил этого, он действительно не видел ничего, кроме своей мечты. Поэтому тут же приложил свисток к губам.

— Подожди, я уйду, пока ты не начал дуть. Я не хочу оставаться здесь, когда он появится,— воскликнул рыбак в ужасе.

Зивеш подождал, пока рыбак не скрылся из виду.

Возможно, это была своего рода проверка, которую Азрарн устроил для Зивеша. Если бы Зивеш смог воспротивиться чарам волшебного корабля и хоть на мгновение вспомнить о своей любви к Азрарну и о его силе, которой панически боялись люди, то, возможно, князь со-

хранил бы ему жизнь. Но колдовство Азрарна, оказалось слишком сильным. Зивеш помнил лишь свою тоску по деве и из-за этого пренебрег князем демонов. Теперь уж он не мог надеяться на прощение.

Как только старик исчез, Зивеш приложил свисток к губам и дунул. Он даже не заметил того, что такой дряхлый старик слишком быстро для своего возраста бежал по берегу.

Звука не последовало, по крайней мере такого звука, который можно было бы расслышать на земле. Затем внезапно воздух наполнился шумом, похожим на хлопанье крыльев, и на берегу вырос бесформенный столб дыма. Азрарн решил больше не появляться перед Зивешом в образе красивого человека, который обычно принимают демоны, чтобы заставить людей обожать и возвеличивать их.

Из дыма зазвучал холодный, равнодушный голос:

— Зачем ты позвал меня? Разве ты забыл, что мы расстались?

— Мой господин, прости меня, я хочу попросить тебя только об одном одолжении и обещаю, что больше никогда не потревожу тебя.

— Не сомневайся, тебе не придется дуть в этот свисток во второй раз. О чем же ты собираешься меня просить?

— Позволь мне один раз прокатиться на лошади Нижнего Мира, которую ты мне однажды подарил. На той самой кобыле с гривой, словно голубой дым, которая может передвигаться по воде.

— Никогда не говори, что я невеликодушен. Ты можешь воспользоваться этой лошадью на одну ночь. Смотри, вот она,— произнес Азарн.

Внезапно одна из дюн на берегу раскрылась, и оттуда появилась кобыла, отряхивая песок и грунт со спины. Зивеш радостно подозвал ее, и, узнав голос хозяина, лошадь подбежала к нему и позволила оседлать себя. Когда юноша обернулся, столб дыма уже пропал и берег опустел. Зивеш почувствовал на какое-то мгновение угрызения совести и вину за то, что даже не поблагодарил Азарна. Но вскоре он забыл об этом, терпеливо ожидая появления волшебного корабля у самой кромки прибоя, хотя лошадь рвалась вперед и нетерпеливо переступала ногами. Луна поднялась, и ее отражение утонуло в море, а звезды сверкали в небе, как крошечные огоньки.

* * *

Когда появился корабль, было уже довольно поздно. Он возник далеко от берега, где-то у горизонта.

Зивеш услышал знакомую музыку и подумал: «Моя возлюбленная на корабле, она ждет меня». Юноша пришпорил лошадь, которую едва ли нужно было подгонять. Она с радостью ринулась вперед.

Копыта стремительно и звонко, как цимбалы, зазвенели, ударив по серебряной дорожке лунного света, протянувшейся к берегу от корабля с цветком-башней.

Зивеш гнал лошадь вперед. Его согревало беспричинное счастье, знакомое только жерт-

вам колдовства. Оно подобно пламени свечи, сгорающей до конца, даже если горит неярко, и ярко вспыхивающей перед тем, как погаснуть.

Когда юноша был примерно в четверти мили от цели, корабль начал медленно отдаляться, что, впрочем, не показалось молодому человеку зловещим или странным. Зивеш принял это за забавный розыгрыш, за игру, затеянную девой в башне, желающей посмотреть, что же будет дальше. Кроме того, казалось, что корабль движется очень медленно, хотя Зивеш, как ни пытался, не мог догнать его.

Затем, сквозь стоны моря, волшебную музыку и звон упряжи до скачущего Зивеша донесся голос. Юноша не знал, откуда он прилетел, не помнил, кому он принадлежал, но произнесенные слова звучали снова и снова в его ушах:

— Ты, рожденный на земле, глуп, потому что доверяешь демонам и разъезжаешь по ночам на кобыле, созданной из дыма. Тех, кого демоны любят, они в конце концов убивают, а их подарки — ловушки.

И сразу же Зивеш увидел себя глазами чайки, кружащей над ним в небе: человек и лошадь, дерзко скачущие по морю по лунной дорожке к кораблю, который уплывает все дальше и дальше.

Холодная змея сомнения шевельнулась в сердце Зивеша. Юноша натянул поводья и оглянулся. Берег остался далеко позади и казался прочерченной мелом линией, затерявшейся между водой и воздухом. Но, обернувшись на-

зад, он увидел еще кое-что, то, что до сих пор всегда наполняло его сердце радостью. Восток бледнел, приобретая нежный, как грудь голубки, оттенок. Скоро взойдет солнце.

Ветер, посвежевший с восходом, дул теперь сильнее.

— Твои мечты предадут тебя. Ты скачешь в никуда на этой призрачной кобыле,— пропел голос ветра.

Зивеш застонал от ужаса и муки. Он повернулся волшебную кобылу, оставив уплывающий корабль за спиной. Однако в тот момент, когда он направился к разгорающемуся востоку, лошадь заржала и встала на дыбы от страха.

Юноша крепко вцепился в гриву. Он то ласково уговаривал ее, то ругал. Он заставлял несчастное создание двигаться в сторону далекого берега по волнующемуся морю, которое теперь переливалось, как перламутр. Наконец лошадь помчалась, как вихрь, а ее грива закрывала морду от света. Она фыркала и таращила в ужасе глаза.

Зивеш обернулся назад. Серебряный корабль становился прозрачным на фоне светлеющего неба, затем он замерцал, словно тень на свету, и исчез. Взошло солнце.

Оно восстало, будто феникс, и восток запылал. Лучи яркого света протянулись через море, и теперь уже золотая дорожка вместо серебряной пролегла по воде, прославляя солнце.

Когда же огненные лучи коснулись демонической лошади, она издала жуткий звук, ужаснее, чем любой звук, который можно услышать

на земле. Солнечные лучи, казалось, пронзили ее насекомый.

И тут же Зивеш почувствовал, что поводья растворяются в его руках, а стремена плавятся, как воск. Твердое тело лошади стало хрупким и податливым, словно мягкая глина. Зивеш испуганно заерзал в седле. Его лошадь стала обычным клочком ночного тумана, тающим под солнцем.

Юноша упал. Море приняло несчастного, жадно раскрыв объятия. Даже князь демонов не мог бы защитить своего возлюбленного от моря, потому что оно не принадлежало земному царству и жило по своим собственным законам. За мгновение до того, как воды поглотили его, Зивеш громко крикнул. Он прокричал имя князя демонов, вобравшее в себя всю боль, одиночество, отчаяние и осуждение, которые только мог выразить человеческий голос. Волны поглотили юношу, и утро наполнилось тишиной.

Кто знает, услышал ли Азрарн этот последний крик? Конечно, он мог следить через какое-нибудь магическое зеркало за смертью юноши и видеть, как тот тонул. Возможно, часть боли, испытанный Зивешом, заставила его поперхнуться, от нее скривило губы демона, привыкшего произносить лишь удивительные и ласкающие слух слова, и, может быть, в этот момент Азрарн почувствовал вкус зеленой соленой воды.

* * *

Говорят, что в Драхим Ванаште начался пожар, спаливший дотла дворец, который Азрарн

построил для Зивеша. Когда же крыша из драгоценностей обвалилась, вспыхнуло яркое пламя, опалившее глаза всех, кто наблюдал за пожаром. Свет, как известно, не любили в Нижнем Мире, потому что он напоминал солнце.

Часть вторая

Глава первая

Нижнем Мире, далеко за пределами светящихся стен и мерцающих шпилей Драхим Ванашты, посреди черных скал пряталось широкое озеро, плоское и гладкое, как зеркало. Здесь в ночной тьме у своих наковален работали дрины, дымились раскаленные металлы и звенели молотки.

Природа не наделила дринов красотой, как демонов высшей касты — князей ваздру, их слуг или эшв. Дрины были маленькими, смешными и нелепыми. Как и их повелители, они любили пакостить, но придумывать, как именно можно это сделать, они не умели. Им часто приходилось служить ваздру и выполнять поручения эшв, и поэтому, когда могущественные маги готовили зелья и колдовали, дрины с радостью помогали им и подчас куролесили на земле даже больше, чем того хотелось самим магам.

Искусные кузнецы, дрины умели создавать поистине прекрасные вещи. Они ковали кольца для демонесс и князей-демонов, кубки и ключи, серебряные часы-птицы и пускали их летать вокруг башен дворца Азрарна. Однажды они даже построили золотой дворец для земного юноши, любимца Азрарна, правда, теперь от того дворца остался лишь золотой пепел.

Одному из дринов — по имени Вайи — давно уже не давали покоя честолюбивые мечты. Он часто бродил вокруг озера в поисках драгоценных камней или полупрозрачной гальки, которыми изобиловали эти мрачные берега, и думал: «Придет час, и я сделаю самое замечательное кольцо в Нижнем Мире, Азрарн непременно будет носить его и хвалить меня» или «Когда-нибудь я создам магическое животное из металла, такое, что все прикусят языки от удивления». Вайи мечтал все делать лучше всех. Он хотел прославиться и быть единственным в своем роде. Иногда он мечтал жить во дворце Азрарна и быть любимцем князя демонов. Но порой ему хотелось

выбраться на поверхность земли и завоевать признание при дворах знаменитых королей. Все будут восхвалять и уважать его, днем же он будет прятаться от солнца в особый, выложенный бархатом, гроб.

Однажды Вайи, мечтая и бормоча что-то себе под нос, бродил по берегу озера и вдруг увидел перед собой неизвестное создание. Определенно, это был не дрин, потому что существо было очень высоким и стройным и даже со спины казалось невероятно красивым. Возможно, это прелестная госпожа ваздру или эшва пришла попросить какую-нибудь изысканную драгоценность. Тогда она, без сомнения, готова заплатить за безделушку самым приятным для дринов образом. Тихонько Вайи засеменил следом за незнакомкой. Она же уселась на скалу, на берегу озера, подняла вуаль, и Вайи сразу же узнал ее. Длинные желтые волосы рассыпались по ее плечам, а ее лицо напоминало цветок. Другой такой не было во всем Нижнем Мире, а возможно, и на земле. Это оказалась Феразин, Рожденная в Цветке, дева, которую вырастил Аэран, чтобы порадовать смертного Зивеша, лежащего теперь на дне моря.

Сидя у озера, Феразин время от времени вытягивала руки к холодной черной воде или к неизменному небу. Но вот, устав, она опустила голову и заплакала.

Вайи очаровало это зрелище. Может быть, она оплакивала Зивеша? Или, как и Зивеш, горевала без жестокого горячего земного солнца? И вдруг Вайи увидел, что слезы Феразин, падая на скалу, светятся и переливаются.

«Если бы эти слезы могли стать драгоценными камнями! Пожалуй, они были бы такими же яркими, как бриллианты, но мягче. Скорее как жемчужины, но прозрачнее. Значит, опалы. Нет, пожалуй, бесцветные сапфиры. Но как же мне собрать их?» — судорожно соображал Вайи.

Он порылся у себя за поясом, достал маленькую коробочку, плонул в нее и проделал странные магические движения. Затем он подскочил к одной из слезинок, подцепил ее на кончик пальца и спрятал, не повредив, в волшебную коробочку. Он нашел еще шесть слез и отправил их туда же. Внезапно Феразин подняла голову, на мгновение перестав плакать, и увидела дрина. Она взглянула на него только один раз, и взгляд ее был наполнен страхом и болью. Красавица поднялась, закрывшись вуалью, и медленно пошла назад по направлению к воротам Драхим Ванаشتы. Вайи не смог найти между скал больше ни одной слезинки и поэтому торопливо зашагал за Феразин, причитая на ходу:

— Прекрасная Феразин, вернись и поплачь еще! Я подарю тебе за это и подвески, и броши, и серьги.

Но Феразин не слышала его. Вайи ничего не оставалось, как вернуться к озеру. Он крепко прижал к себе драгоценную коробочку и бормотал:

— Семи вполне достаточно. Больше было бы слишком просто, неинтересно. Семь — это необычно.

Вайи поспешил к себе в пещеру, разжег огонь и начал рыться в груде металла, раковин и кам-

ней. Затем, подойдя к клетке, где спали три упитанные паучихи, постучал по прутьям.

— Просыпайтесь, просыпайтесь, лентяйки! — прикрикнул дрин. — Просыпайтесь и начинайте прядь. Я принесу вам кекс, пропитанный вином, а князь демонов обязательно пощекочет вас своими чудесными пальцами.

— Ах ты, лгун, — проворчали паучихи, но подчинились, и вскоре полутемная пещера украсилась ажурной паутиной.

Шли часы, а Вайи работал в своей кузнице. Пламя мерцало, освещая пещеру, с ним перемежались и другие огни — магические. В порыве воодушевления Вайи призывал себе в помощь все чары, которые были ему доступны. Дрины, жившие неподалеку, время от времени подходили ко входу в пещеру и с любопытством заглядывали внутрь. Но пещера была заполнена чадом, к тому же они не могли разобрать ни слова из заклинаний Вайи, ведь дрины были глуховаты из-за постоянного стука молотков. Никто не знает, сколько времени работал Вайи со своими помощниками. Несомненно, по земному времени прошло много лет с момента начала работы, даже для времени Нижнего Мира это было достаточно долго.

Наконец в кузнице наступила тишина.

К пещере крадучись подошел один из дринов. Но Вайи предусмотрительно увеличил размер одной из паучих и заткнул бедным животным вход, так что никто не мог ни войти, ни выйти.

— Эй, там, Вайи! Покажи нам, что это ты надумал мастерить, на что потратил столько времени? — закричал дрин.

— Убирайся прочь! Тебе не на что здесь смотреть! — огрызнулся в ответ Вайи.

Дрины отошли к берегу озера и принялись обсуждать случившееся. Один из дринов по имени Бакви волновался больше всех. Он, как и Вайи, тоже мечтал заслужить особую благосклонность Азарна. Все дрины обожали и боялись Азарна.

Бакви подумал: «Нужно украсть безделушку у Вайи. Я бы отдал ее моему повелителю и стал его любимцем».

Наговорившись вдоволь, дрины, ворча и бранясь, разошлись, а Бакви спрятался за скалой и стал ждать.

Через некоторое время Вайи отодвинул паучиху, освободил проход, высунул свой длинный нос из пещеры и нервно огляделся. Решив, что вокруг никого нет, Вайи вышел из убежища и, подбежав к берегу, пустился от радости в пляс, оглашая воздух диким визгом.

Бакви тем временем подкрался боком к паучихе.

— Прекрасная госпожа, как ты выросла! — начал он. — Твоя величина может сравниться только с твоим великолепием.

— Лестью ты ничего не добьешься, — ответила паучиха. — Отойди, или я укушу тебя. Я очень голодная.

— Это не беда! — сказал Бакви и вытащил из кармана большой медовый кекс. Паучиха облизнулась, а Бакви продолжал: — Сладкая моя, умоляю, съешь этот кекс, покуда ты не потеряла сознание от голода. Кто же упрекнет тебя в отсутствии преданности к такому хозяину, как этот?

Мало того, что он так пренебрежительно забил тобою проход в пещеру, он еще и не накормил тебя!

Паучиха молчала. Бакви отдал ей кекс и попытался боком протиснуться в пещеру, но как только паучиха все съела, то снова закрыла собой вход.

— Боже мой! — воскликнул Бакви. — Я ведь только хотел взглянуть на то, что сделал твой злой хозяин. Мы можем с тобой договориться! Похоже, я знаю, чем могу быть тебе полезен. — При этом дрин со знанием дела усердно щекотал паучиху, пытаясь ее возбудить. Ему это удалось, и паучиха предложила сделку. Бакви немедленно оседлал ее и начал энергично работать. Несмотря на вздохи и визг, ее оказалось не так легко удовлетворить. Бакви брыкался и подскакивал, желая угодить ей, он готов был упасть в изнеможении, но ей этого было мало. Наконец, громко зашипев, паучиха сбросила дрина со спины и сказала, что он может войти в мастерскую Вайи.

Потирая свои ушибы и с трудом переводя дыхание, Бакви вошел в пещеру.

Внутри на рабочем столе лежало ожерелье из белого серебра, бледного, как луна. На подвеске, сотканной из серебряных паутинок, тоньше самой тонкой нити, словно светящиеся птицы в ловушке, мерцали семь невиданных драгоценных камней, ярких, удивительно глубокого молочного цвета.

— Изумительно, Вайи! — воскликнул Бакви, не помня себя от восхищения. Схватив подвеску, он спрятал ее в куртку, выбежал из пещеры

и помчался через темные холмы вдоль берега по направлению к Драхим Ванаште.

Вскоре вернулся Вайи. Паучиха выглядела несколько подозрительно, растопырив восемь мохнатых лап и всем своим видом демонстрируя полное счастье. Но Вайи этого не заметил. Он вбежал в пещеру и ринулся прямо к столу. Отчаянные вопли и стоны, стук опрокинутых столов, стульев, разбитых инструментов, скрежет зубов и звонкие удары по паукам огласили пещеру. Потом наступила тишина. Вайи выскочил из кузницы и помчался вдоль озера, через холмы к Драхим Ванаште, взывая о справедливости и мести. Вскоре он добрался до дворца Азрарна, князя демонов, одного из Владык Тьмы.

* * *

Азрарн гулял в саду среди деревьев с мягкой бархатистой корой. В отдалении княгиня ваздру играла на семиструнной арфе. Музыка лилась нежнее, чем вечерний бриз играет в струях фонтана. Слева от него другая княгиня ваздру пела сладче, чем соловей или жаворонок. Вокруг над хрустальными цветами вились осы из драгоценных камней.

Мрачную гармонию нарушила эшва. Она низко поклонилась, а за ее спиной подпрыгивал коротышка дрин.

— Итак, малыш, чего же ты хочешь? — спросил Азрарн, взглянув на Бакви своими гипнотическими и задумчивыми глазами.

Бакви покраснел и потупил взгляд, но все же сумел собрать все свое мужество и воскликнул:

— Величайший из Владык! Я, Бакви, ничтожнейший из твоих подданных, принес тебе подарок. Много веков я тайно трудился, пока остальные дрины, хвастаясь, поднимали шум вокруг своих работ. Все свое мастерство и всю свою любовь я вложил в этот бесценный шедевр. Прощу, соблаговоли взглянуть на него, Владыка Ночи.

Он протянул Азарну серебряное ожерелье.

Обе княгини ваздру вскрикнули и всплеснули руками. Даже осы из драгоценных камней подлетели ближе. Эшва же закрыла глаза от восхищения. Азарн улыбнулся, и эта улыбка наполнила Бакви гордостью. Но ответить Бакви не успел, так как в сад ворвался Вайи. При виде Бакви и ожерелья Вайи посинел и яростно завопил:

— Будьте прокляты все воры! Будьте прокляты все мохнатые обжоры, не умеющие умерить свою похоть, мои восьминогие прислужницы! Будьте прокляты все дрины, кроме меня!

Ваздру и эшвы притихли, испугавшись гнева Азарна, уверенные, что он испепелит дрина. Но Азарн не шелохнулся. Спустя мгновение Вайи осознал, где находится, и заметил высокую тень князя демонов, возвышавшуюся перед ним. Тогда Вайи медленно поднял глаза и встретился взглядом с князем.

— Пощади, Безжалостный,— с ужасом прошептал Вайи.— Я забылся в своей ярости. Но это отродье глухой летучей мыши и слепого филина украл мое сокровище. Ожерелье мое, мое!

— А ты тоже собирался отдать это ожерелье мне? — спросил Азарн сладким, как мед, голосом.

В ответ на это Вайи ударил себя кулаком по голове и затопал ногами:

— А как же, Удивительнейший? Разве оно не прекрасно? Ему нет равных. Кто еще может владеть им, кроме Величайшего из Владык?

— Все это хорошо, но как я узнаю, кто же из вас на самом деле смастерил для меня этот подарок? Мне придется испытать вас обоих,— сказал Азарн.

Бакви и Вайи распростерлись на черной траве, моля князя демонов о пощаде. Внезапно Вайи поднял голову:

— Есть только один способ узнать, кто прав, князь. Если он утверждает, что сам сделал ожерелье, то спроси его, где он нашел такие редкие светящиеся драгоценные камни.

Азарн снова улыбнулся, но на этот раз его улыбка была иной. Он задумчиво посмотрел на Бакви и сказал:

— Что ж, это вполне разумно, маленький кузнец. Эти драгоценные камни действительно необычны. Скажи мне, где ты отыскал их?

Бакви сел, дико огляделся по сторонам и начал:

— В глубокой пещере я нашел странную расщелину...

Вайи рассмеялся. Бакви поперхнулся и попытался начать все сначала.

— Прогуливаясь у озера, я нашел ящерицу с медной кожей и, подняв ее за хвост, вытряс ее глаза.

— Разве у нее было семь глаз? — усмехнулся Вайи.

— Да, да, так и было,— забормотал Бакви.— По два с каждой стороны от носа, один на голове да еще один на подбородке и у...

— Ну конечно! — воскликнул Вайи возбужденно.— Ты лжешь! Я скажу тебе, князь, откуда взялись эти семь драгоценных камней.— И, подойдя ближе, он шепотом рассказал все Азрарну.

— Это легко проверить,— ответил Азрарн.

Князь демонов взял у одной из княгинь ваздуру магическое стекло, вызвал в нем образ Феразин, Рожденной в Цветке, и приказал ей своим низким мелодичным голосом заплакать. Никто не смог бы ослушаться такого приказа, поэтому все, слышавшие его, заплакали, и даже цветы пустили росу. Слезы Феразин полились ручьями, и каждая напоминала драгоценные камни ожерелья.

— Перестань плакать,— прошептал Азрарн и затушил изображение в стекле. Воздух вытерли капли со своих алых щек, эшва утерла слезы, напоминавшие опалы, но оба дрина продолжали хныкать от страха.— Теперь я знаю, что ожерелье сделал Вайи, а Бакви украл его. Как мне наказать его?

Бакви запричитал, а Вайи громко закричал:

— Вари его в яде змеи, его любовницы, вари его десять человеческих веков. А потом вари его в лаве еще десять веков. И после этого отдай его мне.

— Молчи, негодяй,— приказал Азрарн, и Вайи побледнел.— Вершить суд в Драхим Ванаште — это моя привилегия. Я вижу, что один из вас —

вор, зато другой — честолюбив, хвастлив, нетерпелив и шумлив. Это очень плохо, малютка дрин. Бакви будет ползать на животе, как червяк, и рыхлить землю в моем саду, пока я не забуду его, потому что воров ничего не соблазняет лишь тогда, когда нечего воровать.

В то же мгновение Бакви сморщился, став невероятно тонким, упал и маленьким черным червячком уполз в землю. Азран же продолжал:

— Что же касается тебя, Вайи, то я отказываюсь от подарка, потому что он обесценился в споре. Несчастный маленький дрин, ты слишком гордишься своим мастерством. Я отправлю твое ожерелье в мир людей, и там оно принесет множество бед. Это, конечно, порадует тебя, и никто не усомнится, что ожерелье сделано дрином, но никто никогда не узнает твоего имени, и ты не удостоишься никакой чести за свою работу, ни один король не возьмет тебя на службу и не прикажет сделать для тебя обитого бархатом гроба, где бы ты мог прятаться днем.

Вайи склонил голову, поняв, что Азран прочитал его мысли.

— Я заслужил это наказание и такую награду, — смирился дрин. — Ты, как всегда, справедлив. Позволь мне поцеловать траву, где стояли твои ступни, и я тотчас же уйду.

Вайи так и сделал, а потом, лежа в своей пещере у озера, он думал об Азране Прекрасном, вспоминал Бакви, который стал червяком иры теперь туннели в саду, серебряное ожерелье с семью слезинками и жалел, что оно непременно затеряется в необъятном мире людей.

Глава вторая

C

екрет ожерелья был весьма прост: как любой предмет Нижнего Мира, оно обладало магическими свойствами и поэтому привлекало смертных, как ни одно из земных украшений. Ценилась не столько красота изделия, сколько его свойства. Каждый, кто его видел, жаждал заполучить его. Кроме то-

го, это была действительно очень тонкая работа — даже Азрарн сначала принял подарок дрина с удовольствием. К тому же семь драгоценных камней, в прошлом настоящие слезинки, обладали особым бледным очарованием. Ожерелье, созданное из честолюбивых порывов и гордости, украшенное драгоценностями, источниками которых были печаль и скорбь, могло вызывать лишь жадность, тайное бешенство и принести в конце концов одни лишь слезы.

Ожерелье попало на землю с помощью одного из эшв. Он принял облик стройного темноволосого юноши, который мечтательно бродил ночами, глядя на освещенные окна домов, и призывал барсуков и пантер играть на лесных опушках и любоваться собственными отражениями в лунных прудах. В лавандовых сумерках перед восходом солнца эшва пересек торговую площадь большого города и увидел там спящего у подножия фонтана нищего. Беззвучно рассмеявшись, он надел ожерелье Вайи ему на шею. Затем, поднявшись в воздух, как темная звезда, он умчался по направлению к центру земли.

Вскоре взошло солнце, и рынок оживился. К фонтану слетелись голуби, подошли женщины набрать воду в кувшины и посплетничать. Нищий встал, одернул лохмотья, потянулся, взял сумму и отправился на свою дневную работу. Но не успел он пройти нескольких шагов, как кто-то из прохожих уставился на него. Нищий остановился. Рука его коснулась гладкой твердой поверхности серебра, а глаза увидели холодный блеск драгоценностей. В минуту его окружила толпа.

— Люди добрые! — воскликнул нищий. — Не понимаю, почему вас так заинтересовала эта дешевая безделушка. Это всего лишь талисман, который я купил у старой колдуньи, чтобы избавиться от болезней. Но боюсь, он мне не помогает, — добавил он, показывая несколько болячек и язв, которые заранее нарисовал на руках и ногах. Толпа отшатнулась, и нищий, наклонившись, выскользнул из ее тесного кольца и помчался по боковой улице. Крича, толпа тут же ринулась за ним. Нищий вбежал в ювелирную лавку и упал в ноги торговца.

— Караул! Помоги мне, дорогой господин, — взмолился нищий. — Спаси меня, и я осыплю тебя всеми богатствами мира.

— Ты? — меланхолично произнес ювелир, но, заслышав гул приближающейся толпы, посадил нищего в сундук, захлопнул над ним крышку, вышел из лавки и встал в дверях, будто бы ожидая удобного случая для заключения сделки. Толпа мгновенно заполнила улицу, и кто-то нетерпеливо спросил, не видел ли торговец пробегавшего мимо нищего.

— Я? — высокомерно спросил ювелир. — Я не слежу за оборванцами!

Толпа шумно загудела, но постепенно начала расходиться. Часть людей побежали дальше по улице, остальные повернули обратно. Улица опустела.

— Теперь исчезни, и как можно скорее, — скомандовал ювелир, открывая настежь сундук.

— Тысяча благодарностей, — промолвил нищий. — Но перед тем, как я уйду, посмотри на

это ожерелье и скажи, сколько ты дашь мне за него.

Лицо ювелира изменилось. Глаза и рот широко раскрылись, нос судорожно задергался. Несомненно, он больше всего на свете захотел приобрести это ожерелье, но ему показалось невероятно глупым платить за изделие нищему.

«Такие люди не привыкли к деньгам,— подумал он.— Если я заплачу ему столько, сколько стоит это ожерелье, он попадет в беду». Поэтому он осторожно произнес:

— Дай сюда эту побрякушку, и я сразу же скажу тебе, сколько она стоит.

Но, как только нищий снял с себя колье и передал его торговцу, ювелир закричал:

— Не может быть! Я слышу, что толпа возвращается. Молчи, что бы ни случилось, и я постараюсь спасти тебя.

Нищий в страхе прыгнул обратно в сундук, ювелир захлопнул крышку и на этот раз закрыл сундук на замок. Затем, спрятив колье под одежду, вышел на улицу и подозвал двух носильщиков, стоявших без дела у винной лавочки.

— Я дам по золотой монете каждому, если вы заберете отсюда этот старый ободранный сундук,— сказал ювелир.— Он уже давно загромождает мою лавку, но никто не хочет помочь мне избавиться от него, потому что сундук слишком тяжелый. Но вы — двое сильных парней — легко заработаете на таком деле. Просто отнесите его вниз по улице и сбросьте с моста в реку.

Два носильщика с радостью взялись за это нехитрое дело. Несчастный нищий молчал всю

дорогу, как и предупредил его ювелир, и, конечно, о нем больше никто никогда ничего не слышал.

* * *

Сперва ювелир собирался неплохо заработать, продав серебряное ожерелье какому-нибудь богатому господину или госпоже, а может быть, даже самому королю, жившему в этом городе. Но, внимательно рассмотрев колье, он почувствовал, что не в силах расстаться с ним. Ювелир выбрал коробочку из слоновой кости, отделанную внутри бархатом, и спрятал в нее творение дрина. Затем, крадучись, пробрался на верхний этаж дома и положил футляр с ожерельем в коробку из кедрового дерева. Ее он поместил в металлический ящик, а ящик убрал в большой старый сундук, очень похожий на тот, в котором он запер несчастного нищего. Затем торговец торопливо перетащил сундук в маленькую каморку, где хранился старый хлам и различные хозяйствственные принадлежности. Дверь каморки запер на замок. Ключ от замка он спрятал в дымоходе.

Так ожерелье Вайи попало к ювелиру.

Когда несчастный утирал пот с лица после всех этих треволнений, появилась его жена.

— Почему тебе так жарко, муж мой? Знаешь, я только что видела двух мужчин, сваливающих в воду сундук, удивительно похожий на тот, который стоит внизу в нашей лавке. Я остановила их и спросила, что они делают. Они рассмеялись и сказали, что какой-то старый дурак

заплатил им по золотому, чтобы они утопили сундук в реке.

— Молчи! — закричал ювелир испуганно.— И не думай вспоминать об этом, или я выставлю тебя за дверь.

Поведение мужа сильно удивило жену ювелира, потому что до сих пор он был очень сдержаным человеком. Она начала наблюдать за мужем.

Легко представить ее удивление, почти панику, когда ювелир, полностью поглощенный мыслями о своем сокровище и думая, что она крепко спит, ночью осторожно встал с постели и, краудучись, вышел. Женщина, однако, лишь прятываясь спящей. Она тихонько встала с постели и последовала за ним. Сначала он, несчастная жертва ожерелья, вытащил ключ из печной трубы, затем открыл им верхнюю комнату и, войдя в нее, запер дверь изнутри.

Жена ювелира, конечно, не преминула встать на колени, чтобы следить за мужем в замочную скважину. Она увидела немного, но поняла, что ювелир последовательно открывал несколько коробок, потом нагнулся над чем-то, невнятно бормоча. Когда по полу пробежала мышь, он яростно зашикал на нее.

Женщина отскочила от двери и торопливо вернулась в постель. Но ювелир не возвращался в течение трех или четырех часов.

— Чем же он занимается там наверху? — удивлялась женщина, перебирая в памяти городские сплетни о невидимых духах и их колдовстве в обмен на человеческую кровь и души.

То же самое повторилось в следующую ночь и через ночь. Бедная женщина не находила себе места от волнения и любопытства.

— Ладно, ладно,— сказала она своему мужу на четвертый день.— Не сомневайся, я как-нибудь все равно проберусь в ту комнату наверху.

— Нет! — закричал ювелир.— Я запрещаю тебе подходить к этой комнате. Только посмей прикоснуться к двери пальцем, и я выброшу тебя на улицу.

— Пожалуйста,— невозмутимо ответила жена. Но это не отбило у нее охоту узнать, что же такое находится в запертой комнате, из-за чего ее муж совсем лишился разума.

Вскоре после этого разговора ювелиру понадобилось уйти из дома по делам.

— Закрой двери и никого не впускай, пока я не вернусь,— наказал он жене.— Только имей в виду, что ты должна оставаться внизу и заниматься хозяйством, а не совать нос куда не надо.

— Конечно, мой дорогой,— проворковала жена ювелира.

Но, как только он ушел, женщина начала действовать по заранее составленному плану: она достала из дымохода ключи, поднялась наверх по лестнице к заветной комнате, затем открыла сундук и все коробки.

— Ах! — только и могла воскликнуть жена ювелира.

Все замерло у нее внутри. Вначале она вообще ни о чем не могла думать, но потом рассудила так: «Это ожерелье подойдет и мужчине, и женщине. На мне оно будет смотреться

просто великолепно. Но если мой муж узнает, что я видела его сокровище, то никогда не позволит мне его надеть. Он скорее изобьет меня или сделает что-нибудь похуже».

Недолго думая, она побежала к речным причалам, где приютилась маленькая темная лачуга, купила там одно снадобье и помчалась с ним домой.

Когда ювелир вошел в дом, его встретила улыбающаяся жена с наполненным до краев кубком.

— Как это я тебя проглядела! — воскликнула она.— Возьми! Я подготовила для тебя чашу пряного вина.

Ювелир выпил и тут же свалился замертво. В вине был яд, подсыпанный его женой.

Хитрая женщина принялась причитать, а ничего не подозревающие соседи сбежались утешить несчастную вдову! Похоронив мужа, она продала лавку и переселилась в прекрасный дом, где завела павлинов, которые расхаживали по лужайкам. Ее одеждой отныне стал черный бархат. Магическое ожерелье всегда блестело на ее груди.

* * *

У местного короля было несколько жен, и одна из них являлась королевой. Она носила расшитую изумрудами вуаль из золотых нитей и каждый день каталась по городу в колеснице, запряженной леопардами. Ее придворные сопровождали колесницу и выкрикивали: «Кланяйтесь первой жене короля, королеве города». Естественно, все тут же кланялись, так как слуги

хватали самых нерасторопных и отрезали им руки или ноги. Это очень развлекало королеву.

Однажды, когда она в очередной раз проезжала по городу, то заметила, как что-то блеснуло на балконе одного из домов.

— Слуга, сходи туда и принеси мне то, что там блестит,— приказала она.

Посланный слуга поспешил в указанном направлении и вскоре вернулся, ведя за собой упирающуюся испуганную женщину, вдову ювелира — с серебряным ожерельем на шее.

— Ваше Величество, ваша милость заметила, как сверкали эти драгоценности. Но женщина отказывается их отдать. Посмотрите, она кусалась и царапалась, пока я пытался их снять.

— Тогда отруби ей голову,— приказала королева.— Я не потерплю измену в городе моего мужа.

Так и случилось. Ожерелье, отмытое от крови в душистой воде — такую воду всегда носили вслед за колесницей, потому что руки и ноги королевы часто приходилось очищать от кровавых брызг — и вытертое шелковым полотенцем, слуги передали своей повелительнице. У королевы загорелись глаза. Она тут же надела ожерелье.

Вскоре зашло солнце, и королева отправилась на банкет, который каждую ночь устраивал в своем зале король. Ожерелье вызвало всеобщее восхищение, многие посматривали на него с завистью, забыв про яства на тарелках. Сам король меланхолично погладил семь драгоценных камней.

— Что это за ожерелье, моя голубка? Где ты его взяла? Оно красиво смотрится на твоей белой шее, но представь, как изумительно подойдет оно мужчине. Ведь оно тяжеловато для твоей лебединой шейки, и поэтому ты с удовольствием передашь его мне...

— Ничего подобного,— ответила королева.

— Но ты дашь мне его поносить? — настаивал король.— Дай мне его поносить, а я одолжу тебе взамен кусок бирюзы больший, чем моя ладонь.

— Чепуха, я видела кусок бирюзы, о котором ты говоришь, он не больше твоего пальца,— возмутилась королева.

— Ну ладно, тогда я подарю тебе пять сапфиров. А хочешь шкатулку из ценных пород дерева, наполненную жемчугом. Все эти жемчужины добыты в разных морях.

— Нет, мне вполне достаточно того, что у меня есть,— ответила она.

Короля передернуло от этих слов. Он рассердился, но не показал виду. Когда праздник закончился, он тайком пробрался к небольшому холму, расположенному во дворцовом саду. При свете звезд он повернулся последовательно на восток, север, юг, запад и произнес заклинание, которое узнал в детстве от одного мага. Сначала ничего не произошло, но потом тишину разорвал звук, похожий на шум зимнего ветра в небесах. Верхушки деревьев закрыли луну, и широкая тень упала на землю. Король дрожал от страха, но не двигался. Рядом с ним на траву опустилась страшная черная птица размером

с трех орлов. У нее был хищный искривленный клюв, длинные, как бронзовые крюки, когти и красные яркие, словно огонь, глаза.

— Говори, только быстрее. С помощью своего нехитрого колдовства ты оторвал меня от пира, который сейчас в самом разгаре высоко в горах,— проговорила ужасная птица.

Король еще больше задрожал, но пролепетал:

— У моей жены, королевы, есть ожерелье, которое она не хочет отдавать мне. А ведь я — ее муж и поэтому имею право на это украшение. Схвати мою непокорную жену и подними ее высоко в небо, заставь отдать ожерелье и принеси его мне.

— А что сделать с женщиной? — спросила птица.

— Меня это не волнует. Мне все равно, что ты сделаешь с ней. Я получу это ожерелье, и меня никто ни в чем не сможет обвинить.

— Ты вызвал меня с помощью колдовства, и я должна тебе повиноваться.

Эта птица не принадлежала к роду демонов. Она была земным чудовищем, одним из немногих, сохранившихся с древнейших времен. Над ней были не властны ни законы земли, ни демоны Нижнего Мира. Она являлась осколком хаоса, принявшим облик птицы, и скиталась повсюду, обиженная и злобная, появляясь там, куда ее позовут люди, если осмелятся; но чаще всего она навещала тех, кто ее не любил и избегал.

Птица раскрыла огромные крылья, напоминавшие громадные веера пальмовых листьев, и взлетела к шафранному окну комнаты, где пе-

ред зеркалом сидела королева, поглаживая ожерелье.

— Возлюбленная,— мягко позвала птица,— вторая луна ночи, выйди и покажи свою красоту теням.

Удивившись странному голосу, королева надменно подошла к окну. Птица тут же схватила ее своими ужасными когтями и с пронзительным криком унесла в ночное небо.

Чудовище взмыло высоко в небо. Они летели рядом с звездами, и птица крыльями касалась их серебряных лучей. Земля, распростершаяся внизу, напоминала туманную карту, там и здесь мелькали огни городов, а по ее краю расползлись фиолетовые моря.

Королева завыла от ужаса.

— Отдай мне свое ожерелье, и я отпущу тебя! — крикнула ей птица.

Королева рванула купленное ценой крови ожерелье, и птица поймала его в клюв. Верная своим словам, она действительно отпустила королеву. Одни говорят, что несчастная разбилась, другие утверждают, что волшебники Нижнего Мира пожалели ее и превратили в маленького злобного сокола, который с тех пор носится в небе, пронзительно крича.

Большая птица, довольная, что освободилась от тяжелой ноши, играла с ожерельем, держа его в клюве.

Она и не подумала отдавать его королю, решив оставить это украшение себе. Но когда птица устремилась домой, к своим скалам, над горами разыгралась гроза, сотрясая небеса раскатами

грома. Одна из молний задела чудище, правда, легонько, но этого было достаточно, чтобы птица вскрикнула и выронила ожерелье Вайи. Птица парила кругами над скалами, разыскивая драгоценность, но ничего не нашла и в ярости полетела на запад вслед удаляющейся грозе.

* * *

Ожерелье упало вниз, сверкая, как метеор. Покрытые туманом холмы, уже слегка озаренные солнцем, омывала река, лес застыл, словно ощетинившийся зеленый зверь. В лесу пряталась долина, окруженная высокими скалистыми башнями и покрытая ковром из цветов. Здесь неподалеку от узкого водопада среди деревьев стоял маленький белый храм.

Пока ожерелье падало, семь драгоценных камней звенели, будто колокольчики. Ветви деревьев подхватили его, не дав упасть на землю.

Неизвестно, какому богу здесь поклонялись. Три жрицы служили в храме, периодически зажигая огонь в алтаре. Кроме них, в святилище никого не было, не считая одной маленькой змейки, которая, говорят, служила жрицам оракулом. В праздники в храм приходили люди из долины и с окружающих холмов. Тогда жрицы брали змейку и помещали ее в мраморный поднос с песком. Змейка была всеобщей любимицей, и за ней всегда заботливо ухаживали. Ей задавали вопросы о будущем урожае, рождениях, смертях и судьбах. Извиваясь, она оставляла следы на песке, которые трактовали как предсказание, как полученный от бога ответ. Жрицы также соби-

рали яд змейки и использовали его для приготовления фимиама. Они делали это очень осторожно, потому что змейка была ядовитой, хотя еще ни разу никого не ужалила. Змейка очень любила своих хозяек. А они, в свою очередь, кормили ее медовыми пряниками и сливками.

Каждое утро одна из трех жриц приходила с кувшином к узкому водопаду. В этот день сюда пришла самая молодая жрица. Все птицы долины пели, а вместе с ними пела и сама жрица. Приблизившись к воде, она заметила, как что-то сверкает в рощице.

— Должно быть, звезда упала ночью с неба,— решила жрица. Но когда она подошла ближе, то поняла, что ошиблась. Женщина всплеснула руками и выронила кувшин. Ее глаза ярко загорелись. Больше всего на свете ей захотелось схватить ожерелье и надеть его, чтобы увидеть блеск этих драгоценных камней у себя на груди. Но она не могла дотянуться до ветки, за которую зацепилось ожерелье. Так она и стояла, пока к ней не подошла вторая жрица, разыскивавшая ее.

— Сестра, на что ты смотришь?

— Ни на что. Здесь нет ничего,— поспешила воскликнуть младшая. Но вторая жрица уже успела посмотреть наверх.— Оно мое! — закричала младшая.— Я нашла его первой. Оно не достанется тебе.

— Почему же? Я старше тебя, а значит, получу его именно я,— отозвалась вторая жрица. Она подняла с земли кувшин и с такой силой ударила им младшую, что та упала замертво.

Старшая жрица, услышав шум, прибежала к роще.

— Сейчас появится старшая,— пробормотала вторая жрица. Она снова схватила кувшин и спряталась за дерево. Вскоре старшую жрицу постигла та же участь, что и младшую. Затем, не взглянув на следы преступления, оставленные вокруг на траве и цветах, вторая жрица села под деревом, не сводя глаз с ожерелья, висевшего у нее над головой.

— Ничего, я что-нибудь придумаю и вскоре доберусь до тебя. А пока я буду любоваться тобой,— прошептала она.

Солнце уже поднялось высоко над лесом, а жрица все сидела под деревом. Скалистые пики окрасились золотом, затем темно-красным. День клонился к закату. Вскоре краски дня поблекли, в долину опустились зеленые сумерки. А жрица все сидела под деревом, не замечая ничего, кроме ожерелья, застрявшего среди веток.

В это время из храма, извиваясь, приползла змейка, забытая, голодная и явно рассерженная, потому что никто в этот день не приласкал и не накормил ее. Увидев в роще одну из своих хозяек, змейка радостно кинулась к ней и обвилась вокруг ее лодыжки. Но жрица не обратила на нее никакого внимания. Змейка посмотрела наверх и увидела то, что висело на дереве.

В сознании змейки будто бы вспыхнула искра. Так уж было сделано ожерелье Вайи, что все земные существа, будь то люди или животные, жаждали заполучить его. Словно из смертельной раны, капля за каплей вытекла вся зме-

иная доброта. «Мое», — подумала змейка, как, впрочем, думали и все, кто видел ожерелье, и впилась в пятку своей хозяйки ядовитыми зубами. Так и получилось, что тело второй жрицы оказалось рядом с бездыханными трупами ее прежних подруг.

На какое-то мгновение змея почувствовала невыносимое одиночество, но на смену ему пришло ощущение нарастающего гнева и силы. Ее захватали бурлящая гордость. Змея вытянулась, обвила ствол дерева и стала расти. Она раздувалась от ненависти и высокомерия, распухала и удлинялась. Девять раз ее тело обернулось вокруг ствола, и теперь ее сплющенная хищная голова покоилась на ветке, где висело ожерелье.

Наступила ночь и весь мир погрузился в тьму. Потемнела и змея, приняв злой цвет. Ее глаза превратились в серебряные щелочки — настолько долго и пристально она вглядывалась в семь ярких драгоценных камней.

* * *

Прошли годы. Крыша храма провалилась, колонны рассыпались. Храм превратился в руины. Водопад высох от самого истока, цветы завяли, леса погибли. Только высокое дерево с ожерельем на ветвях продолжало жить и расти, хотя, как и змея, оно потемнело и стало уродливым. Змея по-прежнему была жива. Пока ее наполняли злость и завистливая гордость, она не могла умереть. Змея никогда не спала, обвившись вокруг дерева, и когда приближались люди

с факелами, песнями или с обнаженными ножами, она плевалась ядом, полным ненависти и уничтожавшим все вокруг. Трава высохла, вместо цветов земля теперь была усеяна костями.

Долина опустела, люди теперь обходили ее стороной. Все дальнее распространялась легенда о сокровище на дереве и о ревностно охраняющей его змее. И вот пришло время героев.

Одни приводили сюда целые армии, другие появлялись в одиночку. Приезжали витязи на лошадях и в доспехах, защищенные магическими заклинаниями, с мечами из голубого металла. Были и такие, кто приходил пешком, полагаясь на свою природную хитрость и отважное сердце. Все они погибли. Их кости ложились рядом с другими на высохшую траву, а их имена упоминались лишь в легендах, а то и вовсе забывались. Прошло пять или десять столетий. И герои перестали здесь появляться.

Наступило время забвения.

Черное тело змеи распласталось вокруг дерева, из ее рта капал смертоносный яд. Она думала: «Сокровище мое, и только мое. Никому оно не достанется».

Но ее терзала боль, глубоко угнездившаяся в змеиной душе. Она не знала причины этой боли и продолжала лежать на дереве, глядя широко раскрытыми глазами сквозь века. Иногда сухой ветер шевелил траву, и она стремительно разбрзгивала яд вокруг себя, думая, что снова появились герои. Но со временем она утомилась и все больше спокойно лежала, опервшись плоской головой на ветку. Она ослепла, но по-

прежнему думала: «Мое, только мое. Никто не отнимет у меня моего сокровища».

К тому времени она уже забыла, что же являлось ее сокровищем.

* * *

И вот однажды, когда небо над бесплодной долиной было чистым, словно купол из сапфирного стекла, змея расслышала невдалеке, в портике разрушенного храма, шаги человека. Она подняла голову, и ее взгляд прояснился. Змея смогла различить тень — теперь она видела только тени — тень, напоминавшую человека. Змея зашипела.

Тень замерла, но не от страха, человек как будто прислушивался.

Змея обучилась человеческому языку столетия назад — ненависть и зависть должны найти какое-то выражение. Лишь те создания, которые никогда не испытывали подобных чувств, не нуждаются в речи. Поэтому змея заговорила:

— Подойди ближе, человек, рожденный женщиной, чтобы я, змея этой долины, смогла убить тебя.

Но вместо того, чтобы убежать или приблизиться — как обычно поступали глупые искатели приключений, — человек сел на обломок одной из колонн храма.

— Почему ты хочешь убить меня? — спросил человек. Его голос звучал странно и необычно для этой долины, он не был ни наглым, ни кричащим, ни просящим, ни умоляющим, как голоса героев, ни грубым, как порывы ветра, ни

монотонным, как шум дождя. Он был приятным и музыкальным.

Змея старалась не вслушиваться в этот голос, потому что он, казалось, причинял ее душе нестерпимую боль.

— Я убиваю всех проходящих здесь, потому что все они приходят, чтобы украсть мое сокровище,— ответила змея.

— Что же это за сокровище?

— Взгляни вверх на ветку дерева — и увидишь его,— сказала змея.

В ответ человек тихо засмеялся, и смех его пролился в душу змеи, как вода на иссущенную землю.

— Увы, я не могу увидеть твое сокровище, потому что я слеп.

Эти слова пронзили змею, словно мечом. То, что человек с таким голосом оказался слепым, поразило ее. Но ведь и она стала почти слепой.

— Ты родился без глаз? — удивленно спросила она.

— Нет, у меня есть глаза, хотя они ничего не видят. Я родился в тех краях, где у людей есть один старинный обычай.

— Расскажи мне,— прошепестела змея, потому что в первый раз за долгие годы она испытала жалость и слова незнакомца заинтересовали ее.

— Там, где я родился, люди очень боялись богов, которым поклонялись,— начал незнакомец.— Люди верили, что если рождается ребенок необычайной красоты, то разгневанные боги обязательно уничтожат его. Поэтому каждый ре-

бенок, будь то мальчик или девочка, осматривается на третий день после рождения жрецами. Если кого-нибудь признавали неугодным богам, его заставляли смотреть на белое горячее пламя до тех пор, пока он не ослепнет. Считается, что таким образом они отвращают зависть богов. Поэтому на моей родине все красивые люди слепы.

— Значит, ты красивый? — поинтересовалась змея.

— Говорят, что красивый, — ответил незнакомец, но в его тоне не было ни обиды, ни печали.

— Подойди поближе, — прошептала змея. — Дай мне посмотреть на тебя, потому что я тоже почти ослепла, глядя на серебряный огонь моей драгоценности. Я не причиню тебе зла, не бойся меня. Тебе уже достаточно досталось.

Незнакомец поднялся.

— Бедная змея, — вздохнул он. Человек беспощадно, чуть склонившись, двинулся в сторону дерева, ощупывая дорогу руками и длинным посохом. Дойдя до дерева, он потянулся вверх, но не к серебряному ожерелью, а к змее, и стал гладить ее спину. Змея опустила голову и долго глядела на него. Незнакомец оказался молодым человеком, действительно очень красивым и добрым. У него были светлые, как ячмень под белым солнцем, волосы. Его ясные зеленые, словно нефрит, глаза ничем не выдавали его слепоту. Тело его было стройным и сильным.

Почувствовав нестерпимую усталость, змея положила голову ему на плечо.

— Расскажи мне о тех, кто ослепил тебя, назови свое имя и имена твоих недругов, чтобы я знала, кому желать зла, чтобы отомстить за тебя.

Но незнакомец лишь погладил змею по голове и сказал:

— Меня зовут Казир, а что касается недругов, то я уже отомщен. Жрецы отняли мое зрение, зато у меня сильно развиты другие органы чувств. Когда я притрагиваюсь к какому-нибудь предмету, я узнаю о нем все. Проходя по этой долине, я узнал ее историю лишь от прикосновения длинной травы к моему запястью или по теплому камню, поднятому с тропинки. И, прикоснувшись к тебе, я понял твою печаль гораздо лучше, чем если бы я увидел тебя и испугался.

— Значит, ты понимаешь меня,— вздохнула змея, дотянувшись головой до его шеи.— Когда-то я была счастливой и невинной. Я любила, и меня любили. Я так долго томилась здесь, ни на что уже не надеясь. Даруй мне покой, слепой Казир, дай мне отдохнуть.

Молодой человек запел для змеи тихую песню. В ней говорилось о кораблях из туч и о сонной стране, где покой и тишина царят над землей, заглушая печаль мира. Слушая ее, змея заснула сладким сном впервые за многие столетия, и во сне ее зависть и ярость умерли, а вместе с ними умерла и она.

Казир почувствовал, что жизнь покинула змею. Больше он ничем не мог помочь ей, он лишь поцеловал ее холодную голову и отвернулся. Внезапно ветка зацепилась за него, и раздался

звон колокольчиков. Казир протянул руку и нащупал ожерелье Вайи.

«Эта вещь проклята, ее сделали демоны. Она причинила большое зло и сделает еще больше, если я не спрячу ее в землю», — подумал Казир. Затем он ощупал ожерелье и прикоснулся к семи магическим камням.

Все, лишь завидев ожерелье, страстно желали его заполучить. Но Казир видел все иначе — лишь кончиками пальцев и благодаря своим необыкновенным способностям. На мгновение он затаял дыхание и все понял:

«Семь слез упали на землю от отчаяния, семь слез обронила женщина, рожденная цветком».

В эту секунду он узнал все — не только кровавую историю ожерелья, но и то, что произошло до этого. Он узнал, как в своей кузнице стучал молоточком дрин, как Бакви стал червяком в саду Азрарна. А главное, он узнал историю Феразин, Рожденной в Цветке, оплакивавшей на берегу озера в Нижнем Мире Зивеша и яркое солнце.

Глава третья

азир долго бродил по земле. Слепой бард с изумительным голосом без устали искал путь в Нижний Мир, искал дорогу к Ферзин.

Он шел, словно зачарованный, но не жадность вела его, а сострадание и любовь.

Никто не мог поведать ему того, что нужно для осуще-

ствления его мечты. Имя Азрарна лишь мельком, изредка касалось его слуха, о владыке Нижнего Мира предпочитали вслух не говорить. Кроме того, у Азрарна было очень много имен: Владыка Тьмы, Владыка Ночи, Причиняющий Боль, Прекрасный, Неназываемый. Вход в его королевство находился в сердце горы в центре земли, но никто не мог подсказать Казиру, где это место, ведь оно не было обозначено ни на одной карте. Никто не осмелился бы пойти проводить слепца туда, где жерла вулканов извергали пламя, а небо заволакивал огненно-красный туман.

Казир не отчаявался, но на сердце у него было тяжело. Себе на хлеб он зарабатывал пением. Порой его песни вылечивали больных и успокаивали безумных, поскольку имели магическую силу. Несмотря на слепоту барда, почти в каждом доме ему с удовольствием предоставляли приют, и многие женщины, видевшие его, не задумываясь согласились бы провести с ним всю свою жизнь.

Но Казир проходил мимо них, как проходят времена года, и продолжал искать дорогу к Феразин.

В подоле его рубашки было зашито ожерелье. Когда Казир оставался один, он дотрагивался до него, прикасаясь поочередно к семи камням, и тогда в его сознании возникал образ Феразин. Даже своим внутренним зрением он не мог видеть ее, потому что слишком рано ослеп, чтобы иметь какое-нибудь представление о цвете и образах. Он узнавал ее подобно тому, как люди

узнают розу по ее аромату в темном саду или находят фонтан, ощущая прохладную воду руками.

Однажды в сумерках, забравшись на высокое плоскогорье, Казир обнаружил ветхий каменный дом. Там жила старушка, когда-то промышлявшая колдовством. Теперь она забросила свои книги, но запах колдовства все еще витал в этом месте.

Казир постучал в дверь. Хозяйка вышла. На пальце у нее было надето магическое кольцо: когда рядом с ней стоял злой человек, кольцо начинало нагреваться, когда приближался добрый — камень на кольце зеленел. Теперь камень светился, словно изумруд, поэтому старушка пригласила Казира войти. Она поняла, что ее красивый гость слеп. Колдунья поставила перед ним пищу и сказала:

— Тебя зовут Казир, ты — тот самый глупец, который ищет дорогу в Нижний Мир. Я слышала, что ты убил ужасную змею в заброшенной долине и забрал легендарное сокровище.

— Послушай, женщина, змея умерла от старости и горя, — сказал Казир. — Сокровище замарано людской кровью и ничего не стоит. Я взял с собой лишь слезы несчастной девы, плачущей в Нижнем Мире по свету и любви.

— Это дева, вышедшая из цветка? Возможно, я смогу подсказать тебе путь к ней. Хватит ли у тебя храбрости, чтобы пойти по нему, слепой Казир? Хватит ли у тебя смелости, чтобы, ничего не видя, отправиться на поиски, рискуя жизнью?

— Только скажи мне, и я пойду. Не будет мне покоя, пока я не спасу подземную красавицу,— отозвался Казир.

— Это будет стоить тебе семь песен,— сказала колдунья.— По песне за каждую из слезинок Феразин.

— Я с радостью заплачу тебе,— ответил Казир.

Казир пел, а колдунья слушала. Мелодии лечили ее суставы, расправили мышцы ее рук... К ней вернулась молодость, словно птица, влетевшая в окно.

Но настало время, и старуха начала свой рассказ:

— В Нижнем Мире у границы королевства Азрарна течет река с тяжелыми, как металл, водами. По ее берегам растет белый лен. Это Сонная Река, вдоль нее иногда бродят души дремлющих людей. Князья-демоны охотятся на них с помощью гончих. Если ты отважишься отправиться туда, то я могу приготовить тебе питье, которое быстро перенесет тебя в пропасть сна и омоет твою душу на тех берегах. Там тебя повсюду будут поджидать ловушки, но если тебе удастся избежать опасностей и охотничьих собак ваздру; удастся пересечь равнину, ты доберешься до города демонов и сможешь встретиться с Азрарном. Тогда и спроси у него о своей деве из цветка. Если Азрарн согласится исполнить твое желание — а такое может случиться, потому что никому не дано предугадать его настроение в тот миг,— тогда он сам отшлет тебя и твою возлюбленную обратно, в мир людей. Но

он может оказаться не в духе, охваченный яростью, и тогда ты пропал. Одним лишь богам известно, на какие мучения и страдания он тебя обречет.

Казир нашел руку колдуны и, крепко пожав ее, сказал:

— Ребенок может бояться родиться, а мать — рожать, но никому не дано право выбирать, когда придет его черед. И у меня тоже нет выбора. Это мой единственный путь. Поэтому приготовь свой напиток, добрая волшебница, и разреши мне уйти этим путем сегодня ночью.

* * *

Казир прошел через порог сна так же, как все его проходят, совсем не заметив этого, и проснулся на берегу великой реки.

Иногда во сне слепые видят, если им удалось кое-что повидать в жизни до того, как ослепнуть. Да и кто будет сомневаться в том, что души остаются зрячими, после того как навсегда покидают свои тела. Но тело Казира не умерло. И его лишили зрения раньше, чем он успел повидать мир. Поэтому его душа, оказавшись на холодном мрачном берегу, была так же слепа, как и на земле.

Казир стоял на берегу Сонной Реки, где рос белый лен, чувствовал ледяной запах воды, слышал плеск ее металлического течения, а вдаль от него расстилались черные земли, на которых росли черные деревья, украшенные позолоченной проволокой. Казир знал о них, хотя и ничего не видел.

И вот слепец встал на колени и положил руку на прибрежную гальку.

— Куда мне идти, чтобы попасть в город демонов? — спросил Казир. И тут же почувствовал, что камешек немного потеплел с одной стороны. Поднявшись, сновицем пошел в направлении, указанном галькой, удаляясь от реки и время от времени ощупывая перед собой дорогу посохом.

Долго шел Казир. Иногда он прикасался к металлической коре на деревьях и узнавал благодаря ей, в каком направлении надо идти и сколько еще осталось до города. Он не слышал ничего, кроме шелеста ветра Нижнего Мира. Но внезапно слепой почувствовал рядом с собой клубящийся столб дыма, и чей-то голос прошептал:

— Смертный, ты слишком далеко зашел в своем сне. Я Забвение, слуга Сна. Не меня ли ты ищешь? Разреши мне обнять тебя и выпить память из кубка твоего разума. А когда ты проснешься и люди спросят твое имя, ты не сможешь его вспомнить. Подумай, что я предлагаю тебе взамен: ни преступления, совершенные тобой, ни стыд, испытанный прежде, не затуманят твое сознание, оно станет чистым, как воздух земли. Освободись от своей прежней жизни, словно от старой одежды.

Но в прошлом Казира не было ни преступлений, ни постыдных поступков, которые стоило бы забыть.

— Нет, я в тебе не нуждаюсь, — ответил Казир. — Я ищу князя Азрарна.

— Тогда иди. Если тебе суждено принадлежать ему, я не буду тебя дольше задерживать,— отозвался дымный столб.

Казир пошел дальше, но по дороге ему встретился еще один мираж. Он заговорил мягче и убедительнее, чем прежний:

— Смертный, ты зашел дальше, чем тебе полагается. Меня зовут Фантазия, дитя Сна. Не меня ли ты ищешь? Позволь мне обвить тебя и наполнить твоё сознание видениями красавиц и дворцов. Попроси никогда тебя не будить, и тогда ты сможешь вечно танцевать на моих балах. Подумай, какое блаженство я предлагаю, новый мир, который гораздо лучше того, к которому ты привык.

Но Казир и сам не был чужд фантазии, поскольку плел из нее свои песни.

— Нет, ты не нужна мне,— сказал он.— Я и так знаю тебя очень хорошо. Я ищу князя Азарна.

— Тогда ступай,— отозвалась Фантазия.— Если тебе суждено принадлежать ему, ты не можешь быть моим.

И вот Казир вышел на дорогу. Она была выложена мрамором и огорожена стройными колоннами. Прикоснувшись к ним, Казир понял, что она ведет к воротам Драким Ванашты, города демонов.

Не успел Казир пройти и нескольких шагов по мраморной дороге, как услышал за собой страшный звук, похожий на лай волков, только еще более жуткий. Он понял, что охотничьи собаки взадру почуяли его запах.

Но Казир не побежал и не бросился на поиски укрытия. Он остановился и обернулся назад. Юноша слышал рычание и лай, топот волшебных лошадей и звон бубенчиков на их сбруях, различал крики ваздру. Тогда Казир, повысив голос, начал петь. Душа Казира пела его красивым человеческим голосом. Неизвестно, о чем пел слепой, но охотничьи собаки остановились и угледились на дороге, лошади опустили головы, даже князья ваздру внимательно слушали его пение, подперев руками свои бледные красивые лица.

Песня закончилась, и наступила тишина. Тогда зазвучал другой голос, не менее изумительный, чем голос Казира. Голос, который, словно лед, сковал холодом душу поэта.

— Мечтатель, ты сбылся с пути,— произнес голос.

Казир поднял слепые глаза и повернул голову в сторону говорившего. Конечно, он ничего не видел, но хотел таким образом выразить почтение.

— Не думаю, потому что я путешествовал здесь в надежде встретиться с тобой, Азран, князь демонов,— ответил Казир.

— Что я вижу! Ты слепой? — удивился Азран.— Ты поступил глупо, отважившись ступить в такое место, где трепещут даже зрячие. Что тебе нужно от меня?

— Возвратить тебе, владыка Тьмы, кое-что, созданное твоими подданными,— ответил слепец и вынул серебряное ожерелье Вайи. Он принес его с собой в Нижний Мир, потому что

ожерелье, сделанное из тени в подземном царстве может быть перенесено через Солнную Реку, хотя любое земное тело или металл перенести через нее невозможно. Казир положил ожерелье на дорогу перед ваздру.— Князь, возьми обратно свою игрушку, она и так выпила уже столько крови, что даже ты должен быть доволен.

— Будь осторожен,— мягко, как бархат, предупредил Азран.— Следи, певец песен, за тем, что говоришь мне.

— Великий князь, если ты пожелаешь, то сможешь прочитать мои мысли, как книгу. Зная, что не могу скрыть их от тебя, я говорю откровенно. Добродетель демонов несколько отличается от человеческой. Я ничего не придумал: ожерелье причинило множество бед! И все только потому, что ты того пожелал. Поэтому радуйся, всесильный князь, а мне, смертному, остается только горевать.

При этих словах Азран улыбнулся, и Казир почувствовал его улыбку, хотя и не мог ее видеть.

— Ты, слепец, смел и честен. Ты еще не передумал войти в мой город с высокими башнями? Ты осмелишься спеть там для меня?

— С радостью. Но попрошу за это плату,— сказал Казир.

Азран засмеялся. Еще ни одной человеческой душе не доводилось слышать такого смеха во сне.

— Смело, слепой герой,— сказал князь.— Твоя плата может оказаться слишком высока. Назови ее, а там разберемся.

— В городе живет женщина. Ее слезы стали камнями этого кровавого ожерелья. Она — цветок и жаждет солнца. Моя цена — ее свобода.

Азарн долгое время молчал. Позвякивала лишь сбруя волшебных лошадей. Слепой поэт спокойно ждал ответа, опершись на посох.

— Я заключу с тобой сделку, — произнес внезапно Азарн. — Мы с тобой пройдем по моим залам. Я задам тебе один-единственный вопрос, а ты пропоешь свой ответ одной-единственной песней. Если в песне будет правильный ответ, ты получишь Феразин, я отпущу ее к солнцу. Но если ты ошибешься, я прикую твою душу в самой черной расселине Нижнего Мира, и мои собаки будут рвать ее до тех пор, пока она не превратится в пыль, которая встречается на земных дорогах. Теперь либо ты принимаешь мое предложение, либо уходи. Я отпущу тебя невредимым, потому что ты развлек меня.

— Один я не вернусь назад, Владыка Тьмы, — решительно ответил Казир. — Веди меня в свой город и задавай вопросы, а я постараюсь пропеть свой ответ так, чтобы он тебе понравился.

Так Казир оказался в Драхим Ванаште, куда смертные обычно не попадают.

Повсюду слышна была странная музыка, и дивные ароматы витали в воздухе. Воздру вели его, пока он не оказался в громадном зале Азарна.

Владыка Тьмы был очень гостеприимным хозяином. Он поставил перед гостем изысканные блюда и чудесные вина, рассказал, что кубки сделаны из малахита и рубинов, а подносы из

самого лучшего стекла. Азрарн поведал ему, сколько свечей в серебряных канделябрах горят вокруг, пояснил цвет каждой драпировки и рассказал о мозаиках на полу. Он поведал певцу о царственных вазах, о почитаемых эшвах, красивых демонах, невероятно прекрасных и изысканных, описал княгинь и слуг, отметил, как прекрасны формы их грудей и изысканы ароматы их волос и тел.

Князь демонов провел Казира по всему дворцу. Затем они поднялись наверх, и Азрарн объяснил гостю, какие башни сверкают на севере, какие на юге, какие парки простираются к востоку и к западу.

Азрарн рассказал ему о многочисленных городских строениях, бесчисленных лошадях в стойлах. Рассказал он и о немыслимых возможностях своей магии, о своих знаниях. Все это заняло много времени. Закончив, Азрарн мягко спросил:

— Все это принадлежит мне, душа поэта. Я могу получить все, что захочу. А теперь я задам тебе вопрос, и ты ответишь на него песней.

— Я готов,— ответил Казир и услышал вокруг перешептывание вазду и эшв, приготовившихся слушать.

— Как ты думаешь, существует ли хоть что-нибудь, без чего я, обладатель всех этих сокровищ, не могу жить? — спросил Азрарн.

Воздух зааплодировали, эшвы вздохнули. Они не знали ответа на вопрос князя. Казир на мгновение склонил голову, а затем, подняв ее, начал петь, как они и договорились с Азрарном.

Суть ответа Казира заключалась в том, что, несмотря на все невероятные богатства Азрарна, на все обширные и вечные царства под землей, ему нужно только одно: люди.

— Нами ты играешь, в нас — твоё развлече-
ние, — в заключение сказал Казир. — Ты всегда
возвращаешься к нам, чтобы разрушить нашу
славу, посмеяться после того, как обманешь нас.
Если бы на земле не существовало людей, жизнь
демонов и самого князя демонов была бы невы-
носимо скучной.

Когда все услышали это, взадру презритель-
но закричали, но Азрарн молчал. На этом, од-
нако, песня Казира не кончилась.

Слепой поэт пел демонам, навевая на них ле-
дяной сон.

Он пел о том, как мор пришел с края мира и
уничтожил жизнь на земле. Не осталось ни од-
ного мужчины, ни одной женщины, ни младен-
ца. Не было ни колдуний, склонившихся над зе-
льями, ни князей, скачущих в поисках приклю-
чений, ни воюющих армий, ни прекрасных дев,
выглядывающих из башен, ни младенцев, крича-
щих в колыбельках. Только одинокий ветер за-
ывал над землей и шевелил травы. Солнце всхо-
дило и заходило над пустотой. Казир пел о том,
как князь демонов кружил в облике ночного орла
над беззвучными городами и пустынными зем-
лями. Ни одно окно не светилось, ни один па-
рус не надувался в море. Князь искал людей. Но
не осталось ни одного благородного сердца,
которое можно было бы подкупить, ни одного
жадного ювелира, которому можно было бы

причинить зло. И на всей огромной земле не осталось ни одного человека, который с уважением или с ужасом мог бы прошептать имя Азарна.

Демоны молчали. Последние слова песни поэта, казалось, превратили присутствовавших в лед.

Казир был совершенно спокоен. Помолчав, Азарн произнес:

— Я получил ответ.

Никто, кроме поэта, не уловил, насколько изменился и похолодел, будто бы от боли или даже от страха, голос Азарна, когда он произносил эти слова.

Сделка состоялась. Князь отправил одного из эшв на поиски Феразин, гулявшей в одном из тенистых садов Драхим Ванашты.

Красавица кротко вошла в зал Азарна. Темная вуаль скрывала ее лицо.

Азарн жестом пригласил ее подойти поближе и сказал:

— Смертный завоевал для тебя свободу холодной, как могила, песней. Его душа вернется на землю через Солнную Реку, а тебя перенесет на твою родину одна из ночных птиц.

Феразин подняла глаза.

— И я увижу солнце? — спросила она.

— Пока не заболеешь от него, — ответил Азарн. — Его, своего спасителя, ты тоже будешь видеть каждый день, потому что отныне ты принадлежишь ему.

Азарн говорил очень тихо, но Казир услышал его и возразил:

— Нет, великий князь. Она была слишком долго собственностью других. Я не хочу, чтобы она принадлежала мне. Я лишь попросил тебя даровать ей свободу.

— Но ты ведь любишь ее,— сказал Азрарн.— Иначе бы ты не пришел сюда.

— С тех пор как я наткнулся на ее слезы в серебряном ожерелье, я действительно полюбил Феразин,— спокойно произнес Казир.— Теперь же, ощущая ее присутствие, я люблю ее еще сильнее. Но она ничего не знает обо мне.

Феразин внимательно взглянула на Казира, потому что его голос показался ей похожим на свет солнца.

Она стала пристально вглядываться в его лицо, волосы, глаза. Подойдя к нему, она поняла, что он слепой. Он рисковал телом и душой ради нее и ничего не просил взамен. Не удивительно, что она сразу же полюбила его.

— Я с радостью останусь с тобой. И буду любить тебя, пока ты этого хочешь,— сказала Феразин.

Потом красавица снова подошла к Азрарну и мягко произнесла:

— Ты вырастил меня из цветка, и, пока я жила в твоем темном царстве, я не старела. Но Казир постареет, как и все люди, поэтому, прошу, позволь мне постареть вместе с ним. Я хочу быть такой же, как он. Когда же он умрет, как все люди, позволь мне тоже умереть, потому что я не хочу расставаться с ним.

— Когда ты уйдешь из моей страны на землю, тебе придется подчиняться земным зако-

нам,— ответил Азрарн.— Ты будешь стареть, а потом умрешь. Полагаю, тебе это понравится.

— А после смерти я смогу остаться с Казиром? — спросила Феразин.

— На все воля богов,— отозвался Азрарн.— Все живые существа на земле имеют душу, даже цветы. Но вы можете потерять друг друга в тумане, оказавшись у порога смерти.

— Тогда пусть я умру в тот момент, когда умрет Казир, чтобы мы смогли уйти, держась за руки.

Угольки глаз Азрарна загорелись ярким огнем, но Феразин, погруженная в свои мечты, не заметила этого.

— Тогда разреши мне сделать тебе подарок,— улыбнулся Азрарн.— Как только ты узнаешь, что Казир мертв, ты тоже умрешь.

Феразин поблагодарила его. И тут зал наполнился хлопаньем крыльев. Одна из звездных птиц унесла Феразин через волшебные ворота в горах ввысь — к холмам и долинам мира, а другая понесла Казира обратно к Сонной Реке, чтобы он опять обрел свое тело.

Азрарн тем временем стоял на высокой башне, держа в руках ожерелье Вайи. Князь демонов посмотрел на север и на восток, на запад и на юг, любуясь сокровищами своего царства. Но голос Казира по-прежнему звучал в сознании Азрарна. Этот голос пел об опустевшей и заброшенной земле, о том, как Величайший из князей превратится в безымянного крота, прячущегося под землей. Тогда Азрарн разломал ожерелье на бесформенные куски и швырнул их

вниз на улицы Драхим Ванашты, словно в них содержалось проклятие.

* * *

Казир очнулся в доме колдуны на рассвете.

— Ты проспал много дней и ночей,— сообщила она.— Хотя тебе, конечно, показалось, что ты пробыл в Нижнем Мире не больше часа.

Все это время она оберегала его тело с помощью заклинаний. Теперь же, когда он поднялся и стряхнул с себя остатки этого продолжительного сна, женщина замерла, глядя на открытую дверь.

Поднимавшееся солнце постепенно освещало небо. Вдоль плато шла стройная красавица с развевающимися волосами.

— Я вижу деву с пшенично-желтыми волосами и лицом, похожим на цветок,— сказала колдунья.

Казир сразу же вышел и стал ждать красавицу около дома. Феразин кинулась к нему в объятия, смеясь от счастья.

Целый год Казир и Феразин не расставались, но об этих днях нечего рассказывать, потому что жили они хорошо и радостно, не зная печалей. У них, правда, не было никаких богатств. Они бродили по разным странам, зарабатывая на пищу пением и музыкой. Феразин прекрасно танцевала, словно цветок в поле на легком летнем ветру. И хотя у них не было дворца из хрусталия и золота, они жили в огромном дворце с голубым потолком и зеленым полом, разукрашенным нарциссами, окруженные высокими

колоннами деревьев. Они оба любили мир и друг друга. Красавица описывала Казиру все, что видит, а он рассказывал ей все истории, которые узнавал, прикоснувшись к камням разрушенных стен. Они утоляли любовную жажду, как и все влюбленные, для которых любовь — река, не отмеченная ни на одной карте. Они познали совершенство гармонии.

Но однажды на рассвете в конце года на дороге им встретился юноша.

Этот юноша был очень молодым и красивым. Он шел медленной и какой-то неуверенной походкой. Заметив влюбленных, он спросил:

— Неужели ты и есть тот самый Казир, слепой поэт, голос которого вылечивает болезни?

— Да, меня зовут Казир,— ответил Казир.— Что же касается остального, то не мне об этом судить.

Тогда юноша встал на колени, поймав подол одежды Феразин.

— Госпожа, я прошу, помоги мне. Мой отец умирает, ночью и днем он зовет Казира. Отец говорит, что в детстве ему напророчили, что он заболеет и один лишь слепой Казир сможет вылечить его своей песней. Умоляю, уговори поэта прийти и спасти моего отца.

Казир нахмурился. Слова мальчика неприятно взволновали его. Но он произнес:

— Если ты хочешь, я пойду с тобой.

Мальчик вскочил и побежал вперед, указывая им дорогу.

Вскоре они вышли к красивому дому с открытыми железными воротами. Во дворе был

фонтан, а перед фонтаном сидел поджарый черный пес.

— Теперь если ты не передумал, то входи, но только один,— сказал мальчик Казир.— Госпожа подождет тебя во дворе. Мой отец не разрешает входить в дом никому, кроме меня, но даже меня он не пускает в ту комнату, где лежит.

— Хорошо,— отозвался Казир, хотя ему явно не нравилась вся эта затея. Феразин, однако, спокойно села у фонтана и вытянула руку, чтобы привлакать черного пса, но тот убежал в дом вслед за мальчиком.

Внутри было очень много лестниц и всего одна дверь.

— Отец! — позвал мальчик.— Я привел Казира.

Но никто не ответил, и мальчик пробормотал:

— Он очень слаб. Войди к нему и спой. Вылечи его, если сможешь, и мы будем вечно благословлять тебя.

Казир вошел в комнату. Но не запел. Он почувствовал, что комната пуста, он не ощутил присутствия больного, который должен был лежать рядом. И тут воздух наполнился странным черным запахом. Он хорошо помнил этот запах с тех пор, как его душа бродила по улицам Драхим Ванашты.

Казир тут же повернулся, чтобы выйти из комнаты, но что-то бросилось ему под ноги. Обличье пса, шкуру которого нашупал слепой, не помешало Казиру понять, что это тело де-

мона. В следующее мгновение звенящая пустота заполнила сознание Казира. Напрасно он пытался добраться до двери, крикнуть и предупредить Феразин. Он упал и неподвижно замер, как мертвый.

Феразин, сидевшая во дворе, у фонтана, вскочила на ноги. Было тихо, не слышно было тревожных криков, но красавица испугалась. Из дома вышел юноша. Пес вертелся у его ног.

— Феразин, Казир умер,— сказал юноша.
Черный пес залаял.

Наконец-то Феразин узнала одного из ваздру в облике юноши, а по угольным глазам черного пса она поняла, что это был сам Азрарн. Дом начал таять, как дым, и вскоре все исчезло. Красавица стояла на склоне холма у маленького холодного ручья под звездами, а перед ней лежал Казир.

Феразин бросилась к нему. Она не потеряла голову. Красавица приподняла ледяные руки своего возлюбленного, дотронулась пальцами до его закрытых век. Но не почувствовала ни биения его сердца, ни дыхания.

— Теперь я знаю, что ты мертв,— прошептала Феразин и, как и обещал Азрарн, ощущила, как ее руки постепенно начали каменеть, как останавливается ее сердце и замирает дыхание. Она закрыла глаза и упала рядом с Казиром.

Но Казир не умер. Он был жив. Так хотел князь демонов.

Постепенно дурман Нижнего Мира рассеялся, слепой проснулся и пошевелился. Потом он почувствовал, что лежит на холме под звездами.

Вспомнив, что произошло, он позвал Феразин. Но она не откликнулась. Тогда Казир сел, вытянул руки и нашел ее. Он взял ее на руки и тут же понял, что жизнь навсегда покинула его возлюбленную.

Он был абсолютно счастлив целый год, теперь же он познал беспредельное горе. Он понял, как жестоко его обманули; возможно, опять подумал о Сонной Реке и о путешествии во дворец Азарна. Но тут же отказался от этой мысли, почувствовав, что теперь князь демонов не будет к нему так снисходителен. Этот обман был его местью. Казир представил себе душу Феразин, затерявшуюся у туманного порога, одиночную и напрасно зовущую его. Сам испытывая ужасную боль, он вздрогнул при мысли о том, какое чувство потери и страха выпало на долю Феразин.

* * *

Неподалеку находилась деревня, и был как раз тот час, когда сельские жители возвращались с холмов домой. Они увидели красивого слепого незнакомца, державшего на руках красивую мертвую девушку, и сердца их переполнились жалостью и печалью. Еще до восхода луны они выкопали у ручья могилу для Феразин и осторожно опустили ее в землю, а жрец произнес подобающие случаю молитвы. Люди умоляли Казира пойти с ними, каждый из них был бы рад приютить его у себя дома и заботиться о нем, но Казир не в силах был покинуть то место, где лежала его возлюбленная. Его продолжали уг-

варивать, и тогда он запел о своей любви, о счастливых днях, проведенных вместе с ней, и о своем отчаянии. Песня душила его, будто слезы, хотя он не плакал — его горе было слишком велико, чтобы плакать. Жители деревни, внимая его пению, тоже стали плакать и, прониквшись его бедой, оставили его горевать одного в тишине.

Всю ночь он просидел у могилы. Соловей пел на деревне, но Казир не слышал его.

Перед рассветом он задремал.

И ему приснился сон.

Казир увидел во сне колдунью, которую встретил год назад. Тогда она отправила его в Нижний Мир на поиски Феразин. На этот раз старая женщина с кольцом на руке сказала:

— Значит, Азран перехитрил тебя, и твоя любовь с пшенично-желтыми волосами лежит в земле. Сам подумай, где же еще должен оказаться цветок, когда сезон цветения закончился? У князя демонов своя магия, у тебя — своя. Твоя сила — это магия твоих песен. Ты провел год с Феразин, теперь подожди еще год у ее могилы, если у тебя хватит на это терпения. Приноси воду из ручья и поливай это место, выпалывай сорняки, которые будут там расти. А самое главное, каждый день пой над могилой о том, как она тебе нужна. Будь честен, и кто знает, каким вырастет твой сад.

Казир проснулся, когда заря уже окрасила небо в багровые тона. Он почувствовал лучи солнца на своем лице, будто прикосновение теплой руки.

Деревенские жители оставили ему немного хлеба и кувшин с молоком. Казир опустошил кувшин — то ли выпил, то ли вылил молоко на землю. Он пошел к краю ручья, находя, как всегда, дорогу посохом. Там он наполнил кувшин и, вернувшись к могиле, вылил воду, как обычно поливают цветы. Затем сел рядом и начал петь первую из своих песен для Феразин, лежащей под землей.

* * *

— Этот слепец заболел,—решили люди.— Горе лишило его разума. Он не хочет уходить от могилы. Несчастный приносит воду каждое утро, а если жарко, то дважды. Он уже протоптал тропинку к ручью. Все время ходя туда и обратно. Он даже построил себе шалаш из глины и листьев. А на заре и в полночь он поет умершей песни.

Но люди помнили магическую силу его песен, заставившую их однажды горевать о судьбе неведомой им красавицы. У одного из сельчан была маленькая дочь. Однажды она заболела и перестала есть. Тогда отец пошел к Казиру и упросил его развлечь больную девочку историей, рассказанной в песне. Казир согласился. От песни Казира ребенок засмеялся, а через час выздоровел.

После этого случая слепого часто просили о помощи. Возможно, он и сошел с ума, но это не мешало ему быть поэтом и целителем. Поэтому его очень полюбили и время от времени приносили ему подарки. Но Казиру ничего не было

нужно, кроме скромной пищи и возможности поклониться могиле Феразин.

Прошло несколько месяцев. Однажды пастух, прогоняя в полдень мимо шалаша стадо овец, окликнул Казира:

— На том месте, где покоится твоя жена, что-то растет.

Казир вышел из своей хижины и осторожно прикоснулся к ростку.

— Феразин, счастье мое, солнце моего невидимого мира...

Вскоре жители деревни заговорили о чуде:

— Из могилы растет молодое деревце. У этого дерева серебряные листочки, и, похоже, должны быть цветы. Но пока на нем нет ни одного цветка.

Прошло еще несколько месяцев. Дули ветры, то теплые, то холодные, они качали листья дерева, на котором не было цветов, и играли светлыми волосами поэта, поющего под ним. Год разматывался, словно клубок, наконец закончился и занял свое место в цепочке столетий в толстом сундуке Времени.

В эту ночь поэт не принес воды к дереву. Он плакал, его слезы падали и питали корни дерева вместо воды. Как и его песни.

Но в полночь что-то изменилось. Трудно сказать, что именно, но слепой почувствовал это, как рыбы чувствуют прилив. Казир коснулся дерева и ощутил, что внутри коры бьется и извивается его мечта.

— Подари мне цветок,— прошептал Казир дереву.— Только один цветок.

Он не видел цветка, но знал, что в стволе набухает что-то серебряное, в нем пряталась фиолетовая чаша, которая разворачивалась, лепесток за лепестком...

* * *

Феразин очутилась в туманной белизне. Это было обиталище призраков, порог между жизнью и смертью. Здесь находились разные души — и еще не сформировавшиеся, ожидающие своего рождения, и охваченные страхом и гневом, вспыхивающие, словно серые огни, и рвущиеся на свободу.

Феразин спокойно стояла в плавающем тумане и звала Казира. Но никто не отвечал ей, его рука не поймала ее руку, его голос, похожий на солнечный свет, не разогнал тьму. Вокруг нее, будто летучие мыши, парили тени.

— Казир, Казир,— плакала Феразин, но в ответ слышала только голоса летучих мышей.

— Вперед, вперед,— шептали они.— Следуй за нами в это великое и ужасное путешествие!

А другие темные души — порождения больных тел или жестоких деяний, шипели:

— Идем, идем, ты не должна задерживаться здесь. Ведь ты находишься на Пороге. Здесь ты забудешь все — кем была и кем могла быть. Здесь твои мысли умрут вслед за твоим сознанием. Забудь все, забудь. Никто тебя непомнит. Идем.

Но Феразин продолжала бродить в тумане, умоляя Казира найти ее.

Хотя на Пороге не существует времени, оно каким-то образом шло.

Феразин так и не взлетела вверх с другими душами-путешественницами, прорывавшимися через врата жизни и смерти. Она бродила, пока не превратилась в тусклую тень, она называла имя, пока не забыла все слова, кроме одного, которое повторяла, словно птица в пустыне. Прекрасная Феразин стала воплощением отчаяния. Она действительно забыла все. Забыла себя, забыла свою жизнь, забыла, наконец, даже Казира.

Потом в это своеобразное чистилище проникла невидимая нить. Она, как шелковистый луч, проникла в сердце Феразин, заставив девушку вспомнить, что у нее есть душа. Медленно, но непреклонно, нить потянула ее душу обратно, по направлению к огромной непрерывно открывающейся двери, через которую Феразин когда-то вошла в мир теней. Мало-помалу, шаг за шагом, нить приближала ее к выходу. Казалось, Феразин даже слышала музыку и видела свет, которые когда-то любила, хотя и забыла, откуда они ей знакомы.

Потом ее охватили испепеляющая агония, страх и радость. Феразин прорывалась сквозь море огня и пламя боли, она обрастила телом, будто обжигающей одеждой.

Феразин стояла в сердцевине огромного цветка, как уже было однажды. И как в тот раз, она увидела человека. И глядя на него, она вспомнила все.

Казир обнял ее, взял на руки и поставил рядом с собой. Они крепко прижались друг к другу, как дерево к земле. Не нужно объяснять, что

именно они сказали и пообещали друг другу в этот момент.

Но, возможно, в этот же момент где-то хлопнула некая темная дверь, раскаты грома разнеслись над подземным городом.

Часть третья

Глава первая

а востоке плоской земли раскинулся город Зояд. В нем правил король по имени Зорашад. Он был чрезвычайно талантливым военачальником, и его войско было огромно, словно сорная трава в поле. Отряды в бронзовых и железных доспехах выглядели особенно устрашающие, когда солнце

освещало их марширующие ряды и боевые машины, вокруг которых вздымались тучи пыли. Скрежетал металл, раздавалась тяжелая поступь воинов, громыхали колеса повозок, ревели горны и трубы. Храбрейшие короли, князья и их преданные военачальники падали духом от одного только приближения армий Зоращада. Разумеется, Зоращад не проиграл ни одной битвы. Иногда ему даже не приходилось ее начинать, поскольку могущественные короли преклоняли перед ним колени и сдавались в плен без боя. Безжалостный и неумолимый, Зоращад не знал поражений. Сдавшихся в плен он делал своими вассалами. Тех же, кто пытался сопротивляться, он покорял, убивал всех до одного, сжигал королевские дворцы, разрушал до основания города и опустошал земли. Он напоминал дракона яростью и нелогичностью своих поступков. Он был невероятно тщеславным, и ходили даже слухи, что он волшебник.

Причиной этих слухов был амулет. Никто не знал, как он попал к королю. Некоторые считали, что Зоращад нашел его в пустыне, под рухнувшей колонной древнего, заброшенного города, другие утверждали, что он получил его от духов с помощью обмана, а кое-кто рассказывал, что однажды ночью, много лет назад, Зоращад набрел на мертвое животное, лежавшее на пустынной дороге. Это создание не было похоже ни на одного из известных на земле зверей, и, движимый интуицией или голосом судьбы, король разрезал желчный пузырь зверя и обнаружил там голубой камень, гладкий и твердый, как

нефрит. Как бы то ни было, король всегда носил амулет на шее, и никто не сомневался в его колдовской силе. Сейчас Зорашад правил семнадцатью странами — империей, раскинувшейся во все стороны и граничащей с голубыми просторами океана. Говорили, что даже лев уступает ему дорогу.

* * *

С годами тщеславие Зорашада возрастало. Он обложил вассалов непомерной данью и построил храм, куда все его подданные должны были приходить и молиться ему, словно богу.

В Зояде и в каждом покоренном городе по его приказу поставили золотые статуи Зорашада, а под ними на панелях из снежно-белого мрамора сделали золотые надписи, которые гласили: «Смотри со страхом на Зорашада, Могущественнейшего из Могущественных, Правителя Людей и Брата Богов, равных которому нет под Небесами»..

Люди боялись, что боги могут поразить их город молнией или наслать мор за такое богохульство. Но в те времена боги относились к людским делам так же, как люди обычно относятся к шалостям маленьких детей. Так что не имело смысла бояться кары Верхнего Мира, хранящего безмятежное и величественное равнодушие. Хотя опасность все же существовала.

Во времяочных пиров Зорашада к королевскому столу приносили и ставили перед королем высокое резное кресло из кости. Зорашад называл его «Кресло Удачи». Любой вне зависимости

от своего происхождения, будь то богатый человек или бедный, князь или нищий, свободный или раб, убийца или вор, мог сидеть за королевским столом в этом кресле, вкушая отборную пищу с золотых блюд и потягивая лучшие вина из хрустальных кубков. Зато после окончания пира король был вправе сделать с этим человеком все, что взбредет в голову. Это, по словам Зорашада, напоминало непредсказуемость божьего промысла, ведь никто никогда не знает — наслаждение, горе, унижение, триумф или несвоевременная гибель выпадет человеку по воле богов. Некоторым из тех, кто садился в kostяное кресло, везло — король, мнивший себя богом, щедро одаривал их. Они уходили, благословляя его и радуясь, что рискнули испытать судьбу. Иногда Зорашад приказывал зашить смеяльчака в шкуру дикого осла и водить по улицам, заставляя кричать по-ослиному и осыпая ударами, пока тот не падал замертво. А некоторых король приговаривал к смертной казни. При этом не имело значения ни социальное положение гостя, ни его заслуги. И частенько высокородный и добродетельный вельможа умирал в мучениях, тогда как убийца уходил, смеясь, с чашей, наполненной изумрудами. Кресло это было своего рода игрой, и большинство рисковавших были отчаянными людьми, которые любили азарт больше, чем собственную жизнь. Иной раз находился мудрец, который думал, что сможет перехитрить короля и этим прославиться. Головы некоторых из них были насажены на колья у ворот. Но чаще всего кресло пустовало.

Однажды вечером, сразу же после захода солнца, в город Зояд вошел высокий человек, закутанный в черный плащ. Незнакомец прошел по улицам ко дворцу тихо, словно тень. Королевские гончие залаяли в своих конурах, лошади забили копытами, соколы раскричались в клетках. Встревоженные стражники выглянули на улицу, но никого не увидели.

Человек в черном проник в роскошный зал Зорашада. Свет двух тысяч свечей играл на его плаще, но не освещал его. Незнакомец прошел по залу, и девушки, певшие песни, припали к полу, чтобы прикоснуться к его следам. А ярко окрашенные птицы в золотых клетках замолкли и спрятали головы под крылья, будто почувствовали приближение зимы. И вот незваный гость остановился перед столом короля Зорашада.

— Мой король, прошу тебя, будь милостив и дозволь мне сесть в Кресло Удачи,— обратился к нему гость.

Зорашад засмеялся. Такое неожиданное развлечение нескованно обрадовало его.

— Садись, я разрешаю,— ответил король. Он приказал принести тазы с розовой водой, чтобы гость омыл руки, подать блюда с лучшим жареным мясом с овощами и наполнить кубки рубиновым вином.

Тогда незнакомец откинул капюшон, скрывавший его лицо. Всех присутствующих поразила его необычайная красота. У него были иссиня-черные, словно ночь, волосы, а глаза его сверкали, как солнце. Он улыбнулся, но в его улыбке чувствовалось что-то неприятное. Гость ле-

гонько погладил любимую королевскую собаку по голове, и та, скуля, уползла и притаилась в углу.

— Мой король,— сказал незнакомец певучим голосом.— Я слышал, что многие люди поплатились жизнью ради того, чтобы испробовать деликатесы с твоего стола. Ты что же, смеешься надо мной?

Зоращад покраснел от гнева, но подданные указали ему на блюдо, которое слуги поставили перед незнакомцем. Вместо жаркого и нежных овощей на нем лежала, свернувшись, гибкая грязно-зеленая змея.

Король закричал от ярости. Один из слуг схватил блюдо и бросил мерзкую змею в жаровню. Ведь слуга боялся короля больше, чем яда змеи. В зал внесли новое угощение. Но когда незнакомец взял нож, над столом поплыл дым, и на блюде зашевелился клубок рассерженных скорпионов.

— Мой король,— прошептал незнакомец с упреком,— теперь я не сомневаюсь, что лишь самые отчаянные люди могут вкушать пищу, сидя в твоем костяном кресле и зная, что, возможно, смерть ожидает их вместо щедрой награды, но неужели я выгляжу столь голодным, чтобы наслаждаться этими насекомыми?

— В моем дворце завелось колдовство,— взревел Зоращад. Придворные побледнели. Все, кроме незнакомца.

Слуги вносили одно блюдо за другим, но ни к одному из них незнакомец не притронулся. Ужасные твари появлялись вместо изысканных кушаний, даже засахаренные фрукты превращались

в камни или в ос. Что же касается вин, то вместо белого вина полилась моча, а красное превратилось в кровь.

— Мой король, я думал, ты беспристрастен, теперь вижу, что тебе просто нравится убивать своих гостей,— печально проговорил незнакомец.

Король вскочил:

— Ты портил пищу сам. Ты — волшебник!

— А ты, господин, кто? Мне говорили, что ты бог. Разве бог не может распознать глупые трюки бедного путника?

Зоращад в гневе закричал страже:

— Схватите этого человека и убейте его!

Но не успели обутые в медные сапоги стражники сделать шаг, а их руки в медных рукавицах выхватить мечи, как незнакомец очень спокойно произнес:

— Ни с места!

Теперь ни один мужчина, ни одна женщина в зале не могли пошевелиться, все сидели на своих местах, будто каменные.

Наступила глубокая тишина, словно некая гигантская птица, сложив крылья, укрыла ими дворец от внешнего мира.

Незнакомец поднялся и, подойдя к королю, скорчившемуся в кресле, низко поклонился, а затем ласково произнес:

— Трепещи от страха Зоращад, Могущественнейший из Могущественных, Правитель Людей и Брат Богов, которому нет равных под Небесами.

Глаза окаменевшего короля сверкали, словно бешеные желтые рыбы, следя за действиями

страшного незнакомца. А тот тем временем, улыбаясь, подошел к столу.

— Я жду, величественный король, когда же ты занесешь надо мной топор своей мести. Встань и накажи меня, ведь ты же бог! Неужели я настолько ничтожнее тебя, что ты будешь унижать меня и дальше? Неужели мне придется вечно стыдиться твоей жалости? Говори.

Зоращад почувствовал, что он снова обрел дар речи, и прошептал:

— Я понял, что ошибся в тебе, могущественный. Освободи меня, и я буду богохвальствовать тебя всю жизнь. Я выстрою для тебя храм до небес, буду воскуривать по пригоршне фимиама ежедневно, от зари и до заката, и обещаю приносить жертвы, восхваляя твое имя.

— Меня зовут Азран, князь демонов,— сказал незнакомец, и при его словах две тысячи свечей разом погасли.— Меня не богохвальствуют, а боятся все смертные. Нигде: ни в небесах, ни на земле, ни под землей — нет мне равных.

Зоращад заскулил, словно побитая собака. В туманном пламени жаровен, которое теперь служило единственным освещением зала, он различил приближающуюся к нему руку и почувствовал, как Азран сорвал с его груди магический амулет.

— Вот в чем твоя сила,— сказал Азран, поигрывая камнем.— И только в этом. Именно амулет заставляет людей бояться тебя, и он же причина твоего непомерного тщеславия.

Потом Азран плюнул на камень и бросил его на стол.

Серебристое танцующее пламя охватило амулет. Камень раскалился добела и развалился на куски.

В зале поднялся шум. Люди, освободившись от колдовских чар камня, начали вскакивать из-за стола, наталкиваясь друг на друга. Только король остался сидеть, будто больной старик, трясясь как в лихорадке.

Незнакомец исчез.

* * *

В эту ночь произошло много удивительного. Короли шестнадцати королевств проснулись и потребовали, чтобы мудрецы растолковали их сны. Десять из шестнадцати королей утверждали, что видели огромную птицу, которая влетела в их комнату, произнося что-то певучим голосом. В пяти королевствах из горящих очагов, словно угли, выпрыгнули змеи и громко прокричали свои послания. А на севере молодой и очень красивый король встретил в саду человека в черном плаще, чья манера держаться выдавала в нем князя. Незнакомец заговорил с правителем, словно друг или брат; и поцеловал на прощание. Его прикосновение показалось королю ужасным, оно обожгло его, как огонь. Причина всех этихочных чудес в шестнадцати королевствах была проста: волшебный амулет тирана Зорашида был уничтожен, его могущество кончилось.

Вассалы Зорашида никогда не питали к нему особой любви. Тяжелая дань истощила их владения, а их уязвленная гордость саднила, как старая рана. Армии вассалов объединились вместе

и вскоре сошлись с армией тирана в битве на восточной равнине. Зорашад больше не был похож на бога. Его руки тряслись, а лицо стало белым, словно бумага. Его армия разбежалась, предав своего полководца, и под конец битвы Зорашад был убит. Будто стервятники, шестнадцать королей напали на Зояд и стерли его с лица земли. Дворец сгорел, сокровищницы были разграблены, а Кресло Удачи разломано на куски. Семью Зорашада убили, так же как в свое время он убивал членов семей покоренных им королей. Семь сыновей, двенадцать дочерей и все жены Зорашада погибли в эту ночь, даже его собаки и лошади не избежали расправы. Слишком сильна была ненависть бывших вассалов. Они радовались, убивая все живое, принадлежавшее королю Зояда, возомнившему себя богом. Но некоторым все же удалось выжить.

В эту ночь родилась тринадцатая дочь Зорашада. Солдаты убили ее мать, но старая нянька спрятала ребенка и скрылась. Она побежала по большой дороге, ведущей прочь от Зояда, мимо статуй богоподобного тирана. Всю дорогу женщина проклинала Зорашада. В конце концов ее усталое сердце не выдержало. Несчастная замертво упала на землю, а ребенок выпал из ее рук на дорожные камни. Малышка сломала обе руки при падении, а в еще не оформленном мягком личике впились острые и колючие ветки ежевичных кустов. По счастливой случайности глаза ребенка остались невредимыми. Младенец заплакал от боли, но его услышали только ветер и шакалы, крадущиеся к разрушенному городу.

Глава вторая

а холмах вблизи Зояда жил монах-отшельник. Жилищем ему служила

пещера, в которой размещалось только самое необходимое — циновка, служившая постелью, тканые занавески из грубого материала и несколько предметов колдовского культа. Жители близлежащих деревень приходили к

монаху с просьбами излечить болезни или дать совет. Один или два раза в году он обходил окрестные поля, чтобы помолиться о будущем урожае и о том, о чём просили селяне,— чаще всего о дожде или солнце. В благодарность люди давали нужные ему вещи — веревку или глиняный горшок и каждые несколько дней оставляли недалеко от его жилья горшочек с медом, каравай хлеба или корзинку с фруктами. Близко к пещере никто не подходил. Люди останавливались неподалеку на склоне холма, окликая монаха. Ведь отшельник не всегда был один в своем жилище. Иногда к его пещере приходили дикие животные: волки, медведи и даже львы. Святой человек не боялся их. Звери доверяли ему и преданно смотрели на него золотистыми глазами.

В ночь, когда горел Зояд, монах почувствовал запах дыма и услышал отдаленный грохот. Он поднялся на вершину холма и увидел на горизонте зарево. Луна казалась голубой из-за дыма. Над головой монаха пролетела огромная птица, ее крылья, хлопая, издавали звук, похожий на смех и треск сухих костей.

Монах не спал всю ночь. Ближе к рассвету он задремал, а может, просто впал в транс. Он увидел дым у горизонта, там, куда уводила длинная мощеная дорога, ведущая в Зояд, услышал лай шакалов. И тут рядом с ним в придорожных кустах пронзительно заплакал ребенок. Монах очнулся и заспешил вниз с холма в сторону города.

Когда он добрался до дороги, уже поднялось солнце. Дорога была совершенно пустынной.

Три шакала склонились над телом старой женщины, а рядом с ней на дороге монах заметил золотой ножной браслет, за ненадобностью отброшенный шакалами. Затем отшельник увидел четвертого шакала, державшего в пасти маленькое тельце ребенка.

Младенец уже не кричал, но обладавший большой наблюдательностью отшельник почувствовал, что ребенок еще жив.

Остановившись, монах спокойно сказал шакалу:

— Брат мой, не хочу обвинять тебя, но малыш еще жив, и ты не имеешь на него права.

Шакал насторожился, и его взгляд встретился со взглядом отшельника. Неизвестно, что сказал зверю взгляд монаха, но шакал с большой осторожностью положил младенца на землю и побежал к остальным, чтобы разделить с ними грязную, но честную трапезу.

Монах поднял младенца, осмотрел его раны, прикрыл своим плащом и заспешил домой. В пещере он постарался выправить сломанные ручки ребенка, смазал мазью ужасные раны на его лице и дал выпить лекарства, смешанные с козьим молоком. Отшельник знал свое дело. Исполненный состраданием, он не терял времени даром, поскольку понимал, что младенец находится на грани жизни и смерти. Монах делал все, что мог, и верил, что боги помогут ему.

* * *

В детстве дочь Зорашада была очень счастлива, как бы странно это ни казалось. Жизнь в пещере шла размеренно, время текло незамет-

но. Девочка не проводила его зря: она научилась у монаха чистому земному волшебству. Узнала она и про другие виды магии. Например, она твердо усвоила, что лучше избегать колдовства или черной магии, к которым люди прибегают с риском для разума, души и жизни. Девочке колдовство и черная магия представлялись мрачными дверьми, вечно закрытыми, в которые не хотелось ни стучаться, ни подбирать к ним ключи.

Она ничего не знала о себе, как это обычно случается с детьми, лишенными общения с внешним миром. Девочка не думала о том, как выглядит. Она привыкла слушать, смотреть и думать только об окружающих ее предметах. Дочь Зорашада никогда не смотрелась в зеркало, не видела свое изуродованное лицо, не плакала в ужасе, разглядывая свое покрытое шрамами искалеченное тело. И все же жестокая судьба оставила ей большие красивые глаза и рыжие волосы. Несмотря на искалеченные руки, тело девочки было прекрасно, хотя она не сознавала и этого. Правда, иногда эти руки, искривленные, как зимние деревья, болели, но малышка ни разу не плакала. За свою короткую жизнь девочка редко страдала, и в эти мгновения рядом всегда были добрый монах со своей целебной мазью. Девочку окружали стихии природы, солнце, снег, тень, ветер, чистая вода, качающаяся на ветру трава. Ее жизнь проходила за сбором трав, произнесением заклинаний, спокойными часами учебы. Ночью она засыпала в теплой полутьме, озаренной красными углями

в очаге и мягко тлеющими золотыми угольками глаз диких зверей.

Иногда монах уходил, оставляя свою воспитанницу следить за домом и ухаживать за животными. Она никогда не разговаривала ни с кем, кроме монаха. Монах знал, что общение с людьми принесет ей только вред. Когда мужчины или женщины приходили в пещеру за помощью, девочка подглядывала за ними сквозь занавеску. Она росла невинным и милым созданием. Несмотря на телесную ущербность, девочка сохранила способность мыслить и имела открытое сердце. Ведь ее никогда не дразнили, над ней никогда не смеялись. Только любили.

И вот дочери Зорашада исполнилось пятнадцать. Монах отправился в деревню молиться об урожае. Девушка смешивала травы в пещере, когда услышала топот копыт. Прежде никто не приходил сюда в отсутствие монаха, потому что деревенские жители знали, когда его нет, и боялись пещеры и ее диких зверей. Но на этот раз приехавшие были не из близлежащей деревни.

У пещеры стояли десять нетерпеливых лошадей, белой и черной масти, в золотых и серебряных попонах. Всадники были разодеты в шелка, их одежды сверкали драгоценностями — яркими, как луна. А юноша, лошадь которого стояла впереди, походил на бога.

Девушка не ожидала, что юноша заговорит. Она думала, что он просто проедет мимо, как солнце, которое никогда не общается с миром.

Но юноша насмешливо воскликнул:

— Эй, отшельник! Выйди и вылечи нас! Потому что мы больны!

Вся компания оглушительно засмеялась.

Дочь Зоращада взглянула на юношу сквозь занавеску, и новое, незнакомое раньше волнение охватило ее. Она поняла, что юноша приехал сюда только для того, чтобы посмеяться над стариком. Но это не мешало ей восхищаться внешностью незнакомца. Красивый юноша тем не менее состоял из плоти и крови и совсем не был богом. Девушку охватил восторг. Ей страстно хотелось богочествить молодого человека на белой лошади.

Словно зачарованная, не сознавая, что делает, она, вся обратившись в слух, зрение и поглощенная своими мыслями, вышла из пещеры и встала на откосе, глядя на молодого всадника.

Ее уродство было настолько страшным, что кавалькада в испуге попятилась. Но прекрасный юноша — король и сын короля — понял, что это некрасивое создание просто калека. Он снова засмеялся.

— Боги Верхнего Мира, защитите нас! — воскликнул он. — Что это за привидение?

Но, увидев, что взгляд больших красивых глаз девушки прикован к нему, почувствовал себя неловко и спросил:

— Почему ты так смотришь на меня, глупое чудовище?

— Ты очень красивый, — ответила она,

Она говорила спокойно и без смущения, не думая оправдываться. Но всадник из свиты короля воскликнул:

— Не доверяй ей. Она хочет погубить тебя, мой господин, сделать тебя таким же отвратительным, как она сама. Это демонесса, у нее дурной глаз. Посмотри, у нее руки выкручены, как палки.

И тут король вынул плетку и хлестнул несчастную по щеке. Дочь Зорашада упала, даже не вскрикнув.

— Еще один шрам не испортит тебя,— сказал ей король.— А в дальнейшем надевай на лицо маску, ведь от одного твоего вида могут прокиснуть вино в бурдюке и коровье молоко. И все зеркала на земле разобьются.

Талант девушки заключался в том, что она схватывала все на лету. Так было и на этот раз.

Король ускакал в лес вместе со своими друзьями охотиться на оленей. Дочь Зорашада осталась лежать на земле. Ее рассеченная щека ныла от удара плетки. Но еще сильнее болело ее сердце, раненное жестокими словами юного короля.

Так и нашел ее монах, вернувшийся в сумерках с факелом.

Он увидел, что случилось несчастье, и понял его причину. Монах и так слишком долго скрывал от девушки правду. Теперь же он состарился, да и в конце концов, не мог же он оберегать ее вечно. Монах ни о чем не стал спрашивать, лишь погладил ее по голове, а затем вошел в пещеру и разжег огонь. Несчастная последовала за ним и спросила:

— Почему ты никогда не говорил мне, какая я?

— Ты такая, как есть. Что еще тебе нужно знать? — отозвался монах.

— Я думала, что выгляжу как все остальные. А оказалось, что я чудовище. Над моей внешностью можно смеяться, и она пугает. Мои руки безобразно изуродованы. Сегодня здесь появился человек и сказал мне об этом, а когда он ушел, я пошла к пруду, подождала, пока успокоится рябь и увидела все сама. Почему ты не убил меня, когда я только родилась? Зачем оставил меня страдать?

— Это должен быть не мой выбор, а твой, — ответил монах. — Если тебе невыносимо тяжело жить с этими увечьями, ты знаешь, как приготовить себе питье и покончить со всеми печальми. Я не стану тебе препятствовать, хотя мне будет очень жаль, если ты так поступишь.

В ответ девушка заплакала. Ведь она любила жизнь, как и большинство смертных, не знающих ни свободы, ни счастья в мире.

Монах попытался утешить ее и сказал:

— Сядь, я расскажу тебе кое-что. Ты знаешь о себе далеко не все, и поэтому ты не можешь по-настоящему понять свое горе. Я все расскажу тебе. Потом ты сама решишь, что тебе делать.

И отшельник рассказал девушке всю историю со времени владычества Зорашада до прихода князя демонов, о том, как король нашел амулет, и о мертвой няньке и изуродованном ребенке. Неизвестно, откуда он узнал правду. Возможно, что-то он услышал из разговоров деревенских жителей. О происхождении ребенка

говорил и золотой ножной браслет, и королевская рубашка, в которую была завернута девочка. Вероятно, отшельник воспользовался и другими способами, чтобы узнать правду. Тем не менее он знал все и поведал об этом девушке.

Монах закончил рассказ, и некоторое время они сидели молча. Затем девушка произнесла:

— Значит, я тринадцатая дочь мертвого тирана. А что стало с городом Зоядом?

— Зояд восстановлен из руин.

— Кто же правит во дворце тирана?

— Король, сын одного из шестнадцати королей, восставших против Зоращада.

— Королевский сын,— пробормотала она.— Сдается мне, что тот человек, который разговаривал со мной сегодня, один из них. Может, это и был тот, кто здесь правит?

На это монах ничего не ответил.

* * *

Дочь Зоращада изменилась, да иначе и быть не могло. Жизнь ее по-прежнему оставалась спокойной, она по-прежнему помогала монаху и никогда больше не говорила о своей боли. Но ее непосредственность и жизнерадостность исчезли. Когда она смотрела на что-нибудь красивое — например, на лист дерева, на грациозного дикого зверя, на небо,— глаза ее становились пустыми, и в них светился лишь странный неутоленный голод. И даже тогда, когда над землей поднималась луна, лицо девушки больше не выражало ни обожания, ни восхищения. Когда времена года меняли цвет лесам и холмам, она

лишь отмечала: «пришла зима» или «наступило лето». И ничего больше. Теперь девушка носила маску из материи, которая скрывала ее лицо, оставляя открытыми лишь брови и глаза, и надевала перчатки на свои искалеченные, но ловкие руки.

Когда умер старый монах, вместе с ним умерла и часть души дочери Зорашада. Девушка потеряла цель в жизни. Монах спокойно ушел из мира, а она осталась жить со своей болью. Она поплакала на его бездыханной груди, похоронила его, а потом долго безмолвно стояла в одиночестве у его могилы.

В течение нескольких месяцев после его смерти почти никто не приходил к пещере с просьбой об излечении. Наведывались лишь жители отдаленных деревень. В день похорон на склон холма пришла женщина с больным младенцем на руках. Навстречу ей вышла странная девушка в маске, с огненно-рыжими волосами. Увидев ее, женщина отскочила, вскричав:

— Нет, нет, не ты, где монах?

— Он умер. Но я унаследовала его познания... и чувство долга,— добавила девушка, поскольку сострадания почти не осталось в ее душе.— Это ребенок? Я могу помочь ему...

Но она интуитивно поняла, с кем имеет дело. Сквозь маску, невзирая на тихий голос, женщина почувствовала уродство и горькое недружелюбие девушки. Она вскинула руку, словно защищаясь, и убежала. Это происшествие нанесло дочери Зорашада новую рану, еще больше разбередив старую. Не то чтобы она почувствова-

ла отвращение к себе, скорее поняла, как ей не хватает монаха.

Дочери Зорашада исполнилось шестнадцать лет. Осень подошла к концу. Наступила зима.

Девушка по-прежнему жила в пещере. Даже звери не приходили к ней, словно забыв сюда дорогу. Лишь тоска и одиночество не покидали ее, а вместе с ними родилась злость, неожиданная, смертельная.

Каждую ночь девушка видела один и тот же сон. Она видела своего отца, Зорашада, в черных доспехах, скачущего по громадному городу, крыши дворцов и храмов которого пожирало пламя. Со временем сон менялся, медленно и постепенно. Сначала она скакала рядом с отцом в царской одежде, держа перед своим искалеченным лицом прекрасную фарфоровую маску, настолько красивую и естественную, что каждому казалось, будто это ее собственное лицо. Потом, когда пришло время жестоких зимних ночей, превратив тростники у берегов пруда в нефритовые и стеклянные копья, ее сны стали более холодными и жестокими. Теперь она сама скакала на коне Зорашада, закованная в железо и в железной маске, с большой диадемой в волосах. Она царствовала в Зояде и правила шестнадцатью вассальными городами, как правил ими ее отец. Ее звали Зораяс, она была дочерью короля, а теперь сама стала королевой и императрицей. Пленники, закованные в цепи, шли за ее колесницей, и среди них — молодой король, который когда-то жестоко посмеялся над ней. И люди, глядя на нее, шептались о том, какая красота скрыта под

маской. Они думали, Зораяс настолько прекрасна, что, если снимет маску, ее удивительная красота поразит всех, словно молния.

Однажды ночью, очнувшись от этих великолепных и одновременно мучительных фантазий, она выскочила из пещеры и громко закричала.

— Что же мне делать? — воскликнула она, ложась на землю и прижимаясь к ней ухом, будто желая услышать ответ.

И он не заставил себя ждать. Казалось, он пришел из-под земли или, возможно, из Нижнего Мира. Девушка увидела перед собой ряд запертых дверей. В некоторые из них были вставлены ключи, словно ожидая, чтобы их повернули в замках. Ключи же от других дверей лежали в тени, сваленные в большую кучу. Эти двери открывали путь туда, куда монах запрещал ей заглядывать. И до сегодняшнего дня она действительно никогда не думала о том, чтобы нарушить запрет.

Дочь Зорашада выбросила из головы возникший образ и вернулась в пещеру, ставшую холоднее самой холодной ночи.

Утром снаружи пещеры раздался голос, взывающий о помощи. Девушка проснулась. Обычно она проявляла сдержанность, но на этот раз на сердце у нее потеплело. Кто-то знал, что она живет здесь и когда-то была помощницей монаха. Кто-то нуждался в ее доброте, молил о ней.

Ей так хотелось стать полезной и необходимой! Казалось, голос был подарком судьбы.

Она робко вышла из пещеры. Девушку терзали смутные сомнения. Вдруг сейчас она получит ответ на свой вопрос?

Среди замерзших деревьев ее ожидал человек. Это был бродячий торговец — смуглый человек с маленькими блестящими глазками и лисьей улыбкой. Он поклонился девушки с вежливостью князя.

— Что беспокоит тебя? — спросила у него дочь Зорашада.

— Госпожа, в лесу меня ужалила змея. Она, конечно, не смогла прокусить ботинок, но боюсь, все же немного яда могло попасть в рану. Я слабею, у меня кружится голова. Я слышал, что здесь есть монахиня, искусная во врачевании.

Он явно не обращал внимания на матерчатую маску девушки и, прихрамывая, подошел ближе.

— Я помогу тебе, — сказала девушка.

— Да благословят тебя боги, госпожа. Можно войти в пещеру?

Девушку удивило, что незнакомец не боялся ее. Но главное, что она тоже не боялась его. Его присутствие излучало силу, некий дух и энергию мужчины, непривычные для девушки, общавшейся только с кротким монахом. Этот человек был совсем не похож на него. Она провела его в пещеру.

Незнакомец сначала тяжело опирался на ее плечо, а потом упал на матрас возле огня.

Она быстро принесла целебную мазь, чистую воду и наклонилась к нему:

— Какая нога?

— Эта, — ответил он и схватил девушку.

Все произошло слишком быстро. Незнакомец повалил ее на пол. Она попыталась сопротив-

ляться, но торговец ударил ее. У нее закружилась голова. А ведь недавно он предстал перед ней в роли пострадавшего.

— Добрая сладкая девушка,— сказал он, развязав свой пояс и связав ей руки над головой.— Змея и не думала жалить меня в ногу, она ужалила меня здесь.— И он указал на свой пах.— Видишь, как распухает? Разве это не печалит твое сердце? Смотри, как поднимается... И только ты сможешь вылечить меня.— Она пыталась вырваться и кричала, но незнакомец сорвал с нее маску и заткнул ею рот несчастной.— Меня не пугает уродство, хотя с таким лицом ты, должно быть, одинока. Тебя мучил медведь? Ничего, теперь тебя ожидает райское блаженство,— заявил он.

С этими словами бродячий торговец разорвал ее одежду. Девушка снова закричала. Он ударил ее во второй раз, и силы покинули ее.

Она лежала под ним, как в кошмарном сне, охваченная бессильным ужасом. У нее не осталось сил, чтобы бороться, даже голос ей изменил. А торговец оказался тяжелым, напористым и опытным в таких делах.

Он до крови исцарапал тело девушки, словно она была горой, на которую непременно надо вскарабкаться. Он хватал ртом воздух и наслаждался бессилием своей жертвы. Он обслонявил и искусал ее грудь, а своим неутомимым оружием трижды грубо пробил ее девственные ворота. У несчастной не осталось сил кричать, и звуки, сопровождавшие это жестокое надругательство, издавал лишь торговец. И ничто не могло

остановить его ненасытную похоть. Он стонал, не в силах сдерживать вожделение, брыкался и лягался, царапал и кусал почти безжизненное тело, пока не выжал из себя все до последней капли.

Бродячий торговец отпустил свою жертву, удовлетворенно посмеиваясь, и ушел.

Дочь Зорашада долго лежала, пока желтый свет дня не загрязнил лес. Затем несчастная выползла из пещеры, промыла раны и, наконец, пришла в себя. Она не плакала. Вечером она медленно пошла наблюдать, как шелестят зеленые тростники у замершего пруда и блекнут в уходящем закате черные деревья.

И все же какая-то часть ее души выжила, победив смерть. Девушку сковал ледяной ужас от тех мыслей, которые роились в ее голове. Выход был один, и она знала это. Когда-то он ее не устраивал, но теперь... Все обдумав, она вернулась в пещеру.

* * *

Дочь Зорашада разобрала старые вещи и отобрала то, что могло ей понадобиться, и подготовилась. Еще долго после того, как зашла луна, она сидела задумавшись, стараясь разобраться в своих желаниях и знаниях.

За два часа до рассвета в лесу раздался удар грома, пролился дождь из сосулек, порыв ветра пронесся между стволами деревьев. Зораяс открыла первую черную магическую дверь.

За час до рассвета бродячий торговец, спавший в заброшенной хижине на краю леса, про-

снулся и увидел рядом с собой женщину, словно сотканную из тумана. Она заговорила, и ее голос казался нежным и привлекательным.

— Я слышала, ты страдал от укуса змеи, который вызвал опухоль вот здесь.

Женщина дотронулась до него. Насильник не стал выяснять у нее, как она его нашла и откуда знает о том, что он сказал накануне днем безумной девице в пещере. Он тут же повалил незнакомку и взялся за дело. Внезапно его поразило то, что он не испытывал привычных ощущений. Торговец посмотрел вниз и взревел от ужаса. Он сидел верхом на деревянном бревне и просунув свой фаллос в улыбающуюся пасть огромной черной гадюки, которая с хрустом сомкнула свои ядовитые зубы...

* * *

С тех пор в близлежащих землях ничего не изменилось. Селяне засевали поля и пасли стада, в городах люди упорно трудились, страдали и развлекались. Короли по-прежнему бездельничали, лежа на шелковых диванах, красавицы любовались своими отражениями в зеркалах и вздыхали. Но повсеместно исподволь, словно червь в яблоке, словно жучок в стволе дерева, действовало колдовство, и вскоре оно должно было расколоть яблоко, подточить балку, от падения которой вся земля содрогнется в страхе.

Охотник видел огненные искры над деревьями в лесу, а нищенка, пробираясь однажды в сумерках около пещеры старого монаха, стала свидетельницей того, как клубы дыма, собрав-

шиеся над пещерой, приняли форму причудливого животного с львиным телом и совиной головой. По округе ходил слух о ведьме или злой колдунье в маске, живущей в пещере. Говорили, что она убила монаха и подружилась с демонами, маленькими и неприметными демонами Нижнего Мира — их еще называли дринами. Эти создания стояли на нижней ступени темной иерархии Нижнего Мира, они подчинялись воле могущественных магов, поскольку не имели собственной воли. Это с их помощью колдунья убила бродячего торговца.

В Зояде люди тоже сплетничали о колдунье. Но чаще просто смеялись над ней.

А началось все с бродячего торговца. Теперь сны Зораяс управляли ее желаниями. Дочь Зорашада стала волшебницей. Она хорошо запомнила молодого короля, его удар плетью и его злой язык. Также она хорошо помнила, что именно он сидит на троне ее отца. На ее троне. Эта мысль мучила ее куда больше, чем охватившее ее отчаяние или совершенное над ней жестокое надругательство. Главным для нее стало уродство и потеря наследства.

Однажды ночью в разгар лета, когда молодой король пировал за столом в Зояде, огни в зале потускнели. Жареная птица, которая только что лежала перед ним на блюде, вдруг ожила и захлопала крыльями, ее круглые мертвые глаза уставились на короля. Он вскочил, но птица тут же опять превратилась в аппетитное блюдо. Король, стараясь скрыть испуг, приказал слуге разрезать птицу на порции. Но, лишь только нож

прикоснулся к ней, она превратилась в стеклянный шар, который, скатившись со стола, вдребезги разбился на полу. Среди осколков лежал свиток.

Придворные стояли, пораженные чудом, но король, пересилив страх, нагнулся, поднял свиток и прочитал его. Там говорилось:

«Что значит еще один шрам, король? Для меня это означает, что с этих пор одним королем станет меньше».

Лицо короля посерело, как пыль. Он вдруг вспомнил, как год назад хлестнул покалеченную девушку кнутом по лицу. Им овладел ужас. Он почувствовал колдовство, как кролик чувствует приближение гончей собаки.

Но ни этой ночью, ни в пять последующих ночей ничего не произошло.

На седьмую ночь, когда король отдыхал в своем саду под звездным небом, между деревьями показалась закрытая покрывалом женщина. Он принял ее за служанку. Но женщина подошла к нему и прошептала на ухо только два слова:

— Я здесь.

От ее слов короля бросило в дрожь. Он закричал, призывая на помощь стражу. Сбежавшиеся стражники увидели, что их король сидит, трясясь, в кресле, а рядом с ним стоит закрытая покрывалом женщина.

— Не спешите,— сказала незнакомка и несколько раз взмахнула рукой в перчатке.

Никто не знает наверняка, что произошло дальше. Говорят, что все стражники упали замертво, а из-под земли выпрыгнули дрины с го-

лубыми лицами. Они были в боевых доспехах и с мечами. Карлики выстроились, ухмыляясь и выказывая готовность служить своей повелительнице. Женщина сбросила покрывало и оказалась в черных железных доспехах с серебряным орнаментом прекрасной работы. На ней была надета железная маска, с чертами лица прекрасной женщины. Из-под маски видны были только лоб, глаза и струящиеся густые волосы. Железной перчаткой она указала на короля. В то же мгновение он сморщился и съежился, как мертвый лист. В конце концов от него осталась лишь маленькая ссохшаяся ящерица. Ящерка соскочила с кресла и кинулась в темный сад. Но дочь Зорашада догнала ее и отдавила ей хвост.

Зораяс улыбнулась, но железные губы маски остались неподвижными.

Она проследовала в сопровождении охраны из дринов в дворцовый зал, созвав туда королевских придворных.

— Берегитесь! — произнесла Зораяс. — Теперь я ваша королева и буду править так, как когда-то давно правил Зоядом мой отец, потому что я — Зораяс, тринадцатая дочь Зорашада. Я не собираюсь становиться вашим богом, но обещаю, что буду более могущественной, чем любой другой бог в семнадцати странах, некогда принадлежавших моему отцу. Служите мне, если хотите, и будете процветать. Но стоит вам не подчиниться мне, не сомневайтесь, я тут же разделяюсь с вами при помощи дринов, демонов Нижнего Мира. Если же вы захотите отправиться на поиски своего короля, то вам придется стать

ящерицами и передвигаться на маленьких ножках. И в этом я вам помогу. Не сомневаюсь, вы научитесь бегать, как и ваш король с раздавленным хвостом.

Дрины захихикали и зааплодировали, а придворные, побледнев, пали ниц, приветствуя новую повелительницу.

Так Зораяс стала королевой в Зояде. В городе были установлены новые статуи взамен шестнадцати статуй королей. Королева не претендовала на роль богини и использовала магию, чтобы вселять страх в сердца людей. Вскоре, как сорняки, стали расти ее армии. Она снова покорила те шестнадцать стран, которые вышли и освободились после уничтожения амулета Зорашада.

Глава третья

тех пор ходило много слухов о воинственной Железной Королеве.

Рассказывали в основном правду, но иногда привирали. Королева слыла искусной колдуньей, ее нельзя было ранить, ее всегда окружали демоны. Одни считали, что она скрывала лицо, поскольку только один взгляд на него ожег

бы огнем, или превратил бы в гранит, или про-
жег, словно кислотой. Другие утверждали, что
королева прекрасна, и все мужчины, хоть раз
увидевшие ее, сходили с ума, что ее улыбка могла
затмить луну, а один недовольный взгляд мог
убить солнце.

За год Зораяс возвратила все, что было от-
нято у ее отца. Она обитала теперь в медной
волшебной башне, восседала на троне Зораша-
да и управляла подданными железной рукой.
Возможно, это не принесло ей счастья. Пламя
гордости, разгоревшееся в ней, было таким же
бескрайним, как и любая радость.

И вот наступил день, когда все ею задуман-
ное наконец свершилось. Империя Зораяс была
обширна и неприступна, слава королевы отны-
не казалась непоколебимой, все цели были дос-
тигнуты, а надежды исполнены. И тогда пусто-
та, нахлынувшая, будто холодное море, затопила
ее сердце.

Королева сидела, погрузившись в свои думы,
и вдруг в холодном море ее мыслей зародилась
еще одна мечта. Безрассудная и недостижимая
цель, вновь осветившая ее мир ярким светом.

Зораяс отомстила королю, который смеялся
над ней, шестнадцати другим королям, убившим
Зорашада и поправшим ее законные права. Но
остался тот, кто ничего не заплатил ей за годы
сомнений и унижений, за ее обезображенное
лицо. Тот, кто по случайной прихоти начал все
это: правитель Нижнего Мира, повелитель вазд-
ру, эшв и дринов, один из Владык Тьмы, Азарн,
князь демонов.

При мысли о нем сердце Зораяс забилось сильнее. Она затаилась, держа свои мысли в секрете, и все чаще стала удаляться в высокую медную башню. И там, в отблесках голубого яркого огня, она ночь за ночь подбирала ключи, чтобы одну за другой открывать таинственные двери Могущества, которые стали теперь так хорошо ей знакомы.

* * *

Наконец Зораяс созвала в башню демонов. Они появились на земле в виде странных животных и чудовищ. Это были дриндры, низшие из дринов, самые глупые и вредные из демонов. Вскоре восьмиугольная комната башни Зораяс наполнилась хрюкающими, ржущими, лопочущими существами, которые копошились у ног королевы.

— Замолчите и слушайте. У меня есть к вам несколько вопросов,— сказала Зораяс.

— Мы твои слуги, несравненная госпожа,— ответили дриндры, виляя хвостами, пуская слюни на ее туфли и вылизывая пол у ее ног.

— Нет, вы слуги вашего хозяина, Азрарна Прекрасного, и именно о нем я хочу кое-что узнать,— твердо возразила Зораяс.

Дриндры покраснели и задрожали: они страшно любили своего князя и жутко его боялись. Зораяс знала это. Она понимала, что должна быть осторожна, поскольку расспрашивать об укладе жизни Нижнего Мира очень опасно. К тому же ни одного из демонов нельзя было заставить рассказать о чем-нибудь связно. Они правдиво

отвечали только в случае, если предположения спрашивающего были верными. И все время пытались хитрить.

— Я знаю, что существуют определенные заклинания, с помощью которых сзывают демонов эшв и ваздру. Есть ли что-то подобное, чтобы вызвать самого Азарна Прекрасного? — осторожно поинтересовалась королева.

Дриндры посовещались и ответили:

— Нет, нет, несравненная королева, ничего подобного не может быть создано смертными.

— Я не имею в виду предметы, созданные смертными. Я говорю о серебряных свистках, сделанных в Нижнем Мире, в качестве игрушек для друзей и любимых. Ведь такие существуют? Может ли какой-нибудь из них вызвать князя Азарна?

— Да, это так, — прошипели печально дриндры.

— Возможно ли, что некоторые из этих свистков находятся на земле?

— Кто же позволит таким свисткам попасть на землю? — прощебетали демоны.

— Я не об этом спрашиваю! — закричала Зораяс и стиснула железные кулаки. Взвившийся столб огня, словно кнут, заставил дриндров подпрыгнуть и зашипеть.

— Будь милостива, сладкая госпожа, — захныкали они. — Ты права, и твоя мудрость сверкает, будто драгоценный камень.

— Сколько таких свистков существует на земле? Семь?

Дриндры завыли и не ответили.

— Больше семи? Меньше семи?

— Да.

— Три? Два? Только один? — сердито воскликнула Зораяс.

Дринды утвердительно закивали.

— Где же он находится? На земле? Под водой?

— Да.

— В море?

— Да.

Зораяс усмехнулась, и дринды съежились.

— Ну конечно, я слышала рассказ о таком свистке в виде змеиной головы, сто тысяч лет назад подаренном вашим королем юноше по имени Зивеш. Теперь он покоится на океанском дне, ведь Азрарн утопил его, а серебряный свисток висел на его нежной шее, превратившейся сейчас в голые кости.

Дринды забили хвостами и прошипели «да», как шипит раскаленный металл, брошенный в воду.

* * *

Зораяс могла бы превратиться в рыбку, чтобы достать магический свисток. Но для смертного, владеющего магией, было очень опасно принимать облик животного или любого другого создания, не похожего на человека, поскольку при превращении можно легко забыть человеческие ценности и начинать думать, как то существо, чей облик он принял. Много рассказывали о великих волшебниках, которые превращались в животных, рептилий или птиц и по-

том забывали все свои заклинания и то, кем были раньше, продолжая бегать, ползать или размахивать крыльями до конца своих дней. Поэтому Зораяс заколдовала одного из дриндров и заставила его принести ей свисток.

— Не волнуйся, я собираюсь угодить вашему князю, а не вредить ему. Ведь именно он является причиной моего нынешнего счастья,—убеждала его Зораяс.

Как бы там ни было, околдованный дриндр нырнул в пучину морских вод. Туда, где лежали на песчаном дне молочно-белые кости Зивеша. Тысячу лет назад морские чудища удивленно разглядывали мертвого юношу, русалки с зелеными ледяными локонами целовали своими холодными губами его холодные губы, касались заостренными языками двух драгоценных камней на его груди. Но Зивеш не шевелился. Течение расчесывало его волосы, как когда-то их расчесывали пальцы демона, его широко открытые глаза казались наполненными слезами от горя и отчаяния. В конце концов морской народ перестало интересовать тело юноши. Вода стерла его черты и оставила лишь кости да свисток в форме змеиной головы. Его-то и схватил посланный королевой дриндр, бормоча себе что-то под нос. Вернувшись к медной башне Зораяс, он положил свисток с запутавшимися в него водорослями у ее ног.

Зораяс подняла свисток и больше часа внимательно разглядывала его.

В больших дворцовых садах был странный павильон, построенный из черного гранита. В

его стенах не прорубили окон, пол был выложен плитами из чистого золота, а потолок сделан из тусклого и очень черного стекла, которое не отражало света и сквозь которое ничего не было видно. В это стекло были вкраплены бледные бриллианты, сапфиры, цирконы, в точности повторявшие расположение звезд на небе. Работу выполнили настолько искусно, что, находясь внутри павильона, казалось, что сверху над головой простирается ночное небо. У стены, рядом с двойными дверями, свисал до пола толстый бархатный шнур.

Когда поднялась луна и на колокольнях Зояда пробили полночь, в павильон, держа в руке свисток, пришла Зораяс и села у бархатного шнуря. Она дождалась, пока луна зайдет и колокола пробьют наступление последней четверти ночи перед восходом солнца.

Тогда королева приложила свисток к узкой щели в своей маске.

Сперва она ничего не услышала. Потом раздался гром и сквозь открытые двойные двери ударила молния. Зораяс дернула бархатный шнур. Двери с металлическим шумом закрылись. Молния тем временем превратилась в существо, похожее на большого черного дракона. Из его рта сочилась расплавленная лава, испускающая дурманящий запах.

Зораяс произнесла:

— Успокойся. Я защищена от твоего огненного дыхания колдовством. Позволишь ли ты увидеть тебя, как довелось когда-то моему отцу Зорашаду?

Дракон, казалось, начал таять и блекнуть. Теперь в павильоне стоял высокий и удивительно красивый человек в черном плаще, напоминающим крылья.

Зораяс, как и всякий смертный, пришла в смятение от его красоты. Ее сердце торжествующе забилось.

— Повелитель Теней, прости свою служанку, заставившую тебя прийти сюда,— сказала королева.— Случайно я нашла этот свисток и, узнав из старинной легенды о его чудодейственном свойстве, не смогла воспротивиться желанию взглянуть на тебя, владыка владык, величайший из князей.

Она хорошо знала о тщеславии демонов и поэтому обратилась к нему именно так. Азарн не выглядел мрачным или удивленным. Казалось, он забавлялся.

— Тогда ты должна знать, что, позвав меня, можешь высказать мне свою просьбу,— отозвался Азарн.

— Несравненное Величество, я прошу лишь одно. Позволь посмотреть на тебя, выразить благодарность и вернуть этот свисток, который по праву принадлежит тебе.

Зораяс склонилась перед ним и протянула свисток. Князь демонов приблизился, и его прикосновение, словно холодное пламя, прожгло ее руку даже сквозь перчатку. Исковерканные пальцы пронзила боль, каждый шрам на ее искалеченном лице воспламенился, а раны, которые бродячий торговец оставил на ее груди и между бедер, казалось, запылали. И тут послышал-

ся удар колокола, возвещавший восход солнца. Бешеная ярость горячим потоком разлилась по телу Зораяс.

И она громко засмеялась.

Свет не проникал сквозь черную стеклянную крышу, которая выглядела так же, как и само небо. Однако, услышав колокол, Азран сказал Зораяс:

— Мне приятна твоя учтивость, Железная Королева, но полагаю, что солнце уже близко, а его свет мне отвратителен. Поэтому я должен покинуть тебя.

— В самом деле? — спросила она. Королева подошла к тому месту, где висел бархатный шнур, взяла его в руку и прошептала с улыбкой: — Азран! Мой отец Зорашад был дураком, за что и поплатился. А я, его дочь, потеряла многое больше, чем королевство. Благодаря колдовству я вернула многое, но кое-что я не в силах изменить, и именно об этом я, в конце концов, хочу попросить тебя.

— Тогда говори скорее, — нетерпеливо бросил Азран.

— Я хотела бы увидеть прекрасное лицо одного из Владык Тьмы в сиянии солнца, — сказала Зораяс.

Возможно, торжествуя и насмехаясь, она ошиблась, но ей показалось, что удивительное лицо Азрана побледнело.

— Разве я не говорил тебе, что солнце мне отвратительно, — напомнил Азран.

— Отвратительно или страшно, великий король? Я думаю, ты панически боишься его лу-

чей, а если они коснутся тебя, то превратят в пыль или камень, а может, и в какой-либо другой гадкий предмет.

На этот раз лицо Азрарна скривилось от ярости, и Зораяс в испуге затаила дыхание.

— Самая проклятая из всех женщин, ты думаешь, что останешься безнаказанной за свою наглость? Опасайся ночи, смертная — дочь безумца!

И, повернувшись, он пошел к закрытым дверям.

— Подожди! — закричала Зораяс и немного отдернула шнур вправо.

В крыше появилась щель, и луч солнца, словно стрела, упал на золотой пол.

Азрарн застыл на месте. Его плащ затрепетал, будто испуганная птица. Зораяс мягко обратилась к нему:

— Я знаю, что для всех демонов, и даже для их повелителя, солнечный свет означает Смерть. В своих владениях ты можешь передвигаться с быстротой молнии. Однако от дневного света тебе не скрыться. Ты ненавидишь золото. Значит, если ты попытаешься нырнуть под землю из этого павильона, тебе придется взломать золотые плиты на полу. А я тем временем потяну еще раз за этот шнур, щель в крыше увеличится, и тогда солнечный свет, словно дождь, зальет этот павильон.

Никто не знает, что ответил на это Азрарн. Возможно, он произнес настолько страшные слова, что они могли бы прожечь бумагу, если бы кто-то попытался их записать, а решивший-

ся прочитать их тут же бы ослеп. Несомненно, он угрожал Зораяс самыми жуткими наказаниями.

Но Зораяс ответила, что, даже если он убьет ее, она последним усилием откроет шторы.

Наконец Азрарн успокоился и замер в темной половине комнаты. Солнечные лучи освещали пол перед ним. Он оказался в ее власти — во власти земной женщины. Но эта мысль скорее забавляла его, чем злила. Он перебирал в уме возможные средства спасения. Кроме того, гордая королева так и не открыла полностью стеклянную крышу. А гордыня часто губит смертных.

И тогда Азрарн обратился к ней нежным и волнующим тоном:

— Ты говорила мне, дочь Зорашада, что вернула себе многое из того, чего лишила тебя смерть отца. Все, кроме одного. Одного лишь ты не смогла изменить. Что же это, храбрая и умная дева, чего не смогло сделать твое колдовство?

Но Зораяс не отвечала, играя бархатным шнуром. Азрарн улыбнулся. Он льстил и хвалил ее, поскольку хорошо знал, что ни один в мире звук не был более сладок для нее, чем интонации его голоса. Она не смогла бы остановить его сейчас. Поэтому князь демонов тихо продолжал:

— Не секрет, что демоны любят торговаться. Если ты решишь закрыть свою хитроумную крышу и позволишь мне вернуться в свои владения, я могу предложить тебе такое могущество,

ство, которое могло бы удовлетворить даже твое тщеславие.

Зораяс улыбнулась, хотя под маской это и не было заметно:

— Мои армии, князь, стали легендой. Они завоевали всю землю. Я управляю семнадцатью странами. На следующий год я могу подчинить себе еще столько же, если захочу. Что же касается моего могущества, мне кажется, ты испытываешь его на себе.

— Конечно, мудрая дева, я понимаю, что ошибся. Скажи, предлагать богатства подземных шахт, рубины, алмазы и изумруды, хранящиеся в недрах земли, тебе также бесполезно? — медленно проговорил Азран.

— У меня достаточно драгоценных камней, — сказала Зораяс. — Ты видишь, я их не ношу. Но если бы захотела, то у меня так много слуг, что через год в моих кладовых стало бы втрое больше драгоценностей. Взгляни на эти изумительные бриллианты, которые ты принял за звезды, князь.

— В таком случае, непобедимая дева, мне действительно нечего предложить. У тебя есть все, за что борются смертные: сила, магия, здоровье. Хотя твоя манера не носить драгоценности, а также закрывать лицо и руки, несколько озадачила меня. — При этом Азран заметил, что Зораяс застыла в кресле, а ее рука напряглась на шнуре. — У меня тоже есть одна просьба, — добавил Азран. — Позволь мне, наконец, прекрасная и благородная покорительница, взглянуть на твое лицо. Твоя красота, судя по пре-

красным глазам, сможет затмить само солнце, которым ты мне угрожаешь.

Зораяс издала крик, полный боли и гнева. Азрарну больше ничего не было нужно; он простирая руки, и железная маска, раскололвшись на куски, упала.

Зораяс задрожала и свободной рукой закрыла свое уродливое лицо.

Азрарн засмеялся. Он больше не испытывал ненависти по отношению к этому бедному и униженному созданию, сидящему перед ним на троне. Азрарну нравились ее ум, хитрость, отвага. Женщина с такими сильным и агрессивным характером могла бы помочь ему сеять раздор в мире.

— Лучшая из женщин, я все же считаю, что нашел предмет для сделки,— произнес Азрарн музыкальным и нежным тоном.— Открой крышу. Я, может быть, погибну, зато ты будешь отомщена и бессмысленно проживешь оставшуюся часть своей короткой жизни, навсегда замурорав себя в маске. Мужчины будут подчиняться тебе, сражаться в твоих армиях и рассказывать, как ты унизила Азрарна, одного из Владык Тьмы. Но ни разу ни мужчина, ни женщина не пожелает близости с тобой, не захочет поцеловать твои губы, не признается тебе в любви. Ты останешься холодной как лед, пока могила не поглотит тебя, и тогда черви будут наслаждаться там, где не знала наслаждения ты.

Услышав эти слова, королева задрожала, но рука ее, державшая бархатный шнур, не дрогнула. Азрарн подошел ближе и мягко добавил:

— Но выход все же есть. Никакая магия на земле не сможет вылечить твое уродство, но я, и только я один, могу сделать тебя прекрасной. Прекраснее, чем ты когда-нибудь мечтала, прекраснее любой другой женщины, когда-либо жившей или еще не родившейся на земле. Я могу сделать тебя такой прелестной, что любой, кто посмотрит на тебя, сразу же полюбит тебя; мужчины с радостью согласятся умереть за возможность обладать тобою хотя бы час. Тебе больше не понадобятся ни армии, ни рабы, потому что города сами откроют ворота, чтобы восхищаться лицом, которое сейчас ты не осмеливаешься показать. Короли и князья будут трудиться в земных шахтах, чтобы положить сокровища к твоим ногам в надежде прикоснуться к твоим устам.

Зораяс долго смотрела на демона и наконец прошептала:

— Если сможешь это сделать, я отпущу тебя.

Тогда Азран прошел по комнате, избегая солнечных стрел, и взял Зораяс за искалеченные руки. Перчатки тут же лопнули, обжигающие иглы пробежали по ним и по всему ее телу, и она увидела, что руки ее стали белыми, гладкими, будто мраморными, ее пальцы стали изящными, а груди теперь напоминали цветы. Затем князь демонов закрыл ладонями ее лицо. Огонь, который, казалось, исходил из этих ладоней, был настолько сильным, что королева застонала. Ее кожа задрожала, как поверхность земли при землетрясении. Потом огонь угас, и Зораяс увидала, что демон улыбается, и его улыбка выра-

жает обожание и нежность. Она коснулась руками своих щек и поняла, что все изменилось.

— Иди найди зеркало,— сказал Азран.

Королева повиновалась ему, потому что князь демонов исполнил, что обещал, и сделка состоялась.

За павильоном в саду был маленький пруд. Зораяс подошла к нему и, раздвинув камыши, посмотрела на свое отражение, которое прежде видела лишь однажды в лесу.

Ее лицо стало немыслимо красивым, его красота превзошла великолепие леопарда, казалась свежее нежной весенней поросли. Такую красоту мог изобрести только демон. Красоту, которая отныне будет царить в мире. Королева выпрямилась и сбросила свои металлические доспехи, пораженная произошедшим чудом. Она вернулась в павильон и закрыла дверь от дневного света.

Пол в павильоне был взломан. Рядом в тени стоял Азран. Он хотел еще раз увидеть созданную им красоту.

Зораяс пристально посмотрела на него, встала перед ним на колени и сказала:

— Теперь убей меня, мой Властелин, и я умру, обожая тебя. А после смерти я всем расскажу, если меня услышат в тумане, окутывающем мир, что ты — Величайший из Владык, мой любимый, мой хозяин! Твое проклятие для меня слаще, чем пение соловья.

Азран поднял ее на руки, поцеловал и снова улыбнулся. Даже он не мог пройти мимо неzemной красоты Зораяс.

— Ты уже видела себя, красавица? Неужели ты считаешь, что я смогу уничтожить такую красоту?

Тело Зораяс до сих пор знало только боль старых ран, кнут, насилие и прикосновение железа. Теперь оно познало любовь Азарна.

Часть четвертая

Глава первая

высокой дворцовой башне два брата играли в шахматы. За яшмовой решеткой окна садилось ярко-красное солнце.

Солнце умирало, освещая скалы и дюны, светлую реку, деревья на берегу, стены и высокие башни дворца. Закат бросал блики на лица братьев, делая их необычайно по-

хожими друг на друга, хотя они и не были близнецами. Младшего брата со светлыми волосами звали Журим, а старшего, со смуглой кожей,— Мираш. Характеры братьев не имели ничего общего. Журим слыл поэтом и мечтателем, а Мираш — никому не доверяющим скептиком. Их отец, аристократ древнего рода, умер и оставил свои земли сыновьям, поскольку братья очень любили друг друга. В их совместное владение отец передал множество бриллиантов, ставших основой их знатности и богатства. Каждому из них принадлежала половина этих сокровищ.

Бриллианты были повсюду во дворце: на ручках сундуков и дверей, в инкрустации мозаичного пола. Ими были усеяны карнизы крыш. Бриллианты сверкали в глазах двадцати янтарных львов, украшавших парадную лестницу дворца. Даже в фонтанах ярче самой воды сверкали крошечные бриллианты.

Несомненно, усадьба привлекала любопытные взгляды всех, кто выходил из бесплодной пустыни к изумрудной реке и видел стоящий на берегу сверкающий дворец с многочисленными башнями, блестящий золотом и драгоценными камнями. Фасад дворца был обращен к заходящему солнцу, словно бросая вызов темноте ночи.

Дворец, стоящий посреди дикой пустыни, мог бы соблазнить грабителей, если бы не одна особенность. Бриллианты, прославившиеся за свою красоту, были заколдованы. Того, кто отваживался их похитить, ждала мучительная смерть. Все происходило очень просто. Драгоценность прожигала карман, мешок, шкатулку, руку вора. Пре-

красные белые камни приобретали темный оттенок запекшейся крови. Ночью вор чувствовал сжимающиеся на горле пальцы, жжение яда в животе, уколы клинка в сердце. Через некоторое время похититель умирал, горько сожалея о содеянном. Так рассказывали. Находились отчаянные головы, которые не верили этому и отваживались проверить, но потом, мечтая вернуть время вспять, погибали. Однако бриллианты были абсолютно безвредны, если дарили их сами хозяева.

Журим иногда подумывал, не подарить ли бриллианты своей возлюбленной. Он встречал много прекрасных девушек с идеальной фигурой, пышными волосами и глазами, как у антилоп, но жениться мечтал только на одной, казавшейся ему единственной орхидеей среди лилий у обочины дороги. Он слышал, как вокруг шептали ее имя, но сам едва осмеливался думать о ней. Она была королевой, правительницей двадцати земель, более желанной, чем сама любовь. Ее дорогу устилали разбитые сердца и кости мужчин. Ее звали Зораяс, говорили, что она была возлюбленной демона. Но Зораяс не могла быть такой жестокой, как утверждали мужчины, ведь мужчины всегда слишком однобоко судят о женщинах. Журим, князь пустынного поместья, не мог всерьез надеяться получить руку королевы-императрицы, но думы о ней радовали его и вызывали приятную боль, как уходившие с расцветом сны, тени которых оставались в памяти.

Солнце почти зашло, оставив лишь розовое сияние на горизонте. Но Журиму показалось, что оно опять восходит.

— Посмотри,— крикнул он своему брату Мирашу,— либо день возвращается, либо это огни каравана!

— Тогда этот караван сбился с пути,— отозвался Мираш.

Вскоре братья услышали музыку и звон серебряных колокольчиков, увидели качающиеся балдахины, украшенных цветами животных, везущих повозки, свет ламп, мерцающих в пыли. От каравана повеяло запахом фимиама и жасмина.

— Это больше похоже на свадебную процессию, чем на караван,— удивленно произнес Журим, и его сердце часто забилось при мысли о своей мечте.

Необычный караван достиг ворот дома. Слуги застыли в полном изумлении. В башню прибежал слуга, поклонился и воскликнул:

— Почтенные, произошла поистине удивительная вещь. Знатная дама прибыла из далекого города. Ее проводники потеряли дорогу и просят крова до утра.

Журим молчал, но Мираш нахмурился:

— Кто эта госпожа из пустыни?

— Она предпочитает, чтобы вы не знали ее имени,— ответил слуга.

— А ты видел ее лицо?

— Нет, господин. Она в вуали и в молочно-белой накидке почти до земли, но ее одежда вышита золотом, на ее руках блестят изумруды, она говорит, как положено высокородной госпоже. Поистине она не грабитель и не развратница.

— Я думаю, что знаю ее,— сказал Мираш.— Я уже давно ее поджидаю. Хотелось бы, конеч-

но, отправить ее обратно, но она хитрая и к тому же волшебница. Пусть она войдет. Помести ее в лучшие покой и предоставь ей лучшую пищу, но ради собственной безопасности избегай ее взгляда. Ты ведь понимаешь, что мы с братом очень заняты и не сможем сами приветствовать госпожу.

Изрядно напуганный, слуга удалился.

Журим сказал:

— Если тебе так угодно, мой брат, то можешь не смотреть на нее. Меня же заинтересовала эта вуаль. Что она скрывает? Может быть, эта женщина уродлива и заслуживает нашей доброты.

— Она действительно была уродливой, если, конечно, легенда правдива,— ответил Мираш.— Теперь же никто не может взглянуть на нее, не лишившись разума. Это Зораяс, королева Зояда, возлюбленная демонов и бич мужчин. Не сомневаюсь, что ей уже рассказали о наших бриллиантах.

— Зораяс,— прошептал Журим и побледнел.

Спорить дальше казалось бесполезно. Романтичному юноше трезвые рассуждения были чужды. В его мечтах ярко расцвел образ Зораяс. В жизни Журима до сих пор не было никаких несчастий, он не понимал природы зла и не предполагал, насколько Мираш умнее его.

Пестрая толпа придворных под звуки трубы, освещая факелами путь, влилась во дворец. В зале, задрапированном расшитым бриллиантами шелком, зазвучала грустная мелодия арфы. Здесь, поигрывая розовым гранатом и золотым ножом, расположилась женщина в вуали, одетая во все белое.

Журим вошел в зал, низко поклонился и отоспал слуг. В ноздри ему ударили запахи сандалового дерева, жасмина и мускуса. Дрожащим голосом он представился и попытался рассмотреть лицо женщины сквозь вуаль. Незнакомка засмеялась. Из-под одежд показалась белая рука. Золотой браслет запел, ударившись о нефритовый. Выше открылось белое плечо, блестящее и сочное, как фрукт. Его бледность оттенялась темно-золотистыми локонами.

— Подойди и сядь рядом со мной, князь,— произнесла женщина.— Хочешь, чтобы я сняла вуаль? Если только ты захочешь, я сниму ее.

Журим сел около нее. Тогда женщина взмахнула рукой, и вуаль, словно дым, слетела с ее лица.

Красота гостьи опалила Журима, будто молния, сверкнувшая среди туч. Кровь застыла в его сердце. Он замер. Эта красота была подобна смерти. Она поглощала и заполняла собой все вокруг. Журим не мог отвести глаз от своей гостьи.

Она поцеловала его. Юноша попытался обнять ее. Но красавица мягко оттолкнула его руки.

— Меня зовут Зораяс,— сказала она.— Ты очень красив. Но если ты хочешь быть моим другом, тебе придется сделать мне подарок.

— Все, чем я владею,— твое,— сказал он.

— В этой комнате я насчитала пятьдесят бриллиантов. Подари их мне,— попросила королева.

Журим побежал к стенам, вырвал бриллианты из шелка и принес их ей на колени. Зораяс притянула голову юноши к своей груди, поцеловала его в горячий лоб и вздохнула:

— Как мне нравятся твои волосы, подобные золоту, и твое тело, крепкое, как у оленя. Но ты нетерпелив, сначала дай мне бриллианты, которые свешиваются, как виноград, с потолка этого зала.

Журим начал метаться по залу. Он был слеп и глух ко всему, кроме страсти, он чувствовал запах Зораяс и ощущал прохладу ее округлых гладких форм. Журим сорвал с потолка все бриллианты и принес их королеве. Он разбрасывал их вокруг нее, словно дождь, а потом спрятал свое лицо в ее волосах.

Красавица увлекла его на пол. Он проник сквозь ее поток и затонул в морской пещере ее тела. Бесконечно было его желание, но он так и не добрался до dna пещеры. Поток вернул его к губам Зораяс, словно обломки корабля, потерпевшего крушение.

Тем временем Мираш повсюду искал брата.

В полночь он тихо спустился вниз и приник к дверям комнаты гостьи. Оттуда доносился голос Журима, он молил и обещал. А другой голос все шептал и шептал что-то. Затем Журим застонал от удовольствия, как женщина, не в силах сдержаться от наслаждения.

Мираш ждал. Через некоторое время двери комнаты открылись. Оттуда появились Журим и Зораяс и тихо, словно любовники, пошли рядом. Лицо Журима было бледным. Мираш отвернулся, чтобы не видеть лица королевы.

Они шли по темным комнатам, будто по рынку, и Зораяс отбирала себе все, что ей нравилось, бриллианты большие, как чашки, и маленькие

граненые бриллиантики, блестевшие даже в тени, а Журим отовсюду выдирал их и складывал в подол ее юбки. Они смеялись, как дети, играющие в интересную игру. Наконец они дошли до комнаты, где бриллианты висели, как пчелы в улье.

Мираш стоял за дверьми.

— Брат,— позвал он,— помни, что все эти бриллианты только наполовину твои. Ты не можешь взять мою половину без моего согласия, а свои сокровища ты уже почти все отдал.

Журим вздрогнул, как человек, пробудившийся ото сна.

Зораяс резко спросила:

— Кто там скребется у порога? Собака или кошка, которая не решается войти? Если это человек, то ему нечего бояться. Я всего лишь женщина и не причиню ему вреда.

Но Мираш держался в стороне.

— Извини меня, госпожа, но я не могу остановиться. Я только хочу напомнить своему брату, что любой драгоценный камень, отданный тебе, но не являющийся его собственностью, нашлет на тебя такое же проклятие, как если бы ты украдла его. А теперь спокойной ночи.

— Это разумное предупреждение,— сказала Зораяс ледяным тоном.— Прошу тебя, постуй, как сказал тебе брат, Журим. Я знаю о проклятии бриллиантов.

Мираш пошел в дворцовую библиотеку и стал рыться там в колдовских книгах и старинных рукописях. Он слышал смех Зораяс, подобный пению птицы, разносящийся по дворцу. А ближе к рассвету раздался один из тех отчаянных

чувственных криков, которые наполнили его сердце смертельный гневом.

* * *

Восход озарил пустыню, окрасив реку рубиновым винным цветом.

Зораяс стояла на балконе. Созданная из воздуха тень забрала россыпи бриллиантов и унесла их прочь в спиралах пламени.

— Твой подарок скоро доставят в Зояд. Но мне придется покинуть тебя,— сказала Зораяс Журиму, гладя его волосы.— Разреши мне взять этот золотой локон с собой. Я хочу подольше вспоминать о тебе.

— Я не перенесу, если ты забудешь меня,— воскликнул Журим.— Останься со мной. Хотя бы на один день, если нельзя дольше. Что тебе этот день, а для меня он значит так много! Один день и одну ночь.

Юноша обнял ее.

— Нет, я должна вернуться в Зояд. Боюсь, я и так уже слишком долго надоедаю тебе,— отозвалась Зораяс.

— Нет, нет...— простонал Журим, жестоко страдая, и крепко прижал ее к себе.

— Да, и еще раз да,— ответила Зораяс.— Кроме того, я здесь нежеланная гостья. Твой брат злится и торопит меня. Он не допускает меня к своей доле бриллиантов, а твои драгоценности уже закончились.

— Я упрошу его отдать свои. Он не откажет.

— Тогда иди и уговори его, мой золотой олень. Но торопись.

Журим вбежал в комнату Мираша и упал перед ним на колени:

— Дай мне в долг твою часть сокровищ, брат мой, а то она бросит меня.

Оттенок презрения и отвращения промелькнул на лице Мираша, но он быстро взял себя в руки.

— Она в любом случае бросит тебя. Отпусти ее сейчас и возблагодари богов за то, что она ушла. Она — демон.

— Я не переживу, если она уйдет.

— Она лишила тебя воли. Честно говоря, так она обычно и поступает. Ты не хуже и не лучше других, мой брат,— сказал Мираш, поднимая Журима на ноги.— Пусть она уходит. Рана со временем заживет. Эта женщина несет смерть, она как медленный яд, разъедающий душу...

— Значит, ты мне отказываешь? Это твое право. Только скажи мне,— оборвал его Журим.

— Да, ради твоей собственной безопасности я отказываю тебе.

Зораяс только улыбнулась, услышав это.

— Хорошо, пока у меня есть половина сокровищ. Если ты захочешь увидеть меня снова, дорогой, ты должен прислать мне вторую часть. И тогда мои поцелуи станут еще более страстными.

Зораяс стояла на балконе, пока перед ней в лучах солнца не появилась сверкающая колесница, запряженная черными крылатыми собаками. Волшебница взошла на колесницу и унеслась прочь вместе со свитой.

Невозможно описать горе, охватившее Журима. Меньше чем за месяц он побледнел, поху-

дел и стал похожим на дрожащего кузнечика, хотя когда-то был красивыми и сильным. Он не ел, не отдыхал, а только слонялся по дворцу днем и ночью, облокачиваясь на колонны и столбы от слабости и рыданий. Он не упрекал Мираша за отказ подарить ему свою долю отцовских сокровищ, а Мираш переживал отчаяние брата и его болезнь, как свои собственные, и, наконец, сказал:

— Пойдем, мой бедный брат. Возьми все, что есть у меня, и все, что есть во дворце, отдай ей и попроси вернуться к тебе.— Но сердце в его груди было холоднее железа, поскольку он знал, как безжалостна королева и что ее благосклонность будет длиться недолго.

Так оно и случилось.

Журим ушел с большим караваном в Зояд, где Зораяс приняла из его рук триста бриллиантов разного размера. После чего она приказала ему вернуться в пустыню и обещала навещать его. Журим умолял ее, но от этого она разгневалась и заявила, что он изменился с тех пор, как она его видела, стал худым и некрасивым. Королева напустила на него солдат. В результате Журим вернулся домой на похоронных дорогах, избитый, в крови. У ворот он схватил руку Мираша и прошептал:

— Она приходила сюда, пока меня не было?

А позднее, уже лежа в постели, он прошептал:

— Неужели она больше никогда не придет?

— Если ее лицо является отражением ее души, то она тебя обманула,— отозвался Мираш.

Немного оправившись, Журим подолгу лежал у яшмовой решетки высокой башни, глядя на

запад и ожидая Зораяс. Иногда вдали поднимался столб пыли. Тогда юноша вскакивал и кричал, думая, что она уже близко.

У Журима и Мираша не осталось больше бриллиантов. Все они теперь были у Зораяс, за исключением единственного голубого камня, украшавшего вход в гробницу их отца.

Журим лежал у яшмового окна, и мысли об этом бриллианте не шли у него из головы. Наконец он упросил Мираша взять драгоценный камень, поехать с ним в Зояд и попытаться уговорить Зораяс.

— Наш отец простил бы нас. Он не позволил бы мне умереть от любви.

— Может быть, ты все же попытаешься побороть эти злобные чары? — спросил Мираш.— Поверь, она больше тебе ничего не даст, зато лишит нас всего. Разве она уже не ограбила нас?

Мираш знал, что болезнь брата вызвана колдовством. Сердце Журима разъедал червь, и теперь несчастный настолько ослаб, что, без сомнения, должен был скоро умереть. И если последняя попытка утешит его или хотя бы даст ему силы прожить немного дольше, то Мираш сделает это. Хотя он ничего и не нашел в отцовской библиотеке, он надеялся отыскать в городе какого-нибудь искусного мага, который вылечил бы от этой болезненной любви его несчастного брата.

Мираш взял руку Журима, крепко сжал ее и сказал, что тот может поступать как хочет, доверившись богам. После чего Мираш вынул бриллиант из ворот гробницы и спрятал его в мешок на шее.

Глава вторая

авно уже не знавший ремонта дворец постепенно разрушался.

Единственным богатством во дворце были бриллианты. Теперь же ветер гонял листья по мраморным полам, мыши бегали по амбарам, где зерен оставалось все меньше. Крестьяне ушли с зеленых берегов реки. Поля заросли буй-

ными сорняками. Дворцовая мебель и ценностями были распроданы, опустели конюшни. Мирашу пришлось идти в город пешком.

Юноша никого не взял с собой в дорогу. Он пил воду из рек и из маленьких ручьев и питался сухими фруктами, как обычный бродяга. Ни один грабитель не подумал пристать к нему, слишком уж жалким он казался. Мираш нес с собой только две вещи — драгоценный камень и маленький мешочек с солью.

Через несколько дней юноша добрался до Зояда. Он прошел по широким улицам, украшенным огромными статуями, и оказался перед дворцом Зораяс.

Но королевский дворец — не место для обрванцев с большой дороги.

— Как осмеливается какой-то подлый нищий беспокоить двор нашей несравненной королевы? — удивилась стражка.

— Тогда передайте ей, что пришел брат Журима из бриллиантового дома, — мрачно произнес Мираш.

Когда Зораяс доложили о приходе Мираша, она приказала впустить его. Но не из-за бриллиантов. Просто ей было очень любопытно взглянуть на юношу, который так упорно избегал ее чар.

На королеве было расшитое бриллиантами платье, в ушах ее сверкали бриллианты, а медно-красные волосы оттеняла шапочка из шкуры рыси.

— Подойди же, наконец, поближе и взгляни на меня, — сказала она. Но Мираш не терял

времени даром, пока перед дверью ожидал разрешения войти. Он натер глаза куском соли, чтобы они заболели и заслезились. Поэтому он не смог хорошенко разглядеть королеву.

Сообразительность юноши несказанно разочаровала Зораяс, поскольку она любила наблюдать, как ее красота действует на мужчин.

— Что случилось с твоими глазами?

— Слезы застилают их, я страдаю из-за брата, который умирает по твоей вине.

— Мне не нужна его смерть. Я не просила его умирать.

— Да, госпожа. Ты просила бриллианты, которых в твоем дворце было и без того вполне достаточно.

— Верно,— согласилась Зораяс.— Но я никогда ни от чего не отказываюсь. Мне нужны были ваши камни, поскольку считалось, что их трудно достать. К тому же это самые чистые и лучше всего обработанные бриллианты, которые я когда-либо видела, и мне не грозит их заклятие, ведь каждый из них — подарок.

— Подарок, отданный молодым человеком в расцвете юности, здоровья и сил, насколько ты помнишь. Он предложил тебе все, что имел: и свое богатство, и себя самого.

— Этого недостаточно. В свое время я уdstoилась внимания князя демонов, а после него все мужчины кажутся мне кораблями без парусов. Но ты что-то сказал про бриллианты?

— Да, я принес с собой один бриллиант,— сказал Миранд и показал ей голубой камень из гробницы.— Смотри, это мой последний брил-

лиант. Но думаю, ты, госпожа, его не получишь, поскольку сама уже стала как алмаз.

— Ну, одним больше, одним меньше. Не имеет значения. Я отношусь к драгоценным камням так же, как к мужчинам,— сказала Зораяс.

— В тебе нет милосердия,— ответил Мираш.

— Попроси милосердия у снега и ветра, а от меня ты его не дождешься. Иди, и пусть солнце высушит соль в твоих глазах.

* * *

Мираш был уверен, что его брат уже при смерти. Но он все же отправился на поиски самого уважаемого в Зояде мудреца. Юноша рассказал ему все, и даже то, что Журим потерял интерес к жизни, уверившись в полном равнодушии Зораяс. На это глубокоуважаемый мудрец моргнул заплывшими глазами и провозгласил:

— Каждый человек рано или поздно умирает. Верь в свою судьбу. Никому не избежать могилы. А за свой совет я прошу одну серебряную монету.

— Ты заслужил лишь одного — хорошего тумака. А свой совет можешь забрать обратно. Подавись им! — ответил Мираш.

После этого юноша зашел в храм и рассказал свою историю жрецам. Они серьезно выслушали его, но, когда Мираш закончил, сказали:

— Принеси нам кусок золота, и тогда мы сможем помолиться за твоего брата.

— У меня нет с собой золота. Если же вы помолитесь без вознаграждения, то ваш бог не осудит вас,— бросил им Мираш и ушел прочь.

Он бродил по улицам до наступления сумерек. Затем, вконец измотавшись, уселся перед дверью маленькой захудалой таверны.

В небе уже, словно синие огненные цветы, загорались звезды, и вот на улице показался человек. Он шел, освещая дорогу красным фонарем.

Остановившись перед таверной, старец начал раскачивать своим фонарем, зазывая слушателей. Это был опытный рассказчик, но за свои рассказы он просил всего одну медную монету.

Но никто не вышел из таверны, и когда старец уже собрался уходить, Мираш остановил его, протягивая ему монетку.

— Ты первый в этом городе, кто не потребовал от меня бриллиантов или серебра. Твой товар — мечты, в которых я до сих пор не видел нужды. Но теперь я с удовольствием послушаю рассказ со счастливым или по крайней мере справедливым концом. Есть у тебя в запасе такая история? — спросил Мираш.

Рассказчик присел на корточки, поставил фонарь на землю и, открыв крышку, подбросил в фонарь щепотку порошка.

— Я расскажу тебе историю, — сказал он. — О дрине Таки и госпоже Змее.

Ощущая приятный аромат и тепло лампы, Мираш устало облокотился спиной на стену таверны и приготовился слушать.

* * *

Глубоко под землей, в Нижнем Мире, где никогда не бывает ни солнца, ни луны, но всегда светло как днем, жил в пещере маленький

дрин. Звали его Таки. Он был очень уродлив и гордился этим, поскольку дрины гордятся уродством. Таки изготавливал изделия из драгоценных камней, иногда отдавал их князьям вазду, но чаще всего оставлял у себя в доме, чтобы любоваться и разговаривать с ними. Известно, что среди дринов нет женщин. Иногда привлекательная демонесса эшва соглашалась переспать с каким-нибудь дрином в обмен на ожерелье или кольцо, а иногда на это шла какая-нибудь смертная женщина. Но, как правило, дрины предпочитают любовниц-рептилий и насекомых Нижнего Мира. Таки, однако, больше всего на свете любил блеск и сияние созданных им же самим драгоценных камней.

Но однажды, когда Таки шел по лесу из серебряных деревьев, который находится с севера от Драхим Ванашты, города демонов, он увидел Змею, отдыхавшую на поляне из хрустальных маков. Эта Змея показалась ему не похожей на тех, которых ему приходилось видеть раньше. Она не была медлительной и скучной, наоборот, проворной и сладкоречивой. Рисунок ее чешуи напоминал резной камень с выпуклым изображением, сверкающий то как черный агат, то как изумруд, то как дымчатый блестящий жемчуг. Ее глаза походили на два топаза. Ее язык, будто меч, высказывал из красных ножен пасти. Таки с удивлением разглядывал красавицу Змею. У него задрожали коленки, забилось сердце и пересохло во рту. Таки понял, что полюбил ее.

— Прекрасная госпожа Змея,— обратился к ней Таки.— Всю свою жизнь я мечтал лишь о

тебе. Пойдем ко мне домой, в пещеру, и ты сможешь лежать на лучшем шелке, наслаждаться сливками и носить рубины на своей длинной шее, как носила бы их королева. Все это я с радостью отдам тебе.

Но Змея скорчила недовольную гримасу и отвернула укрушенную самоцветами голову.

— Отстань, глупый карлик. Все твои обещания — ложь.

— Нет, уверяю тебя, — воскликнул Таки. Он бросился домой и, схватив шелк, сатин и драгоценные камни, понес все это змее в лес.

— И это все, что ты предлагаешь мне? — пропшипела змея.

Таки опять кинулся домой и принес еще. Наконец, когда гора его богатств выросла до высоты деревьев, Змея кивнула головой и позволила Таки перенести подарки в ее нору. Потом она приказала ему задрапировать стены и закрепить на них золотые подвески. Когда работа была закончена, Таки с нетерпением посмотрел на Змею, но она сообщила ему, что теряет сознание от голода. Поэтому Таки пришлось принести блюдо с медом и сливками, а также прекрасное черное вино. Утолив голод и жажду, змея посмотрела на дрина и приказала ему подождать в прихожей норы, пока она готовится к ночи. С радостным сердцем Таки нетерпеливо ходил по прихожей (при этом ему приходилось сгибаться вдвое, поскольку потолок был низок), пока внезапно туда не вполз огромный черный змей.

— Что за урод топает в помещении моей возлюбленной? — возмутился змей. Он искал

несчастного дрина, поколотил своим хвостом, затем вышвырнул из норы и захлопнул за ним дверь.

Таки уполз прочь и долго отсиживался дома, лечась от ядовитых укусов и побоев. Но прошло немного времени, и он снова принял разыскивать свою возлюбленную, уверенный, что в тот раз произошла какая-то ошибка. Он нашел госпожу Змею в лесу в объятиях черного змея. Глядя на Таки узкими глазами, извиваясь, страстно переводя дыхание, они смеялись над несчастным и всячески обзывали его, пока тот не убежал.

Страшная штука любовь. Таки горевал и томился в своем доме в скале, его слезы затопили пол, а его стоны были так сильны, что обратились в летучих мышей и начали стаями летать по округе. Наконец, от отчаяния он начал создавать скульптурное изображение своей возлюбленной в натуральную величину. Скульптура была сделана из слоновой кости и тяжелого серебра, покрытых изумрудами и агатом. На место глаз Таки вставил топазы, а губы выложил гранатами. Все это сооружение оказалось очень тяжелым.

Между тем прекрасная Змея одумалась. Она еще не успела истратить груды сокровищ, подаренных ей Таки. Но она снова и снова соблазняла дрина, пока несчастный не отдал ей все, что у него было. После чего она, конечно, от души смеялась над ним.

Змея поселилась вблизи дома Таки. Ее повсюду сопровождали три черные мыши, держа над

ее головой зонтик от солнца, а белая мышь устилали ее путь бумажными цветами.

— Таки, дорогой,— прокричала Змея, однажды остановившись перед его дверью,— Таки, возлюбленный! Я пришла навестить тебя.

Но Таки не слышал ее, потому что был в это время в подвале и горько плакал. Змея проползла в дом, надменно нюхая мебель и жадно шипя на сундуки и коробки. Она приказала мышам проглотить все драгоценные камни, которые они только найдут, не думая о том, как она потом их достанет. Проползав по пещере около часа, Змея добралась до комнаты, где находилась драгоценная скульптура, точная ее копия. Работа была закончена, и прекрасная скульптура, казалось, вот-вот оживет. Ведь недаром дрины славятся своим мастерством. Змея была очень тщеславна и больше всего на свете любила именно себя. Увидев скульптуру, она задохнулась от восхищения и начала влюбленно ласкаться к покрытой эмалью статуе и мурлыкать. Естественно, Змея чувствовала при прикосновении такое же холодное тело, каким было и ее собственное. Гордячка не сомневалась, что это ее двойник, ее сестра, подаренный Судьбой любовник. Но неподвижная скульптура не ответила на заигрывания. В гневе Змея взмахнула хвостом. Скульптура покачнулась и упала, раздавив Змею.

Три мыши, уже успев набить рты жемчугом, кинулись наружу. На дороге они встретили ворона, который узнал от них о произошедшем. Ворон немедленно созвал всех своих друзей пообедать Змеей в дом Таки.

Что касается дрина Таки, то в подвале он неожиданно встретил молодую сороконожку. Он вышел из подвала, оправившись от горя, и выбросил из своего дома странные белые кости, даже не задаваясь вопросом, откуда они могли взяться, и убрал валявшуюся на полу скульптуру в кладовую.

Он вспоминал Змею крайне редко. Хотя вороны в тот день лакомились ее сочными внутренностями до ночи, наевшись вдоволь, как будто пировали на полях сражений.

* * *

В заключение старец добавил:

— Возможно, это не самая веселая история. Зато тебе будет о чем поразмышлять по пути домой.

Мираш тронул рассказчика за рукав, спрашивая, кто он.

— Когда-то я был богатым человеком,— ответил рассказчик.— Но два моих сына отдали все богатства прекрасной змейке. И теперь я жду, когда один из них присоединится ко мне, вступив на дорогу густого тумана. Другой, правда, сделан из более прочного материала. Но пусть он вспомнит мой рассказ, когда вернет бриллиант в ворота моей гробницы.

Старик поднялся и ушел прочь по улице. Мираш не успел его задержать. Он побежал за ним следом, но старца с фонарем за поворотом уже не было, хотя дорога дальше шла прямо, а стены домов по обеим ее сторонам уходили высоко в небо.

— Этот старик мог быть моим умершим отцом, который приходил дать мне совет и предупредить.

А потом Мирашу показалось, что за углом в свете фонаря встретились две фигуры, старика и юноши...

* * *

Прошло несколько дней, и Мираш вернулся домой. У ворот дворца его встретил слуга и сообщил, что Журим умер. Когда он лежал у ящмовой решетки окна башни, глядя на дорогу в ожидании брата, странная черная тень прокользнула к нему в комнатку и бросила к его ногам один бриллиант. После чего тень воскликнула:

— Моя госпожа Зораяс великодушна. Поскольку ты больше никогда ее не увидишь, она возвращает тебе часть твоего подарка — купи на этот бриллиант надел земли и богатей на здоровье.

Услышав эти слова, Журим поднялся, будто бы снова обрел свою прежнюю силу, пошел в зал, снял со стены отцовский меч и закололся.

Идти до могилы было недалеко. Мираш не плакал, остановившись у свежего холмика земли и скромного могильного камня. Когда их семья была богатой, то всем умершим членам семьи ставили памятники, вырезанные из мрамора, со вставками из золота и драгоценных камней. Мираш опустился на колени.

— Бедный мой брат, брат мой Журим,— сказал он.

Когда ночь сожгла свой плащ в солнечном свете, а день осветил заброшенные поля и запущенный дворец, Миранд поднялся и направился ко дворцу. Второй раз в своей жизни он зашел в библиотеку и закрыл за собой дверь.

Глава третья

ногие гибли по вине Зораяс. Одни кидались в смертельно опасные авантюры, чтобы привлечь ее внимание, другие из-за неразделенной любви к королеве кончали жизнь самоубийством, а некоторых она убивала сама. Иногда без причины — просто для развлечения. Азран сделал ее пре-

красной, и осознание собственной красоты ударило ей в голову, как крепкое вино. Азран наделил ее частицей присущего ему озорства, теперь и она тоже наслаждалась возможностью усложнять жизнь простых смертных.

Чужая смерть ничего не значила для королевы. Она ни разу не вспомнила бы ни о Журиме, ни о его молчаливом смуглом брате, если бы не странные рассказы, которые рассердили Зораяс и привлекли ее внимание.

Кое-что она почерпнула из разговоров птиц, поскольку понимала их причудливый лаконичный язык, напоминающий болтовню слегка свихнувшихся людей. Зораяс обычно усаживалась рядом с мраморным бассейном, восхищаясь своим отражением в серебряных зеркалах, а в это время служанки расчесывали ей волосы. Она прислушивалась к щебетанию ласточек, воробьев и диких ибисов, пока они пили воду у края бассейна среди камышей из тонкого чеканного золота.

— Что это за птица? — спросила воробыиха, впервые увидевшая свое отражение в столь чистой воде.

— Плещись и не болтай, — прикрикнула другая, разбрзыгивая воду.

Третья, со скорбным видом чистившая клювом перья, проговорила:

— Здесь сидит королева Зояда. Она не знает о том, что ее обманывают.

— Обманывают как? Не дают ей червя? — закричала первая воробыиха.

— Бриллианта, — сказала вторая воробыиха.

— Бриллианты — это такие капельки, которые падают с неба, делая все мокрым,— объяснила ласточка.— Но люди ловят их в кувшины.

— Завтра я снесу яйцо,— почему-то вдруг сообщила четвертая воробыиха.

— Мираш обманул Зораяс из Зояда,— прощебетала третья воробыиха.— Он скрыл от нее один бриллиант, который дороже всех тех, что у нее есть. Голубой бриллиант из гробницы его отца.

— Червей надо искать рядом с могилами,— сказала первая воробыиха,— но, боюсь, никто не оценит мой совет.

— Мое яйцо будет больше всех предыдущих,— сообщила четвертая воробыиха.

— Бриллиант, который Мираш не отдал Зораяс, стоит всех бриллиантов на свете,— заметила третья воробыиха.

— Какая грубоść! О чем это я? — удивилась ласточка.

Зораяс показалось, что воробыиха, говорившая о бриллианте, делала это чересчур уж логично. Она подумала, что птицу мог послать Мираш, чтобы похвастаться тем, что лишил ее самого лучшего бриллианта.

— Еще увидим, кто кого,— решила Зораяс.

Мираш ведь так ни разу и не взглянул на нее. А теперь ему следовало бы осторегаться ее вдвойне. Королева помнила его уловку с солью. И теперь она решила, что не успокоится до тех пор, пока не добьется своего — его покорности. И конечно же, бриллианта. Зораяс не любила, когда мужчины не повиновались ей. Словно одержи-

мая, королева стремилась обуздить их, покорить и обезвредить.

Зораяс решила еще раз посетить дворец в пустыне у сверкающей реки. Но только теперь она появится в непривычном для себя обличье. Она больше не предстанет перед Мирашем госпожой, закрытой вуалью, под разукрашенным балдахином, под звон колокольчиков, в аромате ладана. И конечно, не в образе волшебницы в сверхъестественном экипаже, запряженном несуществующими животными. На этот раз Мираш не должен был ее узнать.

* * *

В пустыне бушевал ураган. Пыль стеной поднялась в небо. Солнце превратилось в красное пятно, река потемнела, ее вода напоминала неполированную бронзу, деревья стонали на ветру.

Кто-то стучал в закрытые на все запоры ворота дворца, плача и умоляя о помощи. Наконец с разрешения дворецкого привратник приоткрыл калитку и впустил во внутренний двор жалкого вида незнакомку. Ею оказалась бедная девушка-танцовщица, отставшая от каравана. Ее дешевый наряд был разорван в лохмотья, тело, иссеченное песком, кровоточило, заплаканное лицо и черные волосы покрывал толстый слой пыли. Шатаясь, она вошла во двор и упала в ноги привратника и дворецкого, спасших ее от неминуемой смерти в пустыне.

Во дворце было всего несколько верных слуг, остальные ушли, как только их хозяин обеднел. Старый дворецкий провел девушку в отдельную

комнату, показал ей кушетку и кувшины с водой, поставил перед ней хлеб и вино. Девушка не переставала благодарить его.

— Прошу, скажи мне, как зовут твоего хозяина, чтобы я могла благословлять также и его имя,— попросила девушка.

— Моего хозяина, Мираша, постигло ужасное несчастье. Поэтому ему поможет любое благословение, большое или малое.

— Его сердце посетила печаль? Наверно, кто-нибудь погиб? Боже мой,— сказала девушка, скромно опуская взгляд.— Я сейчас неважно выгляжу, но, как только я вымоюсь и приведу себя в порядок, разреши мне посетить опочивальню твоего хозяина. Я знаю, как можно утешить мужчину в постели,— ведь это часть моего искусства. Я пытаюсь подарить ему радость хотя бы на час или два. Если ты сомневаешься, я могу сначала продемонстрировать тебе, на что я способна,— добавила она.

Старый дворецкий уже вышел из того возраста, когда с легкостью предаются любовным утехам, и поэтому пожелал удовольствоваться созерцанием танца девушки. Она не возражала. И хотя за время ее танца старик так и не смог разглядеть ее лица, он остался доволен, поскольку видел необычайно прекрасное, неотразимое тело девушки. Разомлев, он согласился допустить ее втайне от Мираша в его покой.

«Не сомневаюсь, что получу за это награду»,— подумал дворецкий.

Уже в течение нескольких месяцев Мираш проводил почти целые дни в дворцовой библио-

теке, а в остальные часы закрывался в подвальных помещениях дворца и никого туда не пускал. Временами оттуда слышались странные звуки, доносился мускусный запах и мерцал странный свет. В эту ночь Мираш, как и всегда, вернулся из подвала за полночь. Неудивительно, что танцовщица изнывала от томительного ожидания.

Мираш вошел в слабо освещенную опочивальню и скинул одежду. Не успел юноша лечь в постель, как сразу же вскочил, почувствовав прикосновение гибкого тела.

— Не беспокойся, мой господин,— произнес сладкий голос.— Я, твоя раба, пришла сюда, чтобы с радостью напоить тебя из источника моей любви.

Мираш снова лег и сказал:

— Кем бы ты ни была, добро пожаловать в мою жизнь.

Тогда девушка открыла свое лицо и вздрогнула. В красном свете ламп она увидела, что глаза Мираша были закрыты повязкой.

— Мой господин, это какая-то игра?

— Конечно, нет. Просто я слепой,— ответил Мираш.

Ласкающие руки танцовщицы замерли.

— Какой-то новый трюк,— пробормотала она, а вслух добавила: — Как же это случилось?

— Когда-то я повздорил с очень могущественной волшебницей. С Зораяс из Зояда. Возможно, ты слышала о ней. Она спит с демонами. И вот демоны напали на меня и ослепили.

Нежные пальчики незнакомки подобрались к повязке:

— Разреши посмотреть, мой господин. Я немного разбираюсь в медицине. Возможно, я смогу тебе помочь.

— Нет, ни в коем случае, не надо беспокоиться,— сказал Мираш, отстранившись.

Девушка взглянула на тело князя, но он печально произнес:

— Милая девушка, это тоже бесполезно. Демоны не только ослепили меня, но и лишили мужской силы.

Однако девушка прекрасно видела, что дела обстоят не так уж плохо, и попыталась разубедить строптивца.

— Не обращай внимания на внешние признаки благополучия. Демоны обрекли меня на страшные мучения. Сосуд наполнен и, казалось бы, готов перелиться, но, как только мы начнем пить, тут же обнаружим, что вино исчезло без следа, сосуд слабеет и пустеет.

— Тогда, мой господин, давай не будем отчаиваться. Возможно, демоны не так уж жестоки в своем колдовстве,— продолжала настаивать девушка.

Незнакомка оказалась права. После недолгих уговоров меч нашел ножны, и Мирашу оставалось только сладострастно наслаждаться своей гостьей.

Конечно, он имел дело с Зораяс, намеренно вызвавшей бурю в пустыне. Она не получала никакого удовольствия от любовной игры со своим врагом, лишь выжидала нужный момент, демонстрируя уместные в данных обстоятельствах телодвижения. Наконец в момент экстаза, охва-

тившего Мираша, Зораяс сорвала с его глаз повязку.

Ему все же пришлось увидеть ее неотразимое очаровательное лицо, обрамленное медно-красными волосами, поскольку черный парик уже давно свалился у нее с головы.

Мираш застонал и упал. Он проклинал себя и ее, затем снова взглянул на нее и стал умолять простить все его проклятия, убеждая королеву, что был бы рад умереть за нее.

— В этом нет необходимости,— ответила Зораяс.— Мне нужен лишь маленький символ твоей преданности...

— Все, что я имею, уже принадлежит тебе, так же как и я сам.

— Подари мне голубой бриллиант, самый лучший из всех твоих бриллиантов, которым ты хвасталася.

Мираш пристально посмотрел на королеву. Его темные глаза налились кровью и дико вращались. Она с удовольствием отметила, что он наконец-то полностью в ее власти.

— Бриллиант в воротах гробницы моего отца. Возьми его. Только разреши еще раз присесть к твоим губам.

— Не сейчас, может быть, позже. Этого бриллианта мне вполне достаточно,— ответила Зораяс.

Они поднялись. Мираш повел ее вниз, через тенистые сады. Буря уже утихла. Они прошли к мерцающему пруду, а оттуда — к мраморному портику мавзолея. Здесь на железных воротах холодным голубым сиянием светился огром-

ный бриллиант, вставленный в металлический овал.

— Это еще что такое? — спросила Зораяс. Ее тело, белое, словно мрамор, обрамляли красные волосы.— Что это еще за трюк? Идем, я знаю, что теперь ты не можешь обманывать меня.

— Обманывать тебя? Я лучше бы отрезал свой язык.

Мираш упал перед ней на колени и обхватил ее лодыжки.

— Когда ты показывал мне этот бриллиант в моем дворце, он был без оправы.

— Да, я тогда вынул его из этой оправы, огромного овального, в рост человека, зеркала, которое висит на воротах гробницы,— ответил Мираш.

Зораяс подошла к воротам вслед за Мирашем. Она осторожно начала осматривать полированный овал из голубого металла, в центре которого горел бриллиант.

— Зеркало, ты говоришь. Но я не вижу отражения,— пробормотала Зораяс.

— Это только футляр, самое ценное находится внутри. Там зеркало, но никто не может посмотреть в него. Это магическое зеркало, которое мой отец нашел в древнем храме. Даже он никогда не открывал этот футляр.

— Почему же?

— Это — игрушка демонов,— сказал Мираш, ползая на коленях за королевой и припадая губами к ее ногам.— Зеркало, говорят, показывает настоящую правду. Ни один человек не осмелился посмотреть в него. Но для тебя, моя гос-

пожа, я готов вынуть это бесценное сокровище и затем...

— Предоставь это мне,— сказала Зораяс хмуясь.— Неужели люди настолько трусливы? Демоны умны, но смелым людям нечего их бояться. Я возьму бриллиант вместе с футляром и зеркалом. Раз уж ни один человек не решается взглянуть в зеркало, это сделаю я. Прекрати тут ползать, вставай и принеси мне все свои сокровища, пока окончательно не лишился сил.

Мираш повиновался. Он согнулся в три погибели, неся зеркало, и с трудом поставил футляр рядом с королевой, после чего снова попытался поцеловать ее. Но она сжала губы и оттолкнула его.

— Ты всего лишь жалкий пес. И не претендуй на большее,— сказала Зораяс.

— Госпожа, не урони зеркало, оно может поранить тебя. Пожалей меня, я изнемогаю от желания быть с тобой! — крикнул Мираш.

— Ты не достоин жалости, потому что ты дурак,— ответила она.

Она щелкнула пальцами. Раздался шум приближающейся колесницы, и та, запряженная черными лебедями с головами змей, унесла Зораяс и ее добычу прочь.

Мираш остался один. Немного помедлив, он подошел к пруду. Маленькая воробыиха, обученная с помощью магии произносить некоторые слова, распустила крылья, когда Мираш склонился над водой, чтобы промыть глаза. Повязка должна была сбить с толку Зораяс. Перед тем как войти в опочивальню, он нанес под веки осо-

бую мазь, исказившую его зрение. Все предметы этой ночью казались ему бесформенными, то удлиняющимися, то раздувающимися, словно он смотрел сквозь магический кристалл. Кривилось даже удивительное лицо Зораяс. Хотя ее прикосновения зажгли в нем огонь, а ее тело доставило наслаждение, магия ее красоты оказалась бессильной, словно стрела, пущенная неумелым лучником...

Мираш был уверен, что сегодня ночью ее лицо полностью отражало ее внутренний мир. Если бы его брат Журим видел ее так, как он, Мираш!

* * *

Зораяс вынула бриллиант и повесила его на шею. Не мешкая, она принялась за изучение его силы. Так заинтересовало ее спрятанное в окаймлявшем бриллиант футляре зеркало.

Королева хорошо подготовилась. Она была гордой и очень умной. Зораяс уже чувствовала, как внутри овального голубого металлического футляра бушует энергия, пытаясь выйти наружу и поразить того, кто окажется на ее пути. Окончательная Истина. Кто же не мечтал узнать ее? С ее помощью Зораяс могла стать еще более могущественной. Королева, самая прекрасная и самая умная, возлюбленная князя демонов, познавшая Окончательную Истину. Утратив уверенность в себе в раннем детстве, она постоянно нуждалась в подтверждении своей значимости. В потайных уголках ее сознания все еще звучал слабый голосочек, призывающий стре-

миться к еще большей славе, чтобы залечить все ее раны. Она должна подчинить себе то, на что другие даже не осмеливаются взглянуть, выпить моря и вытоптать горы. Она никогда не успокоится до самой смерти и всегда будет смеяться над своими победами.

Зораяс вошла в медную башню. Она произнесла заклинания, развесила талисманы и начертила оккультные символы, пытаясь оградить себя от возможной опасности, таящейся в зеркале. Королева сожгла ароматические травы, смочила пол вином и кровью и начертила на полу знаки силы. Затем омыла свое тело, натерлась маслами и произнесла заклинания. Прекрасная волшебница стояла теперь обнаженной посреди комнаты, ее длинные волосы, свободные от украшений, струились по плечам, напоминая куст огненного шиповника.

Королева смазала маслом петли голубого металлического футляра и тонким лезвием ножа открыла замочки.

Зораяс отступила назад. Зеркало размером в человеческий рост, содержащее Окончательную Истину, наконец открылось.

Не мигая, королева высокомерно смотрела в холодное сияние зеркала.

И видела...

...свое отражение.

Губы Зораяс побелели, она сжала кулаки и зарычала.

Ее обманули.

Но тут она вздрогнула. Что-то же изменилось. Она смотрела на идеальную красоту

своего собственного тела, отраженного в зеркале. Как прекрасна она была! Зораяс никогда не видела своего отражения полностью. И вот в серебряном изумительно отполированном зеркале отражалась женщина, достойная восхищения. Зораяс вспомнила кристально чистый пруд в котором она, увидела свое прелестное лицо после встречи с Азрарном. Но ни одно из ее отражений не могло сравниться с тем, что было сейчас перед ее глазами, ни разу еще королева не видела себя целиком. Зораяс любовалась собой, окруженной музыкой, одетой в мираж из пламени и льда, металла и шелка.

Зораяс засмеялась и подошла ближе, забыв обо всем. Невероятно чистое зеркало отражало ее облик с идеальной точностью. Ее собственные глаза смеялись ей в ответ, словно черные цветы, тянувшиеся навстречу восходу солнца, улыбающиеся губы раскрывались, словно роза. Ее тело походило на орхидею со стройным двойным стеблем, казалось заревом, вспыхнувшим вокруг горящей свечи. Красавица не могла оторвать глаз от округлых контуров своего тела, примостиившейся в паху лисы и белых невинных грудей с двумя искушенными башенками.

Вот он какой, дар Азрарна Прекрасного, этот праздник красоты. Зораяс, казалось, падала навстречу раскрытым объятиям своего отражения, которое безмолвно наклонялось и встречало ее. Ее ладони соприкоснулись с ладонями в зеркале, ее живот прильнул к своему отражению, их груди встретились. Красавица прижала губы к стеклу и в какой-то момент почувствовала теплое

вибрирующее прикосновение кожи к своему телу, губы, которые голодно предлагали ей себя.

Вскрикнув, Зораяс отпрянула.

Окончательная Истина? Возможно, ее-то она и открыла. Да, королева любила себя, а не кого-нибудь другого. Зораяс заметила также, что в зеркале не отражалось ничего, кроме ее образа, ничего из того, что находилось вокруг нее: ни луча, ни тени, ни подвесок на стенах, ни символов на полу, ни дымных колец астрологических знаков на стенах. Только Зораяс отражалась в зеркале. Только она.

Королева толкнула футляр из голубого металла, и он с шумом захлопнулся. Она подобравла свою мантию и выбежала из башни.

* * *

Три дня и две ночи Зораяс не возвращалась туда, занимаясь привычными делами. Ездила верхом в сопровождении гончих собак и охотилась не столько на животных, сколько на тех своих подданных, кто осмеливался ей перечить. Королева гуляла по садам и комнатам дворца, приспособленным для всяческих увеселений, любовалась украшенными драгоценными камнями книгами и браслетами. Однажды она созвала ученых и астрологов Зояда, чтобы побеседовать с ними. Музыканты, не переставая, играли ее любимые мелодии. Зораяс спала с теми, кто ей нравился, а тех, кто не мог ей угодить, убивала.

Она стала жестокой и расточительной. Трудности многому научили ее. В ее жизни не осталось места сомнениям.

Зораяс купила восемьдесят фламинго для дворцовых прудов. Она устроила пир, на котором каждая смена блюд имела свой цвет: красное запеченное мясо крабов, розовая рыба и красное вино в рубиновых бокалах; белое мясо с миндалем и белое вино в фарфоровых чашах; зеленые торты из дудника, виноград, огурцы и зеленый шербет в изумрудных бокалах. А одно блюдо предназначалось специально для врагов королевы — голубые ядовитые вафли и неразведенное индиго в сосудах, усыпанных сапфирами, ограненными в форме черепов.

Но пока королева творила свои злые и странные дела, она ни на мгновение не забывала про запертое в башне зеркало. Она знала все и обо всем, словно птица, облетевшая весь мир, будто змея, заползшая во все щели. И за все это время она так и не увидела красоты, подобной той, на которую любовалась в зеркале.

На третью ночь королева приказала музыкантам играть. Мелодия напомнила ей о грациозно извивающемся в танце женском теле. Белые павлины ходили по саду, и их белизна напоминала ей белизну ее тела. Зораяс хлопнула в ладоши. Внесли ее коллекцию зверей. Она подошла к огромным позолоченным клеткам. На нее смотрели зелено-бронзовые глаза леопардов, золотисто-бронзовые глаза тигров-людоедов. И во всех этих глазах она видела свое отражение.

У нее возникло нестерпимое желание посмотреться еще раз в то высокое зеркало. Возможно, ее воображение наделило его качествами, которыми оно в действительности не обладало.

Так, скорее всего, и случилось. И теперь если она зайдет в медную башню, откроет футляр из голубого металла, то увидит просто большое блестящее зеркало, показывающее ей ее собственную исключительную красоту, но не более.

Луна зашла. Зораяс в темноте взобралась по лестнице башни и вошла в заколдованную комнату. Футляр, в котором находилось зеркало, испускал голубое сияние. Зораяс пересекла комнату, подошла к нему, открыла замочки и отступила.

Ей не нужно было фонаря. Зеркало мерцало, и оттуда на нее смотрела удивительная женщина.

Зораяс не смогла удержаться от улыбки. Отражение в зеркале улыбнулось в ответ.

Зораяс затаила дыхание, и отражение тоже.

Что-то непреодолимо влекло Зораяс к зеркалу, и она сделала три шага. Отражение тоже шагнуло навстречу Зораяс. Они смотрели друг на друга, приоткрыв рты и широко раскрыв глаза. Внезапно руки отражения опустились и расстегнули застежки золотой одежды. Две белые луны показались из-под золотого шелка. Отражение прошептало:

— Подойди ближе, любовь моя. Подойди ближе.

Зораяс уставилась на отражение, на свои собственные руки, застывшие в воздухе, на свою собственную грудь, скрытую шелком. Отражение делало то, чего не делала она. Более того, оно разговаривало.

— Кто ты? — вскрикнула Зораяс.

— Ты сама. Приходи ко мне, моя возлюбленная. Я томлюсь и изнываю без тебя, любимая из любимых,— прошептало отражение.

Зораяс дрожала. Ее глаза наполнились слезами, стало трудно дышать. Не помня себя, протянув вперед руку, она приблизилась к зеркалу. Еще несколько шагов — и она очутилась бы в тех долинах и холмах, которые знала лучше, чем покоренные земли, чем любого своего любовника. Но она так и не коснулась протянутых навстречу ей рук.

Зораяс выбежала из комнаты и закрыла за собой дверь. Она плакала. Больше от одиночества, нежели от того, что страх, который сковал ее, теперь остался позади.

Королева швырнула ключ от дверей башни в глубокий колодец.

* * *

Мираш изготовил это зеркало специально для Зораяс. Оно испытalo на себе магию ледяного пламени и обжигающих слов. Мираш стал волшебником, обучившись по старинным книгам и всецело посвятив себя благородной мести. Он считал, что мир необходимо освободить от злых чар прекрасной королевы. Журим мертв, но он не будет последним, кого поглотит Зораяс, если останется в живых. Юноша долго размышлял над историей, которую поведал ему старик с фонарем. Возможно, он был призраком, посланный духом его отца, чтобы предупредить и дать совет, или просто мудрецом, опытным и знающим жизнь человеком.

Во всяком случае Мирашу не случайно рассказали именно эту легенду. Смысл ее состоял в том, что красивая женщина, презиравшая тех, кто ее боготворил, соблазнилась собственным телом, что и погубило ее.

Как змея нашла образ, который точно копировал ее саму, так и Зораяс должна была увидеть свое отражение в зеркале. Но волшебное зеркало было живым. Оно постепенно отнимало жизнь у того, кто смотрелся в него. Зеркало жило собственной жизнью и умело тосковать и умолять, вынуждая человека расстаться с жизнью.

Мираш предвидел, что Зораяс посетит его, и смог перехитрить ее. Но теперь он боялся, что не сможет прочитать ее мысли. Юноша не знал, сколько ему придется ждать. У Зораяс была сильная воля и достаточно могущества, чтобы сопротивляться чарам зеркала.

А ведь Зораяс могла и отомстить подарившему ей это магическое зеркало...

Но Зораяс забыла Мираша. Она забыла обо всем, кроме зеркала.

Королева превратилась в марионетку, хотя она и покорила еще пять стран, выступая во главе армии. Она приказывала возводить башни, дворцы и статуи. Однако красавица отвернулась от любовников-мужчин и теперь спала лишь с животными. За этот год вот уже третий лев был ее любовником. Его гриву украшали драгоценные камни, но в его глазах она неизменно видела свое отражение.

Однажды ночью Зораяс захотелось, чтобы к ней пришел Азарн. Она закурила редкие тра-

вы и произнесла особые слова. На этот раз она не решилась прямо вызвать его. Возможно, князь демонов и пришел бы. Но либо он сомневался в искренности Зораяс, либо просто чем-то увлекся. Лишь на несколько дней или месяцев по меркам Нижнего Мира — но на земле за это время прошел не один век.

Время изнашивало Зораяс. Хотя ее лицо и тело оставались по-прежнему юными, она чувствовала себя пожилой, уставшей от жизни женщиной. Ее могущество не знало границ, но она уже и так достигла всего, о чем мечтала. Ни один враг не мог противостоять ей, ни один любовник не посмел бы отвергнуть ее, ни одно королевство не могло разбить ее армии. Вечный успех сопутствовал ей. Отныне тихий голос сомнений больше не призывал к победам, чтобы успокоить боль, он лишь шептал: «Что стоят все эти труды, если они не могут утешить меня?»

Она разлюбила жизнь. По существу, королева могла бы удовольствоваться малым, ведь борьба и горе закалили ее дух. Но могущество пресытило ее.

Вспыхнувшее было желание развлечься утонуло в колдовском сумасшествии разгульного банкета, которое закончилось тем, что ночное небо позеленело, голубые холмы покраснели, у людей же отросли обезьяньи хвосты. В путь вышла странная сухопутная экспедиция на судне с колесами, и по морю отправилась такая же экспедиция в большой колеснице под парусами, которую тащили дельфины. Наконец скучка окончательно овладела Зораяс.

Королева словно умерла. Семь дней лежала она на кровати. Но память вдруг оживила ее.

Зораяс послала трех великанов-слуг к медной башне и приказала взломать дверь.

На это не потребовалось много времени. Зораяс всегда знала, что взломать дверь будет пара пустяков. Выброшенный ключ ничего не изменил.

Когда дверь раскрылась, Зораяс отослала слуг и вошла в комнату.

Зеркало открылось. Зораяс больше не сомневалась. Отражение неподвижно стояло обнаженным, завернувшись в темно-красные волосы. Глаза его были закрыты. Оно не подало никакого знака, не сделало ни одного движения. Отражение казалось удивительной иконой,казалось, что оно умерло.

— Я здесь. Мне нужна только ты, я хочу только тебя,— сказала Зораяс.

Королева расстегнула свою мантию и осталась обнаженной, как и женщина в зеркале.

Глаза отражения медленно раскрылись. И магическое лицо засияло. Отражение подняло руки, руки Зораяс.

— Тогда иди ко мне.

На этот раз Зораяс не отпрянула назад. Она твердым шагом направилась к зеркалу, пока ее грудь не встретилась с грудью отражения, руки с руками, ладони с ладонями. На какое-то мгновение она почувствовала холодное прикосновение стекла, а затем оно будто бы потеплело и растаяло. Горячие ищущие руки обняли ее, прижимая к страстью трепещущей фигуре. Зораяс

протянула руки и жадно обхватила гладкое стройное тело. Губы слились с губами, бедра с бедрами. Зораяс отказалась от себя ради постижения Окончательной Истины несравненного экстаза, который растворил ее в своем огне...

Рабы в саду увидели необычное сияние. Розовое солнце зажглось внутри верхней комнаты медной башни. Оно увеличивалось и становилось ярче, пока не ослепило всех, кто его видел. Потом раздался взрыв.

Грохот утих, ужасный свет поблек. Те, кто подошел затем к тому месту, где прежде была медная башня, нашли только кусочек обожженного металла. Больше ничего не осталось. Ни футляра, ни бриллианта, ни даже кусочков стекла, кости или женских волос.

* * *

Мираш подошел к дворцу, где еще недавно правила таинственно исчезнувшая королева Зояда. Некоторые говорили, что ее унесли дрины, другие утверждали, что она устала приносить людям Зло и стала странствующей монахиней.

В городе и во дворце начались ссоры. Короли многих стран собрались выступить в поход, чтобы ослабить гнет Зояда. Начались волнения, поскольку однажды ночью король, присвоивший себе один из больших бриллиантов, которые Зораяс получила от Журима, был найден мертвым со следами ужасных побоев на теле.

Пока министры ссорились у подножия высокого трона, где еще совсем недавно толпились, затаив дыхание в страхе перед своей королевой,

темный суровый человек вошел в зал. Как он прошел мимо охраны, никто не знал, но, видимо, это было нетрудно сделать, так как дисциплина ослабла и большая часть стражников разбежалась.

— Меня зовут Мираш,— заявил незнакомец.— Я слышал, что кто-то уже умер от проклятия бриллиантов. Это будет не последняя смерть, если вы не послушаетесь меня.

И Мираш напомнил им о проклятии, которое несли бриллианты, рассказав о том, что лишь получившие эти бриллианты честным путем могут безопасно ими владеть.

— Мой брат подарил бриллианты Зораяс, но она пропала. Если те из вас, кому они не были подарены, попытаются присвоить их, то все они погибнут.

Конечно же, нашелся тот, кто засмеялся, сказал, что не верит в проклятие, взял бриллиантовое ожерелье и надел себе на шею. Мираш только пожал плечами. Вскоре человека этого нашли мертвым, с посиневшим лицом.

После этого случая камни стали возвращаться их законному владельцу. Бриллианты рекой полились в бочонки и сундуки, которые Мираш привез с собой. Все драгоценности были погружены на колесницы, запряженные мулами, и под охраной всадников отправлены ко дворцу Мираша.

Сам же Мираш, вернув фамильные драгоценности, сел на новую лошадь, которую настоятель-но рекомендовал ему дворецкий Зораяс, и, мрачно улыбаясь, направился в сторону пустыни.

Часть пятая

Глава первая

изунех была так прекрасна и нежна, что ее называли Медово-Сладкой. У нее были длинные зеленовато-желтые волосы цвета примулы. Вместе со своим отцом — бедным ученым — она жила в городе у моря. Медово-Сладкая Бизунех собиралась выйти замуж за прекрасного юношу — сына дру-

гого бедного ученого. Пока отцы тихо шептались в библиотеке над древними фолиантами, их дети бродили в тенистом саду среди роз под блестящими листьями древних фиговых деревьев, где впервые соприкоснулись их руки, губы и юные тела, а теперь звучали в унисон их сердца и мысли. Они поклялись друг другу в верности и обменялись кольцами. Поскольку для свадьбы нужно было много денег, хитрые ученые задумали использовать свои познания. Один из них сочинил траурную оду на смерть короля, вызвавшую слезы слушателей и принесшую изрядное количество серебра; а второй перевел стихи древнего поэта и посвятил их князю, жившему в белом дворце, который отплатил ему за это золотом. Жены обоих ученых уже давно умерли. И теперь они с нежностью смотрели на своих детей, радуясь тому, что их пахнущие пылью и книгами дома наконец-то посетили юность и молодая страсть.

До свадьбы оставался один месяц.

Прекрасная Бизунех и две ее подружки сидели в сумерках в саду под старым фиговым деревом. Над их головами разгорались яркие звезды, а далеко внизу шумело море, ребристые волны которого напоминали спины крокодилов.

— Я знаю заклинание, с помощью которого мы можем узнать, сколько у тебя будет детей,— сказала одна из девушек.

Но ее подружка испугалась, поскольку не любила колдовства.

— Не бойся, это очень просто. Нужно произнести всего несколько слов, взять локон Бизунех и бросить один камешек.

Звучало малоубедительно, но Бизунех заинтересовалась гаданием. Ей хотелось иметь трех высоких сыновей и трех стройных дочерей. Не больше и не меньше.

Итак, под покровом листвы фиаловых деревьев девушки начали гадать. Это нехитрое гадание тем не менее имело запах, который привлекал демонов.

Случилось так, что неподалеку находился демон-эшва. Он бродил по ночной земле, а теперь отыхал на берегу у темных морских волн. Он почувствовал волшебство, словно аромат хорошо знакомого цветка. Эшвы считались самыми непостоянными из всех существ Нижнего Мира, они были мечтательными и стремились к романтическим приключениям. Этот эшва не был исключением.

Приняв облик мужчины, он перенесся на прибрежную дорогу. Ночная тьма сгущалась. Эшва добрался до стены сада и заглянул внутрь сквозь трещину, которую едва ли обнаружила бы даже птица.

Он увидел трех хорошеных девушек, одна из которых выделялась своей красотой.

Камешек подпрыгнул и покатился по мощеной дорожке.

— Почему-то получилось, что у нее совсем не будет детей,— удивилась первая девушка.— Хотя подождите. Да. Один ребенок. Дочь!

— Только одна,— застонала другая подружка.— А не значит ли это, что Бизунех скоро умрет? Или вдруг умрет ее муж?

Первая девушка сердито шлепнула ее:

— Замолчи ты, дурочка! Это значит только одно, что гадание не удалось. Что за разговоры о смерти?

Но Бизунех серьезно покачала головой:

— Я не боюсь. Это всего лишь глупая игра. Три дня назад я была у одной мудрой женщины, которая живет на улице Шелковых Ткачей. Она сказала, что ни я, ни мой муж не умрем до глубокой старости, если только солнце не зайдет на востоке. А это значит, что ничего не случится. Солнце не может зайти на востоке!

Подружки засмеялись, поцеловали Бизунех и прикололи к ее волосам белые цветы. За стенной раздался беззвучный смех. Но там уже никого не было, только гладкий черный кот пробежал по дороге, сверкая серебряными глазами.

* * *

Эшва вошел в комнату из черного нефрита, распростерся на полу перед Владыкой Ночи и поцеловал его ноги. Поцелуй вспыхнул фиолетовым пламенем.

Эшва поднял светящиеся глаза. Азарн прошел в них мечтательную прогулку по земле, увидел мир людей и образ девственницы. Ее кожа напомнила ему белоснежную дольку яблока, ее волосы — фонтан из примул.

Азарн приласкал эшву. Много месяцев, а может быть, и целый век Владыка Ночи не был на земле.

— Какая она?

Эшва вздохнул от прикосновения пальцев Азарна. И, услышав этот вздох, князь демонов

узнал, что девушка подобна белой бабочке в сумерках илиочной цветущей лилии; подобна музыке, родившейся от отражения лебедя, плывущего по лунной озерной дорожке.

— Я хочу ее видеть,— решил Азрарн.

Эшва улыбнулся и закрыл глаза.

Азрарн прошел через трое ворот: черного огня, голубой стали и холодного агата. Превратившись в орла, он пересек ночное небо, где пурпурное зарево освещало то место, где закатилось солнце. Он полетел к городу у моря, к маленькому саду. Черный орел опустился на крышу и зорко осмотрелся.

Старый ученый пил вино под фиговым деревом. Он позвал свою дочь. Появилась девушка. Ученый погладил руку дочери и показал запись, которую сделал в толстой старой книге на странице, заложенной бумажным цветком. Свет из окна падал на прекрасные лимонно-зеленые волосы девушки. Орел, не шевелясь, наблюдал.

— Посмотри, здесь имя твоей матери и мое,— сказал ученый.— А вот здесь теперь записано твое имя и имя твоего жениха. После вашей свадьбы он станет мне сыном.

Крылья орла шевельнулись. Но было тихо, только шелестела на легком ветру листва фигового дерева.

Старик и девушка вошли в дом. В окне под крышей зажглась и погасла лампа. Девушка разделилась и, прикрывшись лишь волосами, легла на узкую кровать и заснула.

Во сне ее окутал удивительный аромат. Ей казалось, что она слышит где-то вдалеке стук

открывающихся ставен и шум, подобный шелесту листьев. Послышалось пение. Бизунех приснулась, подкралась к окну и выглянула наружу.

Под окном стоял мужчина. Незнакомец казался девушке тенью, и лишь его глаза светились, излучая какой-то таинственный свет.

— Спустись вниз, Бизунех,— позвал он мягко.

Девушка никогда раньше не слышала такого красивого голоса. Она выглянула из окна, а потом повернулась, чтобы подойти к двери и спуститься вниз по лестнице в сад, но холодная капля внутри сознания отрезвила ее: «Остерегайся».

— Иди сюда, Бизунех,— вновь позвал незнакомец.— Я уже очень давно люблю тебя и проехал много миль, разыскивая тебя. Подари мне хотя бы один взгляд, хотя бы один целомудренный поцелуй твоих девственных губ.

Тело Бизунех отозвалось на этот голос, как ответила бы арфа, если бы ее взял в руки музыкант. Непреодолимая сила толкала ее к двери или к окну, призывая броситься в объятия к незнакомцу. Но она поступила иначе.

— Должно быть, ты злой дух, раз зовешь меня так,— ответила она.

Бизунех со стуком захлопнула ставни и закрыла их на задвижку, открыла маленькую шкатулку, вынула оттуда коралловое ожерелье, которое подарил ей ее возлюбленный, и начала с ним разговаривать. Красавица успокаивала и целовала его. Это был ее талисман против любого Зла, которым могла запугать ее ночь. Вскоре она почувствовала, что напряжение, витавшее в воздухе, пропало. Ею овладела дремота.

Бизунех заснула с коралловым ожерельем в руках, а утром подумала, что ей просто приснился страшный сон.

* * *

Аззарна забавляло сопротивление этой девушки. В первый раз он позволил смертной так вести себя с ним. Более того, его восхитили чувства девушки, сила воли и даже то, что так в него и не поверила.

Князь демонов вернулся следующей ночью. В саду шумел праздник и веселились гости. Когда они ушли, девушка осталась одна. Она стояла, глядя в сторону моря, а на ее шею было надето коралловое ожерелье.

Бизунех, размышая, вдыхала запах лиловых роз. И тут она заметила женщину, стоящую на дороге у берега. Незнакомка, казалось, возникла из ничего, но, находясь вдалеке, казалась более живой, чем кто-либо еще. Бизунех не могла отвести глаз от странной женщины. Ее величественный вид впечатлял девушку. У незнакомки были синевато-черные волосы и блестящие глаза, но в ней не было ни скромности, ни робости, ни сдержанности. Она направилась прямо к стене сада и, глядя на Бизунех странным гипнотизирующим взглядом, сказала:

— Позволь мне предсказать твою судьбу, юная невеста.

Голос у женщины был глубокий и мелодичный. Она перегнулась через стену и взяла руку Бизунех. От этого прикосновения сердце девушки бешено забилось.

— Я слышала, что ты боишься мужчин. Это нехорошо, ведь тебе предстоит скоро выйти замуж,— сказала женщина.

— Я не боюсь мужчин,— неуверенно ответила девушка.

— Одного ты испугалась. Это было прошлой ночью,— напомнила незнакомка.

Девушка, вспомнив ночное происшествие, побледнела.

— Это был сон.

— В самом деле? Скажи, почему ты все-таки испугалась его? Он ведь не хотел тебя обидеть.

Девушка задрожала. Темная женщина еще больше перегнулась через стену и легонько поцеловала ее.

Никто еще так не целовал Бизунех. Поцелуй ее возлюбленного уголяли лишь голод юности, но не волновали ее так, как это легкое прикосновение губ. Все же этот поцелуй заставил ее вновь почувствовать тревогу предыдущей ночи. Чувства говорили ей одно, здравый смысл — другое. Она вырвалась из рук женщины и освободилась от ее губ.

— Кто ты? — спросила девушка. Ей казалось, что где-то в глубине души она и сама знает ответ на этот вопрос, но не решалась себе в этом признаться.

— Предсказательница,— ответила женщина. Ее лицо изменилось, став отрешенным и жестоким.— Ты упряма, а упрямство злит богов. Все же тебе уже пообещали приятную долгую жизнь, ведь правда? Если только солнце не зайдет на востоке.

Женщина повернулась и пошла прочь. Сильный порыв ветра с моря всколыхнул ее плащ, и внезапно она исчезла.

Девушка побежала в дом. Она вынула из шкатулки амулет, который один святой человек когда-то подарил ее матери. Бизунех повесила его на шею и помолилась, чтобы избавиться от посещений демонов.

Так Бизунех вновь встретилась с Азрарном. Он мог принимать любой облик, оставаясь самим собой. Девушка отказалась ему уже дважды, отказалась обоим его обличьям. Смертные не отказывают Азрарну. Его голос, глаза и прикосновения очаровывают людей, щекочут их нервы, кружат им голову, изменяют их желания. Сопротивление Бизунех больше не забавляло его. Ее невинность теперь раздражала его и дразнила. С этим надо было покончить. Ее красота стала чашей, которую непременно надо осушить.

Но князь демонов пошел еще на одну, последнюю, хитрость. Бизунех понравилась ему. Он наблюдал за ней во время обручения. Теперь же Азрарн, выждав час после наступления ночи, превратился в ее жениха, облачился в нечто, слегка напоминавшее плащ, и постучался в ставни ее окна.

Девушка испуганно подкралась к окну и шепотом спросила, кто это. Услышав в ответ знакомый голос, она открыла ставни, и юноша выхватил ее из окна. Его сила обрадовала ее, и Бизунех сильнее затрепетала от любви.

— У меня нет больше сил сдерживать себя, неужели ты собираешься мучить меня, пока мы не поженимся? — спросил он.

— Нет, если ты так хочешь, я не буду настасивать.

В каморке было темно, поскольку не горел огонь. Девушка вроде узнавала, а вроде и не узнавала его руки, тело, губы. Все казалось новым, вновь обретенным. К тому же Бизунех сильно обеспокоило, что юноша привел ее сюда с какой-то холодной стремительностью, словно все было спланировано заранее. Она почувствовала обман.

Луна поднималась над морем. Постепенно она посеребрила лепестки роз в саду, ствол фиго-вого дерева, черепицу дома, заглянула в открытое окно. Бизунех уже начинала тонуть в водах желания, но внезапно, когда ее любимый попытался положить ее на постель, она увидела странный блеск его глаз...

Это невозможно! На нее смотрели любящие глаза, но за ними, а может, внутри них, будто черная акулья шкура в водах невинного моря, притаился кто-то другой.

Бизунех вскочила с постели и сжала бесполезный амулет. Во мраке ее любимый зашевелился и произнес изменившимся голосом:

— Ты уже третий раз отказываешь мне. Ты понимаешь, кому ты отказалась?

— Демону.

Луна наполнила каморку белым сиянием. Бизунех увидела Азарна, стоящего около нее. Девушка отвернулась, стараясь не замечать его красоты и каменного взгляда. Теперь она потеряла для него свою ценность. Князь демонов устал от нее. Ему оставалось только уничтожить

ее, как это обычно делают демоны, выбросить, словно отбросы после пира.

— Медово-Сладкая, тебе предстоят горькие дни,— сказал Азарн.

Она не видела, куда он ушел, но он ушел. Бизунех упала и потеряла сознание.

* * *

Девушка стала бледной и молчаливой. Она так никому и не рассказала о предсказании князя демонов. Бизунех часто молилась в храме. Но время шло, не неся с собой ни насилия, ни угрозы. Девушка снова пришла к выводу, что все это ей приснилось. Невесты часто бывают объектом подобных фантазий, как ей говорили, в последние дни перед свадьбой. Бизунех вспоминала пророчество умной женщины, обещавшей ей счастливую жизнь до глубокой старости, если только солнце не зайдет на востоке, что невероятно.

Наступил день свадьбы. Яркие факелы свадебного кортежа озарили вечерние сумерки. Молодоженов, с ног до головы осыпав цветами, ввели в дом отца жениха, где для них была подготовлена свадебная комната.

Новобрачных ждало множество подарков: две серебряные вазы, дюжина чашек из прекрасного фарфора, громадный резной сундук из кедрового дерева, сладкое белое вино из стальных подвалов, слиновое дерево в горшке, которое на будущий год должно было принести плоды, зеркало из полированной бронзы. Был и еще один подарок. Никто не знал, как он появился. Неиз-

вестно, кто мог прислать такой необычайно красивый и очень дорогой подарок. Утром отец жениха на крыльце своего дома обнаружил огромный gobelin с изображением вечернего леса и водопада. Картина, вытканная великолепно окрашенными в сотни различных оттенков нитями, казалась живой. Отец, желая сделать сюрприз своему сыну и невестке, восхищенный вечерним пейзажем, повесил его в комнате для новобрачных. Украшенная gobelinом восточная стена выглядела удивительно.

После праздника невеста вошла в комнату и сразу же за ней туда проскользнул жених. Вслед им доносились пожелания счастья и шутки с определенным смыслом. Влюбленные закрыли дверь, прячась от вежливых взглядов. Им передали вазу пурпурного винограда и кувшин вина, расшитые подушки и удивительные мерцающие драпировки для стен... Лампа тускло освещала комнату. Молодые едва ли сообразили поблагодарить услужливых гостей, поскольку не могли оторвать глаз друг от друга.

Страсть, охватившая их, заставила позабыть про все остальное.

Полночь наступила и прошла. Большинство гостей разошлись. Улицы города затихли в последние часы перед рассветом. Временами вдоль домов кралась кошка или пробегала собака, пробирался вор или проходили девушки с увядшими гиацинтами в волосах, продававшие свои тела за несколько монет на банкете у какого-нибудь князя, а теперь возвращавшиеся к своим лачугам, держась за руки. Но промелькнула на ули-

цах города и еще чья-то, едва различимая тень. Прячась за деревьями в саду, тень взобралась по ползучему растению до верхнего этажа дома. Окно в комнату молодоженов было приоткрыто. Странная ночная фигура замерла, заглядывая внутрь. Она напоминала маленького карлика. И в руках этот карлик что-то нес.

Это был дрин, посланец Азрарна. Дрины всегда выполняют ту черную работу, которая эшвам кажется слишком грубой и неприятной. В руках дрин держал лоскуток драпировки, напоминавший безжизненную шкуру какого-то животного, кое-как собранную вместе, ощетинившуюся, с тусклыми поблескивающей чешуей и спутанной бахромой волос. Будто кто-то волшебными стежками и колдовскими заклепками соединил вместе передние ноги борова, хвост гигантской ящерицы, чешуйчатый и вонючий, и голову волка.

Карлик, скользя, перемахнул через подоконник в комнату молодоженов. Он усмехнулся, взглянув на спящих. Дрин подвинул молодого человека в сторону, пробежал своими вывернутыми пальцами по его стройному телу и сильным бедрам, погладил, любуясь, бледно-молочное тело девушки, окутанное прядями желтых волос. Но рассвет был близок, и дрин чувствовал его приближение, как конь чует пламя пожара. Карлик быстро накинул на тело юноши отвратительную шкуру. Это был второй подарок Азрарна. Первый же — гобелен, который ничего не подозревающий старичок еще утром повесил на восточную стену.

Отвратительная шкура, казалось, ожила, она зашевелилась, приложившись к незнакомому телу, а затем расправилась, полностью закутав юношу. Теперь блестящий хвост шевелился там, где недавно были мускулистые ноги, а грязный живот, передние ноги и толстая шея борова закрыли спокойно дышавшую грудь юноши. Красивое, круглое, спокойное лицо сменила ужасная серая волчья морда с вывалившимся языком и желтыми зубами.

Дрин ушел. Первый розовый отсвет восхода появился на восточном горизонте. Солнечные лучи залили дом и проникли в западное окно комнаты молодоженов.

Бизунех открыла глаза. Еще в полусне она заметила слабое свечение западного окна и проследила за лучом света. Вглядевшись, она заметила на восточной стене ковер, освещенный светом из окна. Ее поразил этот удивительный ковер: деревья с густой листвой и плещущийся водопад казались такими живыми, что она почти слышала их. Над ними мерцало вечернее небо, усталое солнце склонялось к горизонту. Это было именно темнеющее вечернее солнце — такой закат нельзя перепутать со свежей бледностью зари.

Постепенно ужасное всплыло в памяти Бизунех. Она не могла понять, что могло случиться, поскольку ее переполняли счастье и спокойствие, а гобелен был таким прелестным. Но затем она все вспомнила. На восточной стене заходило солнце. Как и предсказывала мудрая женщина, оно угасало именно на востоке.

Когда Бизунех привстала, ее взгляд упал на спавшего рядом с ней. Но вместо молодого человека девушка увидела чудовище.

Она закричала. На крик сбежались отцы и гости, оставшиеся в доме. Девушка продолжала кричать, все собравшиеся замерли в ужасе от отвратительного зрелица, а существо в кровати зашевелилось и, пытаясь произнести ее имя, зарычало и залаяло. Потом чудовище поднялось на две короткие толстые ноги с копытами и подтащило к себе бесполезный хвост рептилии. Тогда один из гостей ударил его по хвосту, а к нему присоединились и все остальные. Они били чудовище до тех пор, пока оно не упало замертво.

* * *

Все решили, что чудовище забралось в комнату через окно, проглотило жениха и собиралось проглотить невесту. Отсутствие крови и других следов жуткого нападения лишь усилило ужас людей. Мертвого чудовища теперь уже можно было не опасаться, на его теле в местах ударов выступил черный гной. Но людей беспокоило смутное сознание возможного возмездия со стороны чего-то неведомого, ведь чудовище, вероятно, имело демоническое происхождение. Никто в тот момент не задумался о том, что могло произойти превращение. Ведь никто не мог разглядеть в отвратительном создании черт красивого и здорового сына ученого.

Крик невесты перешел в плач, и женщины, тоже еле сдерживая слезы, увидели ее. Соседи, разбуженные криками, собрались поглязеть на

происходящее, но их попросили разойтись. Вместо того чтобы вызвать помощь из города, гости и двое отцов держали все в секрете. И виной тому был не просто страх. Они стыдились контакта с нечистой силой, смутно сознавая, что это могло оказаться наказанием за их грехи. Мертвое чудовище погрузили в крытую тележку, которую пришлось тащить до границы города двум крепким сыновьям продавца вина и трем сильным сыновьям каменщика под прикрытием темноты. Там, среди скалистых холмов в пустынном овраге, куда редко наведывались люди, ужасное создание свалили вниз и забросали горящей соломой, чтобы не сомневаться в результате. Им так и не пришло в голову, что существо могло еще быть живым. Ведь оно не двигалось и казалось мертвым, а запах, исходивший от него, воспринимался не иначе как зловоние от гниения.

Но, вероятно, это порождение колдовства не могло умереть.

Когда пятеро молодых людей торопливо возвращались домой, то по пути они услышали слабое эхо отрывистых завываний, доносившееся со стороны скал. Сыновья каменщика взглянули на сыновей торговца вином. Юноши решили, что это был просто сильный порыв ветра. И поскольку жуткие стоны не повторились, они вскоре забыли про них.

* * *

Бизунех долго болела. Все боялись, что она лишилась разума. В дом ее отца приносили цве-

ты, чтобы как-то развлечь больную, но нежная Бизунех отрывала цветам головки. Ей принесли певчую птицу в маленькой клетке, но девушка открыла дверцу. В небе птицу нагнал ястреб и убил. Бизунех лишь кивнула. Она обрезала свои прекрасные волосы и больше не плакала, но с тех пор она не произнесла ни слова. Она жила тем, что лелеяла в себе ненависть и горечь, но не осознавала этого.

Как-то лекарь шепнул на ухо ее ученому отцу:

— Ее надо как-то вывести из такого состояния. Попробуйте увезти ее куда-нибудь. У нее будет ребенок, а она совсем о нем не беспокоится.

Бизунех не надеялась, что ее ребенок выживет. Последние надежды оставили ее вместе с гибелью мужа. Она не сомневалась в своей скорой кончине. Несчастная прекрасно понимала, кто разделся с ней и почему. Она худела, а живот ее увеличивался.

Однажды ночью ненависть ее созрела. Осознав это, она поднялась. В первый раз за все это время Бизунех заговорила, и сила ее ненависти наполнила слова. Она сделала то, что обычно смертные не осмеливаются сделать, она поступила так в надежде на скорую смерть. Бизунех прокляла Азарна и, обессилев, упала на кровать, ожидая смерти.

В те дни проклятия и благословения напоминали птиц. У них были крылья, и они могли летать. И сила крыльев, а значит, и дальность полета такой птицы, зависела от силы благословения или проклятия.

Проклятие Бизунех обладало невероятной силой, потому что все в той девушке, которую назвали Медово-Сладкой, стало горьким, как желчь. В форме птицы, вобрав в себя боль и мрачные мысли Бизунех, оно полетело к центру земли, невидимое для простых смертных. У этой птицы не было ни голоса, ни глаз, что не мешало ей безошибочно находить дорогу. Проклятие Бизунех проникло в Нижний Мир через расщелины и трещины размером меньше пылинки. Странная птица пронеслась между башнями Драким Ванашты, влетела в изумрудное окно и села на плечо Азрарна, который увидел и почувствовал ее.

Азрарн улыбнулся. Вероятно, именно так улыбается зима, срывая еще живые листья с деревьев.

— Кто-то из смертных проклял меня,— проговорил Азрарн. Он взял птицу в руки, внимательно посмотрел на нее и увидел отпечатки мыслей, создавших ее, а затем разглядел лицо, за которым прятались эти мысли. Тогда Азрарн поцеловал ледяные крылья птицы.— Разве она не понимает, что ни одно проклятие не причинит мне зла, мне, отцу всех проклятий? — удивился князь демонов. Но ее глупая и упрямая ненависть понравилась ему. Он уже наказал Бизунех, но теперь у него появилась возможность проучить ее еще раз.— Маленькая птичка, тебя ввели в заблуждение, бедная маленькая птичка.

Глава вторая

B

те времена, когда земля была плоской, души вселялись в тела младенцев за несколько дней до их рождения. Плод рос в чреве матери, не имея ни мыслей, ни желаний, пока некая душа не заполнила его. И только тогда неродившееся дитя начинало жить и со временем решалось появиться на свет.

Иногда для ребенка не было подходящей души.
Тогда рождался мертвый ребенок.

Судьба подготовила для Бизунех душу девочки. Прекрасная, но бесформенная, наполовину женская и наполовину мужская душа среди множества таких же душ пребывала в абстрактном Тумане, лежавшем за пределами мира.

Душа уже было направилась навстречу жизни, но у порога, за которым начинался главный коридор, ведущий из Тумана в жизнь, стояла темная фигура. В руках странная фигура сжимала темный меч, загораживая дорогу именно этой душе, тогда как другие свободно пролетали мимо, сверкая, как метеоры.

Душа испугалась, как испугался бы ребенок, ведь она шла именно к ребенку. Бедняжка не знала, что рядом с ней стоял демон-эшва, не догадывалась, что предвещает меч, и не представляла, что ее подстерегает опасность.

Но вот меч взлетел ввысь и рассек душу на две половины. Ни одна из половинок не почувствовала боли, лишь испытала горечь неожиданной потери. Затем женская половина души, влекомая неведомыми силами, подлетела и втиснулась в теплое человеческое тело и, утонув в красной темноте, заполнила собой тельце зародыша. Ее чувство одиночества растворилось в этом ребенке, как и ее память.

Душа заснула.

Мужская часть души съежилась от страха и тут же попала в завязь черного цветка. Эшва, держа в руке свою добычу, внимательно прислушался.

Услышав женский плач, эшва ринулся туда, где несчастная мать рыдала над мертворожденным ребенком. Словно из-под земли, он возник на пустынной равнине, где паслись овцы. Там, в каменной хибаре пастуха, в постели плакала женщина, а ее муж смотрел в плетеную колыбель с безжизненным телом ребенка, родившегося несколько минут назад.

Эшва остановился в дверях и улыбнулся.

— Я похороню его,— сказал мужчина.— Он мог бы стать хорошим человеком. Успокойся, жена, ничего не поделаешь.

Эшва продолжал смеяться.

Мужчина, злобно сверкнув глазами, с беспокойством взглянул вверх:

— Кто осмелился смеяться над людским горем?

Эшва вошел в хибару. Он коснулся пальцами век сердитых глаз мужчины, и они опустились. Затем он дохнул на женщину, и та, одурманенная его легким дыханием, откинулась на подушку. Тогда эшва подошел к колыбели, открыл рот ребенка и раздавил черный цветок. Мужская половинка души выдавилась в детское тело, как сок, выжатый из фрукта.

Эшва разбросал лепестки черного цветка по ожившему детскому телу. Ребенок начал кричать и плакать.

Когда пастух и его жена изумленно открыли глаза, из хибара вылетел черный голубь.

У Бизунех родился необычайно красивый ребенок, и с каждым днем он становился все прекраснее. Это была девочка, стройная, будто

стебелек, с белой кожей и розовыми, как у матери, волосами, а ее глаза, обрамленные длинными ресницами, походили на серые озера, окруженные темными серебряными камышами.

Девочка действительно была прекрасной, но со странностями. Казалось, что она глухонемая или, по крайней мере, она не хотела ни говорить, ни слушать. Выяснилось, что ее язык, горло, уши и глаза абсолютно здоровы, хотя она часто казалась слепой — сидела, глядя в пустоту, или тихо шла, держа за руку мать, дедушек или их друзей. Не могла же она специально так поступать! Бедная девочка! Бедняжка Шезэль, дочь Бизунех. Неужели она родилась полуумной или калекой? Уж не вселился ли в нее злой дух?

— Я знаю, почему в нее вселилось Зло,— постоянно повторяла Бизунех.

Никто не разделял ее уверенности, но никто и не разубеждал ее. И уж тем более никто не собирался бранить несчастную.

Пару раз в деревню заходили путники. Они рассказывали о странных завываниях, стонах и грохоте, раздававшихся из крутого оврага или из глубокой пещеры.

— Ребенок живет, но не узнает меня,— говорила Бизунех.— Когда она немного подрастет, я уйду в монастырь. Я ей не нужна.

С годами красота Бизунех увяла. Зато ее дочь, в противоположность матери, расцветала и хорошела. Любовь дочери, возможно, могла бы исцелить рану Бизунех, но красавица Шезэль, эта несчастная полудуша, лишь бессмысленно смотрела по сторонам и бродила в безмолвии. Пят-

надцать лет Бизунех ждала чуда. И в день рождения Шезэль она поцеловала на прощание своего старого дряхлого отца, поцеловала в лоб свою красивую дочь и ушла в далекую пустыню. Там, в мрачном каменном храме, Бизунех, став монахиней, провела остаток своей жизни.

Казалось, Шезэль не придала уходу матери ни малейшего значения.

Девочка воспринимала мир словно сквозь занавес. Таким же отстраненным, не имеющим к ней никакого отношения ей показался и уход матери. У нее была только женская половина души, представляющая собой бездеятельную часть полноценной души, нерешительную и во всем сомневающуюся. Другие же души уравновешивались деятельным мужским началом, женская же половинка была способна только на инертное восприятие мира.

Оба ее деда, два мудреца, были, конечно, обеспокоены. Они понимали, что долго не проживут. И поэтому надеялись выдать Шезэль замуж за какого-нибудь юношу, который не возражал бы против ее странностей,— все же она была необычайно красива, а многие были бы рады иметь молчаливую жену.

* * *

Далеко-далеко, за горами и морями, на холме стояла каменная хибара, а рядом с ней щипали траву тощие овцы.

Жена пастуха стирала белье в узком ручье. Но не переставала поглядывать на овец и на мальчика. Считалось, что ее сын присматривает за

овцами, но она не доверяла ему. Он внезапно мог отвлечься, начать прыгать или безо всякой на то причины швырнуть в воздух камень. У него был буйный характер. Его даже можно было бы назвать дерзким. Мальчик мог не думая раздавить кулаком бабочку, а однажды убил двух здоровых овец, ударяя их головами с неимоверной силой и размозжив им головы. Но виной тому была не жестокость, а какая-то странная беспечность, внутренняя слепота.

Жена пастуха тяжело вздохнула. Вся деревня знала, что ее сын ненормальный. Сумасшедший Дрезэм — только так и называли его в деревне. С тех пор как ему исполнилось одиннадцать лет, мужчины испуганно шарахались от него, а женщины убегали прочь, стоило ему только показаться. Деревенские жители непременно убили бы его, но он был слишком силен и слишком быстр для них, его инстинкты казались остree, чем у лисы, хотя его сознание было туманно. И все же они не преминули бы убить его, как бешеную собаку, если бы представился случай. Однако сейчас, в свои пятнадцать лет, несмотря на дикий нрав, мальчик был прекрасен, словно сказочный князь.

Жена пастуха, глядя на сына, вздохнула еще раз. Пока он вел себя спокойно, но она знала — это ненадолго. Мать любила его роскошные волосы цвета серебристо-серой коры, как у некоторых деревьев, спокойные прекрасные глаза цвета горячей бронзы, сильные смуглые руки и ноги, проворные, как у леопарда. В такие минуты она не верила, что ее непредсказуемый сын

может быть опасным. Жена пастуха вздохнула в третий раз. Поговорка «Если женщина трижды вздохнула, значит, ее что-то беспокоит» в этот момент не всплыла в ее памяти.

У парня был пристальный взгляд, словно у спрятавшегося в укрытии и готовящегося к прыжку хищника. Для Дрезэма мир напоминал джунгли. Он не знал законов мира и поэтому ничего не боялся. Поранившись, он лишь слегка удивлялся. Жалость его длилась недолго. Логика мышления была ему незнакома. Мысли его постоянно прыгали, и юноша еле успевал за ними. Лишь борьба доставляла ему несказанное удовольствие. Иногда ночью, разбуженный луной, он вскакивал и принимался носиться по сухой равнине, пока не падал в изнеможении. Он научился плавать, прыгая в воду,— так обычно учатся плавать собаки. И он не научился ничему из того, что требовало времени и усилий.

В нем жила мужская половина той самой расколотой души, наделенная активностью, сильной волей, скандальностью и непреклонностью, не уравновешенная женским началом, как во всех других душах. Она и была причиной этой постоянной жажды деятельности.

Внезапно со стороны деревни послышался тревожный звук большого бараньего рога. Так трубили только тогда, когда происходило что-то чрезвычайное.

Жена пастуха взъерошенно выпрямилась, но не двинулась с места, лишь окликнула мужа. Дрезэм, однако, смутно почувствовав важность сигнала, тут же бросился в сторону деревни.

Улицы селения на самом деле преобразились. Их заполнила добрая сотня вооруженных людей в доспехах из сверкающей бронзы. Так выглядели королевские войска этой страны. Их сопровождал королевский посланец в шляпе с плюмажем, в шелке и золоте.

Посланец оглашал содержание свитка. Он говорил об опасности, верности, смерти и наградах. Он зачитал королевский указ о том, что по десять храбрых и сильных юношей из каждого города и по одному самому храброму и самому сильному юноше из каждой деревни должны отправиться в горы невдалеке от королевской столицы, чтобы принять участие в битве с драконом. Уже погибли пятьсот юношей. Но королевские маги предсказали, что в конце концов должен объявиться тот, кто убьет ужасное чудовище. Тогда предоставится возможность захватить огромные богатства. Во всяком случае — посланец не преминул указать на одетых в бронзу солдат — отказ представить требуемого юношу повлечет за собой большие неприятности.

Дрезэм большую часть речи пропустил, угроз не понял. Но он ухватил слова «битва», «дракон», «сильный». Он хотел уже было ринуться вперед, но в этот момент деревенские мужики начали с жаром его расхваливать:

— Вот кто самый смелый. Весной он убил волка, разорвав его на части голыми руками! Вы только взгляните ему в глаза! Он жаждет драться и убивать!

Дрезэм засмеялся. Капитан солдат осмотрел его прекрасные, белые зубы, его крепкое тело,

его глаза, светившиеся, как у льва. Обычно королевский отряд сталкивался с сопротивлением и всякими сложностями, но здесь все оказалось иначе. Уже через несколько минут солдаты ушли из деревни вместе с Дрезэром, который легко бежал за лошадью посланца. К тому моменту, когда пастух и его жена появились в деревне, улеглась даже пыль на дороге. Они, на свое счастье, избавились от мальчика.

Так все началось.

Гора, находившаяся в семи милях от столицы королевства, была древней, как сама земля. В ее центре бурлила расплавленная лава, а вершину покрывал снег. Однажды ночью гора проснулась от тысячелетнего сна. Землетрясение разбудило существо, жившее внутри. Дракон тоже был древним, почти таким же древним, как и гора. Он принадлежал к роду злых извращенных чудовищ, оставшихся с незапамятных времен. Сам дракон был алым, цвета крови, а пасть, язык и зубы были черными, и эти черные зубы по своей твердости не уступали окостеневшему дереву. У дракона было два коротких рога и длинный хвост. А по всей спине торчали kostяные нарости, желтоватые, отвратительные голые кости, настолько острые, что могли разрезать человека пополам. И уже не один человек пострадал от них. Дракон в длину превосходил четырех жеребцов, поставленных друг за другом.

Он появлялся на плодородном склоне холма среди рощ и кустарников. От его зловонного дыхания гибли деревья и животные. Он остав-

лял черные следы, уродовавшие землю до неузнаваемости. Дракон питался человечиной. Для поддержания жизни ему каждый день требовался мужчина, сильный высокий мужчина, сочный и молодой. Ему были нужны герои или, по крайней мере, те, кто считался таковыми.

Король не верил, что появится человек, который сможет уничтожить дракона. Мужчины, которых он посыпал на гору, были только кором, чудовищной взяткой, удерживавшей дракона вдали от города. А когда запас деревенских парней подойдет к концу, то придется тянуть жребий королевским солдатам. Поэтому они так рьяно и искали храбрецов во всех деревнях и селах, в лачугах и овчарнях.

Некоторых на гору тащили силком. Несчастные кричали и порой лишались чувств еще в городе. Но их, облачив в первые попавшиеся доспехи, выталкивали на склон. Жертвы покорно умирали, успев только вскрикнуть или выругаться. Другие отправлялись на гору, громко распевая бравурные песни, и верили лживым предсказаниям, пока зубы дракона не добирались до их внутренностей.

Теперь в городских воротах показался совсем иной герой. Юноша не пел песен, он смеялся и подпрыгивал, чтобы свалить собаку или сбить птицу в полете. Он не дивился красотам столицы, не щурил глаза в ответ на обещание наград. Дрезэм нетерпеливо отвернулся от доспехов, которые ему предложили. Юноша лишь ухмыльнулся и, кивнув на гору, вопросительно поднял брови. Его повели к горе. По дороге он пере-

прыгивал через камни и расселины и радостно кричал в предвкушении встречи с драконом. Солдаты таращили глаза, двое из них даже заплакали. Но вот раздался рык дракона, и солдаты попрятались.

Разомлев под жарким полуденным солнцем, дракон дремал, окруженный мертвыми деревьями, погибшими от его же собственного дыхания. Внезапно он заметил, что мстительная толпа ведет на гору человека — его сегодняшний обед. Дракон пока еще не успел проголодаться и не думал о пище, хотя это не делало его менее опасным.

Дракон привык к крикам ужаса или воинственным кличам. Но на этот раз он услышал простое звонкое и веселое улюлюканье, совершенно неуместное посреди окружающего их мрачного пейзажа.

Дракон зевнул, довольно рыгнул и осмотрелся.

Среди обожженных драконьим дыханием деревьев шел дикий парень. Он не полз и не вничал, у него не было ни оружия, ни доспехов. Дракон встречался с тремя типами поведения людей: одни убегали, другие падали и теряли сознание, а третья осторожно приближались, подняв меч и бормоча угрозы.

Но юноша с сероватыми пышными волосами и сверкающими глазами ничего подобного не делал. Пока дракон лениво и неуклюже пытался подняться, юноша подбежал, подпрыгнул и уселся прямо на лоб дракона, как раз между двумя короткими рогами, там, где начинался за зубренный спинной хребет. Дрезэм не рассчи-

тывал заранее свой прыжок, им двигал инстинкт, а широкий драконий лоб был единственным местом, куда можно было вспрыгнуть.

От неожиданности дракон замотал головой. Дрезэм схватился за рога чудовища, опять же инстинктивно, чтобы не упасть. И тут в юноше родилось яростное, щекочущее нервы удовольствие от собственных действий, и он начал дергать и тянуть изо всей силы то, за что он держался.

Дракон взывал. Его зловонное ядовитое дыхание вырывалось наружу, но не смогло причинить вреда Дрезэму, а одуряющий запах лишь раззадорил его и сделал совершенно безумным. Юноша в свои пятнадцать лет был необычно силен, и, кроме того, он совсем не испытывал страха и был напрочь лишен чувствительности. Он тянул отвратительные рога до тех пор, пока с треском не выломал их из черепа зверя.

Черная кровь хлынула из ужасных ран, ослепив чудовище. Дракон взревел от боли. Дрезэм еще более усугубил положение, поскольку был теперь животное по голове вырванными рогами.

Ослепленный дракон взревел, рванулся из леса, помчался, не разбирая дороги, головой вперед и врезался в крутой склон горы, сломав себе шею.

Дрезэм свалился на землю, но тут же опять вскочил, бездумно стуча рогами друг о друга и прыгая по спине поверженного зверя.

Услышав необычный шум вместо привычных криков раздираемой на части жертвы, королев-

ские солдаты робко поднялись на вершину горы, чтобы посмотреть, что же произошло.

Увидев мертвого дракона, солдаты сложили свои щиты, уложили на них тело зверя, поверх которого взгромоздился торжествующий Дрезэм, и, взвалив эти носилки на плечи, понесли в город. Они понимали, что этот удивительный сумасшедший спас их шкуры. Поэтому солдаты прославляли его как героя.

Исход битвы удивил короля. Но он нескончально обрадовался тому, что кто-то наконец убил дракона. Его солдаты уже предвидели тот день, когда дракон съест всех крестьян, а сам король боялся дня, когда и крестьяне, и солдаты, и придворные — все исчезнут в пасти дракона, и ему одному придется спасаться от голодного чудовища. Но короля не радовала перспектива выполнять свои обязательства. Он не собирался складывать горы сокровищ к ногам невежественного слабоумного деревенского парня. Однако король видел стальной блеск в глазах своих солдат и руки капитанов, скимавшие рукояти мечей. Он знал, что, когда речь шла о драконе, его верная армия могла восстать. И понял, что ему лучше уступить.

Король одарил золотом и драгоценными камнями молодого безумца. Дрезэм заворчал, попытался играть с сокровищами, затем попробовал жемчужины на зуб и со смехом стал их раскусывать. Солдаты сердито смотрели на короля. Король повел Дрезэма во внутренние помещения дворца и показал ему душистые фонтаны и павлинов. Наконец, король открыл двери из сло-

новой кости, и взору юноши предстали двадцать пять девиц, одетых в радужные газовые одежды, сквозь которые их руки, ноги и груди казались серебряными.

— Вижу, мы добились некоторого успеха,— ухмыльнулся король.

Девицы тихонько завизжали, когда Дрезэм кинулся к ним. Но все же юноша был красив, и ему можно было простить грубость и порывистость.

Дрезэм получил должность королевского Зашитника. Но это его не интересовало. Он знал только то, что за мраморными дверьми его ждали бесконечные плотские наслаждения, на столе всегда лежали горы пищи и ему постоянно предоставляли воинов для борьбы.

Короли из дальних стран то и дело посыпали своих лучших воинов против Дрезэма в надежде, что они окажутся победителями.

Шафрановый великан с севера, в два раза выше обычного человека, поднял Дрезэма над головой, но юноша вцепился в запястья гиганта, а ногами молотил по нему до тех пор, пока тот не попросил пощады.

Серый великан пришел на битву с запада, но Дрезэм носился вокруг соперника, пока тот не взвыл, после чего Дрезэм прыгнул, схватил его за горло и задушил.

Перед очередной битвой Дрезэм бежал без доспехов перед скачущими верхом солдатами и только после этого бросался на врага со счастливыми воплями и потрясал израненными руками со следами свернувшейся крови.

Иногда и он получал ранения, но не обращал внимания на свои раны, пока не падал от потери крови. Дрезэм оказался настолько живуч, что ни одно из ранений не выводило его из строя дольше чем на несколько часов.

Что же касается женщин, то теперь в его гареме их было около сотни, и дверь из слоновой кости постоянно открывалась и закрывалась в любое время суток, когда он был во дворце, а если он находился вне дома, то хорошеньких девушек отнимали от домашнего очага, чтобы немедленно удовлетворить королевского Защитника.

Солдаты уважали его.

— Не важно, что он всегда молчит. Не имеет значения, что неожиданно его охватывают приступы ярости и он разбивает кувшины с вином, переворачивает столы. Посмотрите на его отличные мускулы и ясные глаза, посмотрите на постоянно хлопающую дверь из слоновой кости. Да, он, без сомнения, Защитник!

Дрезэму исполнилось семнадцать. Он был прекрасен, как бог, и непредсказуем, как дикий зверь. Но даже в ярости он казался переполненным радостью и жизнелюбием.

Однажды в военном лагере появился менестрель. Армия короля только что одержала победу в очередной кровавой битве. Королевский Защитник развлекался в своей расшитой золотом палатке с тремя визжащими девицами.

Менестрель посадил в круг солдат и начал петь. В песне рассказывалось о девушке, живущей в далеком городе. Эта странная немая де-

вушка с серебристыми глазами и призрачными волосами цвета примулы поразила воображение менестреля. У него было богатое воображение, но на этот раз он сказал правду, назвав девушку из своей песни наполовину лишенной души. Скорее всего, ему просто пришел на ум такой поэтический образ.

Солдаты расчувствовались после битвы. Им понравилась песня. Представьте их удивление, когда полог палатки Зашитника широко откинулся, и он сам, никогда не отличавшийся любовью к музыке, вышел из палатки с отрешенным лицом, а из его глаз катились слезы.

Не проронив ни слова, он упал на колени перед менестрелем.

Такое чудо напугало бравых солдат. Воин плакал, но, похоже, сам не знал, почему плачет. Никто не осмелился спросить его об этом, не ожидая от Зашитника вразумительного ответа, поскольку тот никогда ни с кем не говорил. Воин поднял голову и, схватив маленькую арфу менестреля, вырвал из нее все струны и, беззвучно рыдая, убежал прочь в степь, окружающую лагерь.

* * *

Шезэль так и не вышла замуж. Несмотря на красоту, ее безумие отпугивало женихов. Не родилась ли она от проклятого брака? Мало кто знал обстоятельства свадебной ночи Бизунех, однако ходили слухи, что жених таинственно умер, но никто не знал отчего, ведь он был здоров и молод. А порча, какой бы она ни была,

может передаваться по наследству. Лучше оставить несчастную в покое.

Иногда Шезэль сидела у окна дома своего деда. Старик стал медлительным и постоянно чувствовал усталость. Беспокоясь о деньгах, он подсчитывал суммы, которые шли на жалованье служанке Шезэль, на покупку и починку ее одежды, на сопровождение девушки в ее нечастых прогулках по городу. Добрая служанка бдительно следила за безопасностью своей подопечной. Иногда она водила Шезэль в храм и молилась о том, чтобы несчастная излечилась от странного недуга, тогда как Шезэль в это время бессмысленно созерцала голубоватые стены храма.

Три месяца назад Шезэль исполнилось семнадцать. Женщина-служанка в очередной раз взяла ее с собой в храм. Обычно такие походы ничем не заканчивались, но на этот раз в святом месте их встретил удивительный менестрель, которого они уже встречали полгода назад. В храме менестрель молился и благодарил богов за благополучное возвращение домой, но, увидев служанку и ее подопечную, он подошел к ним.

— Если бы я был побогаче, то мне не пришлось бы ходить с места на место в поисках денег. И тогда я бы с радостью женился на этой девушке. Пускай ее сознание затуманено, но она прекраснее лотоса,— сказал менестрель.

— Перестань,— осадила его служанка, хотя и не была против такого поворота событий. Бродяжка менестрель, несмотря на свое плутовское занятие, был добрым и любезным челове-

ком. Поэтому они со служанкой присели поговорить у входа в храм, а Шезэль тем временем стояла и глядела на облака, цветущие деревья и океан.

Менестрель рассказывал о своих приключениях. Чаще всего он пел на бедных постоянных дворах и шумных базарах. Несколько раз ему пришлось петь для разбойников — в обмен на одну-две песни они отпускали менестреля, ведь у него все равно не было денег. Он побывал в диковинном городе, где богатые улицы были вымощены нефритовыми плитами, а в другом городе, у озера, обученные птицы могли имитировать любые звуки — собачий лай, блеяние овец и звон колокольчиков, — но не могли пропеть ни одной мелодии. Наконец, он рассказал, что сложил песню о печальной красоте Шезэль и исполнил ее в военном лагере короля. Служанка побранила его, но новость, несомненно, доставила ей удовольствие. А менестрель продолжал свой рассказ:

— Когда моя песня закончилась, из палатки выскочил безумный юноша, схватил мою маленькую арфу и порвал струны. Что тут поделаешь, струны пришлось перетягивать заново. Но когда я чинил арфу, оказалось, что в одной из порванных струн запутался длинный волос с головы того безумца — прекрасный волос светло-серого цвета, почти цвета струны. Как я ни пытался, я не мог отцепить этот единственный волосок. А теперь слушай.

Менестрель вынул из сумки инструмент и начал играть. Шесть струн звучали чисто и слад-

ко, но седьмая, в которой был запутан волос, стонала.

Служанка всплеснула руками:

— Ах! Выбрось ее! Арфа заколдована.

— Подожди! — прошептал менестрель. — Посмотри на девушку.

Шезэль обернулась к ним. Ее лицо изменилось. Она пристально смотрела на арфу, напряженно и серьезно. Внезапно девушка рассмеялась. На этот раз ее смех не был глупым, в нем слышалась радость. Шезэль подошла к менестрелю и взяла арфу из его рук. Музыкант и не думал сопротивляться. А девушка отвернулась и пошла прочь, словно наконец узнала дорогу домой.

Служанка встревожилась. Менестрелю же все произошедшее показалось очень любопытным. Похоже, он ждал чего-то подобного и целый месяц ежедневно приходил в храм, чтобы встретиться с Шезэль и сопровождающей ее служанкой, чтобы удостовериться в наличии той странной магии, которая чувствовалась в пении арфы.

Ночью Шезэль поставила арфу рядом со своей кроватью. Она спала на узкой кровати своей матери, несчастной Бизунех. Шезэль не касалась струн арфы, она лишь смотрела на нее, пока не заснула.

Жизнь девушки порой напоминала сон, зато ее сны иногда были ярче любой яви. Теперь Шезэль ожила во сне. Она изменилась.

Ей снилось, что она была сыном пастуха и однажды убила волка, нет, дракона. Потом она стала королевским Защитником и убивала вели-

канов. Ее звали Дрезэм. Она оказалась высоким, загорелым, красивым юношем с бронзовыми глазами. Но, будучи воином, она все же убежала в пустынную степь. И там под неумолимым дневным солнцем лежала почти бездыханно. Временами она рычала, стонала и плакала от невыносимого чувства потери, которого не понимала.

Шезэль проснулась с восходом солнца, забыв про свою печаль, с мокрыми от ночных слез щеками.

Девушка поднялась и оделась. Она улыбнулась саду, выглянув из окна. Потом Шезэль сорвала розу и положила ее на колено своего деда, спящего в кресле, а хризантему оставила на подушке спящей служанки.

Шезэль знала дорогу, как будто изучила ее по карте.

Она вышла на дорогу без каких-либо колебаний, ни секунды не раздумывая. Ею руководила женская половинка человеческой души, туманная, неясная, но очень чувствительная ко всему мистическому.

Не мешкая девушка прошла по утреннему городу и проскользнула сквозь высокие ворота в широкий мир...

* * *

Шезэль шла, слепо повинуясь инстинкту. Она не догадывалась, что ей предстоит пересечь три государства, горную гряду, много широких рек и большое озеро. Она не подозревала об опасностях, которые могли подстерегать ее, и не

думала о хлебе насущном. Она шла вперед. Ее продвижение напоминало движение металлической иголки к магниту, стремительный прилив воды к берегу, потому что у странной Шезэль никогда не было ни человеческой логики, ни осторожности. Ее звала к себе потеряянная половина души.

Девушка вышла из города, прошла по берегу моря и направилась дальше по заброшенной тропе. Наступила ночь, но Шезэль не обратила на это внимания. Когда она уставала, то ложилась и спала на голой земле, затем поднималась с зарей и шла дальше. Несколько дней она шла голодная, останавливаясь пару раз, чтобы утолить жажду из ручья. Усталость не давала о себе знать до тех пор, пока окончательно не лишила девушку сил. Идти дальше Шезэль не могла.

По этой же дороге один работоговец направлялся к ближайшему городу. Его слуги нашли лежащую у дороги красавицу. Девушка ему приглянулась, ее можно было выгодно продать на невольничьем рынке. Поэтому он накормил ее бульоном и положил на одну из повозок.

Теперь им предстояло четырехдневное путешествие, к счастью, в том же направлении, куда до этого двигалась девушка. Возможно, Шезэль чувствовала это и потому не кричала и не пыталась сбежать. Скорее всего, она догадалась, что попала в плен, но восприняла это как помощь, приближающую ее к цели.

И вот караван работоговца добрался до города. Рынок располагался неподалеку от богатых улиц, где каждый четвертый камень мосто-

вой был огромным зеленым нефритом. Работорговец усадил Шезэль на помост. Начался аукцион. Сначала цена повышалась очень быстро, но вскоре, когда покупатели заметили отсутствующий бессмысленный взгляд девушки, ажиотаж прошел. Вперед выступил молодой аристократ:

— Эта девушка безумная и к тому же немая. Такого не скроешь.

Работорговец попытался возразить, но вельможа прервал его:

— Тогда прикажи ей сказать что-нибудь.

Работорговец громко обратился к девушке, но она не отреагировала. Толпа потенциальных покупателей заворчала и начала расходиться. Тогда работорговец схватился за плетку, но молодой дворянин поймал его за руку:

— Впрочем, это не имеет значения. У меня в доме и без того слишком много болтливых женщин. Я ее покупаю.

Деньги посыпались в руки торговца, тут же были подписаны все необходимые бумаги. Юноша отвел Шезэль к своей колеснице. Когда они подъехали к его дому, он проводил красавицу внутрь, показал ей мраморную комнату, задрапированную розовым бархатом, а потом приказал слугам принести пищу и вино.

— Отныне это твоя комната. И все эти слуги твои. Я освобождаю тебя. Ты станешь моей возлюбленной, но не рабой.— С этими словами аристократ взял руку Шезэль.— Я слышал песню о девушке с такими волосами и глазами, как у тебя. Неужели у тебя и в самом деле полдущи, как пел менестрель?

Оказалось, менестрель пел свою песню о Шезэль не только в королевском военном лагере.

Озираясь по сторонам, Шезэль все отчетливее ощущала, что ей надо уходить отсюда. Когда аристократ закончил говорить, она посмотрела на него удивительно проникновенным и осмысленным взглядом. Юноша понял, что у девушки своя судьба и ее предопределение было настолько сильным, что даже он не мог ей противиться.

Когда девушка направилась в выходу, он и не подумал останавливать ее, а, напротив, проводил до дверей.

— Ты не должна задерживаться здесь,— сказал он.— Понятно, что ты не можешь отказаться от своего путешествия, но, продвигаясь в одиночку, ты снова попадешь в беду. Подожди, я дам тебе свою повозку, трех белых меринов, которые будут тащить ее, и возницу, умеющего обращаться с ними. А также хлеб и вино, чтобы ты не умерла от голода и жажды.

Так он и сделал.

Словно повинуясь какому-то волшебству, юноша переживал не из-за потерянных денег, а из-за необходимости расстаться с Шезэль. Но все же он не препятствовал ей. И даже наказал вознице защищать ее.

— В каком направлении мы поедем, госпожа? — спросил возница.

За девушку ответил молодой дворянин:

— Она смотрит в сторону гор, поезжай в том направлении. И не возвращайся, пока не убедишься, что девушка в безопасности.

Повозка быстро поехала по древней широкой дороге и пересекла горный хребет за два дня. Но за горами их поджидали разбойники.

Зазвенела тетива лука. Возница замереть свалился с облучка со стрелой в груди, один из разбойников вскочил в повозку, схватил поводья и остановил лошадей. Другой схватил Шезэль.

— Здесь отличная добыча!

Вскоре появился атаман. Он отстранил разбойников, поднял Шезэль на руки и осмотрел ее. Наконец он сказал:

— Это заколдованная девушка, о которой пел менестрель.

Он осторожно посадил ее обратно, но девушка встала и пошла прочь, не обращая внимания на повозку, мертвого возницу и онемевших разбойников. Будучи людьми суеверными, они не последовали за ней. Разбойники поклонялись богу грабежа, чей алтарь находился в одной из пещер. Одна из их заповедей гласила: «На каждые пятьдесят ограбленных или убитых путников одного отпускайте. Боги не поощряют излишества».

Шезэль подошла к широкой бурной реке. Перевозчик остановил ее уже у самой кромки воды.

— Ради всех святых, не можешь же ты идти по воде! Я перевезу тебя на другой берег, а ты за это заплатишь мне,— попытался объяснить ей он, но, посмотрев в ее глаза, спохватился: — Ой, да ты ведь та самая дева, о которой пел менестрель. Тебя я перевезу бесплатно.

Вскоре Шезэль вышла ко второй реке, на сей раз там был мост. В этих местах вдоль дороги росли фруктовые деревья и ягоды, они и поддержали силы странницы. Девушка машинально срывала их, как когда-то ее учили срывать фиги с дерева в саду ее деда.

Шезэль прошла, сама не замечая того, через пять деревень. В пятой деревне к ней подбежала женщина и сунула в руки буханку хлеба.

— Я знаю тебя, ты — дева из песни. Успеха тебе, чего бы ты ни искала, поскольку ты воистину не от мира сего.

Шезэль добралась до третьей страны, миновав горы и реки. Она шла по дороге и если бы смотрела, то увидела бы королевскую столицу, сверкавшую вдали, а в семи милях за ней снежную вершину горы, где дракон поедал людей, до того как погиб от рук Дрезэма.

Наконец Шезэль вошла в город, расположившийся на берегу большого озера. У тихой воды медленно прогуливаясь пожилая дама в сопровождении своих слуг. Женщина вела на золотом поводке зеленую птицу, которая время от времени громко кричала.

— Я вижу девушку с прекрасными волосами. Еще немного — и несчастная упадет в воду. Пусть кто-нибудь из вас сходит за ней и приведет ко мне, — проговорила пожилая дама.

Шезэль подвели к даме.

— Да, как я и думала, это та самая дева из песни менестреля. Я действительно верю, что у тебя только половина души, как говорилось в песне. Может быть, ты ищешь вторую полови-

ну? Пожалуй, я дам ей лодку, чтобы она смогла переправиться через озеро. Иди, и пусть боги хранят тебя, дитя мое. Но осторегайся опасностей, таящихся в ночи.

Так Шеэзэль пересекла озеро и добралась до пустынной степи, где в меланхоличном гневе бродил Дрэзэм.

Глава третья

рээм жил в степи уже много месяцев. Он разбивал тяжелыми камнями головы змеям и грызунам и тут же съедал их, поскольку идея разжечь костер не приходила ему в голову.

Пил он из подземных ключей, бивших в пещерах, где юноша прятался от дневной жары. От такого скучного пи-

тания Дрезэм исхудал. Его волосы посерели, потеряв былую красоту, а глаза стали большими и дикими. На сердце его лежала тяжесть, но несчастный не понимал, чем вызвана печаль, забыл, с чего все началось. Иногда ночью, под холодными звездами, юноша надрывно плакал, и даже волк не смел вторить ему.

Наступила ночь, такая же как все предыдущие, черная, как эбеновое дерево. В небе серебряными капельками блестели звезды. Луна медленно передвигалась по небосводу, но, опережая ее, по степи шел человек. За его спиной разевался черный плащ. У незнакомца были черные волосы и черные глаза.

Дрезэму все люди представлялись врагами, с которыми надо драться, а потом убивать. Поэтому, завидев незнакомца, юноша, рыча, поднялся. Но черноволосый человек обратился в дым. Этот дым приблизился, окутал юношу и усыпал в нем дикого зверя. Глаза Дрезэма закрылись. Он больше не был убийцей.

— Отныне ты будешь моим сыном, и я подарю тебе счастье. Бедный мальчик, ты слишком долго жил в степи, словно шакал,— произнес черноглазый человек, прекрасный, как сама ночь.

Дрезэм поднял голову и встретился взглядом с незнакомцем. Взор черного человека, словно огонь, проник сквозь рой беспорядочных и туманных мыслей, заслонявших восприятие юноши.

— Взгляни,— приказал Азарин, указывая на груду бесформенных глыб гранита примерно в миле от них. Дрезэм проследил взглядом за рукой князя демонов.

Даже ночь содрогнулась от такого коварства. Вся степь отзывалась, будто струны гигантской арфы, и тут с гранитной скалой, возвышавшейся посреди пустыни, произошли волшебные изменения. Теперь вместо нее возвышался дворец, настоящее чудо, созданное из блестящих черных кристаллов и полированного агата с серебряными башнями и медными крышами, окнами бирюзового и малинового цвета. Перед ними, словно ковры, раскинулись сады с черной бархатной травой, с дорожками,ложенными драгоценными камнями, с черными деревьями фантастической формы, лавандовыми фонтанами и пурпурными прудами. Соловьи пели в беседках с невыразимой сладостью, по газонам расхаживали важные черные павлины с зелеными и голубыми, будто живыми, изображениями глаз на хвостах.

— Отныне, Дрезэм, ты будешь жить по ночам, как луна. Этот дворец я дарю тебе. Теперь ты не будешь ни в чем нуждаться.

Азран повел молодого человека через сады во дворец, где их ждал накрытый стол и все было приготовлено для банкета. Дрезэма не требовалось приглашать к трапезе, как когда-то во дворце короля. Возможно, он заметил, что на этот раз стол оказался богаче. Когда Дрезэм насытился, Азран сказал:

— Есть еще кое-что. Я напомню тебе. Девушка с серебряными глазами и розовыми волосами. Не советую тебе ею пренебрегать.

Взяв глиняный кувшин, Азран произнес заклинание и перевернул кувшин в воздухе. Из

него вылилось сияющее и ароматное облако, превратившееся в великолепную женщину.

Конечно же, это была не Шезэль. Азарн не мог позволить однажды разделенным душам объединиться. Месть демона обычно превращается в игру. Азарн в своем магическом зеркале Нижнего Мира увидел, как Бизунех молится в своем жалком храме, а после ее смерти следил за ее дочерью и понял, что некая роковая стихия стремится спасти ее. Азарн решил ей помешать.

Женщина прелестного сложения, вылитая из глиняного кувшина, была одной из эшв. В этом и заключалась шутка Азарна. Как у всех демонов, у нее были черные глаза, хотя и не серебристые, но зато серебряная тушь сверкала на ее веках. В ее волосы, такие же черные, как и у остальных демонов, было вплетено множество цветов. Но это не были безжизненные гирлянды, а настоящие цветущие растения, невидимо вырастающие из корней ее волос. Бледные желтые цветы, мелкие вечноцветущие примулы, густо усеяли черные локоны, будто роса на листьях.

У Дрезэма перехватило дыхание. Столь пленительное создание задело даже его спящие чувства.

Эшву звали Жазэв. Прежде молодой человек очень быстро уставал от одного тела, от одного лица. Но демоны — не люди, ни один мужчина и ни одна женщина не могли устать от них.

Жазэв, воплощенное желание, раскрыла Дрезэму свои объятия.

Азарн ушел. Дрезэм утонул в потоке наслаждения. Он обнажил грудь демонессы, подобную

снежным вершинам гор, она в ответ прильнула к его груди, золотой от загара. Юноша сорвал ткань с ее бедер, и цветущая черная долина, усыпанная желтыми цветами, предстала его взору. Тем временем губы Жазэв изучали бедра Дрезэма, подбираясь к горящей башне его страсти.

Солнце всходило в теле Дрезэма, перепутав его с небосводом. Алые кони увлекли колесницу солнца вперед, все глубже погружаясь в бездонный тоннель особняка Жазэв. Кони так и не ослабили поводьев. Магия демона победила земного любовника. Он скакал, словно белый изогнутый лук на белом полумесяце ее тела, скакал до тех пор, пока не расплывился, пока огонь в нем не потух. Казалось, прошла вечность, и вот Дрезэм в безумном блаженстве пронзил желанную цель, вдребезги разбив солнце, и, рассыпавшись бисером, упал в океан, имя которому — Жазэв.

* * *

Как и обещал Азрарн, Дрезэм теперь жил, как и луна, только по ночам. Он просыпался, когда пропадал дневной свет, а в небе разгорались звезды. Тогда он вкушал пищу и отдыхал. Тысяча невидимых слуг обслуживали его, выполняли все его прихоти раньше, чем он успевал о них подумать. Когда ему хотелось с кем-нибудь бороться, в медных воротах появлялись гиганты и воины, вызывая его на бой. Он с гордостью убивал их, хотя это ему лишь казалось, ведь все они были иллюзиями. Но кровавые игрища удовлетворяли его первобытные инстинкты. Зов

плоти уголяла Жазэв. Юношу возбуждал даже звук ее шагов по мраморным плитам пола. Бездна удовольствия, множество побед, бесконечные обольщения ублажали его пять ночей. И каждый раз, когда поднималось солнце, Дрезэм, обессиленный, падал на свою королевскую кровать и спал до тех пор, пока последний луч света не покидал небо.

Дрезэм так ни разу и не увидел, что происходит с его дворцом, когда солнце поднимается над степью, во что превращается его королевская кровать; он не видел, как розы тают, словно утренний туман, за его спиной. Лучи солнца каждое утро уничтожали его дворец. Исчезало все, кроме прочного часового механизма, созданного дрином. Деревья расплывались, как чернила в воде, башни качались и исчезали, словно дым, павлины превращались в кучи вонючих лохмотьев. Стены дворца днем казались кучами гранитных валунов. Жазэв удалялась в Нижний Мир, чтобы не видеть дневного света. Дрезэм лежал один в волшебном оцепенении до наступления темноты. Тогда появлялся Азарн, восстанавливал дворец, выливал из глиняного кувшина Жазэв, и примулы по-прежнему украшали ее черные волосы.

Пять ночей Дрезэм бодрствовал, устраивая оргии, пять дней он спал, как мертвый.

На пятый день его нашла Шезэль.

Она исхудала и побледнела. Путь ее оказался невероятно утомительным, если не сказать ужасным. Девушка прошла грозные пустынные степи, опаленные безжалостным горячим солн-

цем, где после захода солнца дул холодный, пронизывающий ветер. Вся ее одежда превратилась в лохмотья, руки и ноги кровоточили, но несчастная ничего этого не замечала, физическая боль и мучения ничего не значили для нее. Перед ней стояла цель. Инстинкт вел ее, не оставляя места для колебаний. Неумолимая душа Шезэль болела, словно незаживающая рана.

Увидев груду гранита перед собой, девушка почувствовала, что близка к цели. Ее сердце, казалось, готово было разорваться. Шезэль подбежала к скалам, поднялась по кручам и среди камней нашла того самого юношу, который заполнял все ее мечты, человека, в чьем теле пряталась ее вторая половинка.

И сразу же Шезэль успокоилась, ее душа нашла утешение. В ней не осталось ни злости, ни горести. Ей не пришло в голову схватить Дрезэма и как-нибудь ранить, напротив, она полюбила его. В порыве чувств девушка встала перед ним на колени. Она целовала его губы, глаза, руки. Часть души юноши откликнулась на ее призыв, но князь демонов недаром задумал, чтобы Дрезэм крепко спал и никто не мог его разбудить.

Весь день Шезэль просидела рядом с Дрезэмом среди гранитных валунов.

Солнце зашло. В сумерках к скале подбежал черный волк.

Он не был похож на других степных волков, опасавшихся близко подходить к Шезэль. Взгляд волчьих глаз прожигал мозг Шезэль насквозь. Азран, а это был именно он, заворожил девушку

взглядом и подавил ее сознание. У Шезэль не осталось сил бороться с ним, впрочем, она и не пыталась. Князь демонов заставил ее отойти от Дрезэма и спуститься с гранитного завала, на нее смертельную рану ее душе. Азран увел девушку в пустынную ночь.

Далеко от гранитного завала Шезэль увидела свет вкрапленных в небо светильников. Девушка стояла одна в степи и плакала. Она думала: «Мой возлюбленный совсем рядом, что же мне теперь делать?»

Шезэль начала размышлять.

Девушка вернулась обратно по следам, оставленным ее босыми окровавленными ногами, когда черный волк заставил ее уйти. Она подошла к медным воротам с торчащими над ними на пиках отвратительными головами. За воротами виднелся сад и дворец. Шезэль почувствовала, что Дрезэм там.

Девушка едва дотронулась рукой до ворот, как вокруг сада выросла стена из голубого пламени. Из огня выскочили ужасные чудовища, бросились на нее и прогнали, исхлестав плетками.

Шезэль неподвижно лежала в пещере, будто окаменев, а ее кровь и слезы смешались на каменном полу.

* * *

Шезэль вернулась, когда солнце прошло почти весь свой дневной путь. Девушка встала на колени перед спящим Дрезэмом. Она сняла со своего тонкого запястья узкий поясок из сви-

тых прядей цветного шелка и обернула его вокруг запястья Дрезэма.

— Я узнала его по одному лишь волоску, запутавшемуся за струну арфы. Когда он проснется, то узнает меня по этому пояску, который я так долго носила. Он непременно узнает меня, и после этого мы уже не расстанемся.

И, поцеловав возлюбленного, Шезэль ушла, чтобы спрятаться снова.

Наступила ночь, время демонов. Дрезэм зашевелился на сатиновых простынях и гиациновых подушках. Когда он начал просыпаться, Жазэв подошла ближе и увидела изношенный поясок, повязанный вокруг запястья Дрезэма. В тот же миг она сняла поясок и бросила в очаг. Зеленое пламя тут же поглотило его.

Бурная ночь прошла. Рассвело.

Шезэль плакала.

Перед закатом она опять разыскала то место, где спал Дрезэм. Девушка взяла острый камень, отрезала локон своих бледных волос и спрятала в его рубашке.

— Он обязательно узнает меня по этому локону, и тогда, возможно, мы уже не расстанемся.

Но когда ушло солнце и Дрезэм зашевелился на бархатной подушке с желтыми нарциссами, появилась Жазэв. Она улыбнулась и стала шарить под его рубашкой до тех пор, пока не нашла волосы. Не успел юноша проснуться, как демоническая женщина уже бросила их в очаг.

И снова наступила ночь, снова ее сменил рассвет. Днем Шезэль смотрела на спящего юношу в скалах.

— Возможно, ты меня не узнаешь. Может быть, твоя часть души выросла безмолвной. Мне больше нечего тебе оставить. Я больше не приду.

Потом она наклонилась, поцеловала его губы, глаза, руки, ушла в пещеру и легла там, как когда-то лежала Бизунех, ожидая прихода смерти.

Опустилась черная ночь.

Дрезэм зашевелился на шкурах, на этот раз под его головой оказались фиалки. Жазэв тщательно обыскала юношу, но не нашла ни пояса, ни локона, ничего, что могла бы оставить Шезэль.

Но все же Шезэль кое-что оставила, сама того не подозревая. И даже колдовство не помогло Жазэв отыскать это.

Серебряная ресница Шезэль упала на ресницы Дрезэма, когда она целовала его. А когда юноша проснулся, то ресница попала в его глаз.

Эта ресница не мешала ему видеть, но странным образом повлияла на его зрение. Чудесный дворец задрожал и стал туманным, соблазнительные формы Жазэв приобрели ужасные очертания, будто бы некое свечение исходило от ее костей. Внезапно чувство невосполнимой утраты нахлынуло на Дрезэма. Он знал, что это отчаяние ему когда-то было знакомо. Он протер глаз рукой и вынул серебряную ресницу. Как только он прикоснулся к ней, то сразу же почувствовал, что именно с ним случилось. Его половина души стучалась в ворота его сердца и всего его тела. И тогда Дрезэм громко воскликнул:

— Я должен найти ее.

И затем с такой скоростью, что все ловушки, расставленные темнотой, не смогли удержать

его, юноша бросился в степь. Он бежал, не понимая, как находит единственно верный путь, ведущий к той пещере, где лежала Шезэль.

* * *

Глубокой ночью Азарн шагал по степи. Наконец он увидел на скале две сидящие под открытым небом фигуры.

Волшебный дворец пропал, Жазэв вернулась в кувшин. Павлины больше не расправляли свои хвосты, а соловьи неподвижно лежали в мастерских дрина.

Азарн окликнул парочку на скале:

— Повернись, Шезэль. Повернись, Дрезэм. Я здесь.

Они без колебания обернулись. Азарн смог разглядеть их в ярком сиянии луны.

Эти двое были прекрасны, как могут быть прекрасны только две половинки, составляющие единое целое. Не только руки, но и формы любых других частей их тел безупречно подходили друг к другу, изгибы ее щеки и ее груди, казалось, идеально подходили к форме его тела. У Дрезэма были серебряные волосы, а у Шезэль такие же глаза. Золотые развевающиеся волосы Шезэль тон в тон подходили к темно-золотым глазам юноши. Его неистовство улеглось; ее безразличие пропало. Выражения их лиц стали одинаковыми, и такими останутся навсегда.

Крайности каждого из них, уравновешенные своей противоположностью, стали идеальными. Отрицательное выравнивалось положительным, расходящиеся тропинки сошлись. Железо стало

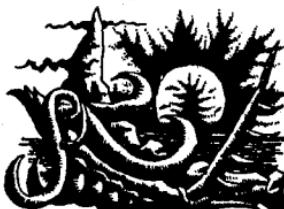

шелком, шелк стал железом. В результате возникло спокойствие, разум, сила и магия уникального совершенства.

Никто из них не испугался, да и как такое могло случиться? Влюбленные с безразличием смотрели на Азарна. Эти двое выглядели словно боги или Бог с неразделенной цельной душой. Они оставались двумя существами и в то же время были единым целым.

Азарн поплотнее завернулся в свой плащ. Его очень тронул их вид. Эта пара понравилась ему, и князь демонов забыл про свою врожденную жестокость.

— Они слишком прекрасны, чтобы их разлучать. Что идеально в мире, то я благословляю,— произнес он.

Глава четвертая

еж скалистых холмов к городу, раскинувшемуся у моря, вела старая дорога, которой, однако, пользовались крайне редко. Уже более сотни лет люди избегали ходить этой дорогой, поскольку, по слухам, даже в разгар дня из недр холмов раздавался вой чудовища. Ведь как знать, вдруг чудови-

ще однажды выскочит на дорогу и съест неосторожного путника. И все же нашелся один могущественный волшебник — Качар, которого не пугала перспектива быть проглоченным и уж тем более услышать какие-то завывания. Его слуги даже смеялись над рассказнями о чудовище.

В тот день, когда маг решил проехаться по старой дороге, он надел черно-зеленый шелковый плащ, а на одном из его пальцев красовалось рубиновое кольцо размером с глаз газели. Волшебник ехал в открытом экипаже, запряженном шестеркой лошадей. Один из слуг почтительно держал зонтик с оборками над головой своего хозяина.

— Это же Великий Качар! Допустим, под землей действительно затаилось чудовище. Но пусть только оно попробует выскочить. Несомненно, Качар тут же его съест! — утверждали слуги.

Волшебник тем временем ехал все дальше и дальше. Еще до захода солнца он хотел добраться до города и его морского порта. Он выбрал эту дорогу только потому, что она была самой короткой. Чародей ездил в столицу приморского государства, чтобы с помощью своей магии излечить старшего сына короля, теперь же, когда чудо свершилось, он мечтал поскорее добраться до корабля и вернуться домой.

Старая дорога пылила и местами была завалена камнями. Волшебник расчищал путь лишь парой коротких слов, превращавших камни в дым. В час дня компания подъехала к пересохшему колодцу.

— Настало время поить лошадей,— сказал Качар. Он подъехал к обрывистому склону холма, из которого был ключ, образовавший удобный для лошадей пруд. Именно в этот момент из глубины пустого колодца раздалось печальное завывание.

Слуги волшебника ничуть не испугались, поскольку верили в могущество своего господина. Качар подошел к колодцу и нагнулся, чтобы лучше расслышать звуки, исходящие оттуда. Вскоре пугающие завывания повторились.

— Пожалуй, я не прочь увидеть это существо,— проговорил Качар. Он сотворил незажженный факел, дунул на него, и тот зажегся. Тогда волшебник опустил его в колодец и засставил повиснуть в воздухе, а сам смотрел вниз через волшебное стекло, пытаясь рассмотреть то, что находится внизу.

— Ну вот, так я и думал. Демоны силой своей магии превратили обычного человека в странную тварь,— проговорил волшебник, увидев несчастное создание в своем зеркале.

Качар щелкнул пальцами, и из них вылетели искры. Искры закружились и образовали сеть, которая поплыла вниз в колодец.

Раздался ужасный крик, стук копыт, скрежет зубов, скользящее шлепанье и жалобный лай. Из колодца поднялся факел. Следом за ним показалась искрящаяся сеть с запутавшимся в ней отвратительным животным, которое крутилось, брыкалось и корчилось.

У чудовища была голова волка, передняя часть туловища борова и гигантский хвост ящера.

Животное барахталось, ревело, выло, дико вращало глазами и скрежетало зубами. Сотню лет оно бродило по пещерам и подземным ходам, соединявшим холмы. Оно даже не могло умереть, навечно погребенное под землю по прихоти демона. Побои нисколько не повредили ему, как и падение на дно колодца; горящее сено обожгло и напугало его, но не смогло сжечь насмерть. Конечно, чудовище давно забыло, с чего начались его мучения. Несчастное создание забыло, что когда-то было красивым и сильным молодым человеком, как однажды оно заснуло рядом со своей любимой молодой женой, а проснулось в проклятой шкуре, которую по приказу Азарна сделал дрин. Муж Бизунех, обреченный на страдания, все еще мучился, тогда как она уже давно превратилась в прах.

Качар проследил всю его историю, пусть даже в самых общих чертах. Он не отличался особой жалостливостью, но его нельзя было назвать несправедливым. Пока грязное зловонное ужасное существо металось и стонало в магических сетях, Качар послал слуг за волшебным порошком, поручил им вынуть свой амулет из шкатулки, а шкатулку убрать на место. В полдень он приступил к колдовству. Заклинание еще не начало действовать, а утомившееся солнце уже приближалось к своей далекой постели в голубых холмах. Несчастное создание не раз меняло форму, не переставая жаловаться. Когда же красный свет покинул небо, по спине животного прошли судороги. Словно змея, сбрасывающая кожу, оно выползло из своей сморщенной шкуры.

К ногам Качара в изнеможении упал мужчина. Уже далеко не юноша и вовсе не красавец. Но все же он был человеком.

Он забыл свое имя, как и всю свою прежнюю жизнь. Он смутно сознавал, что однажды его обманули, жестоко лишив радости жизни безо всякого предупреждения. Его память была заполнена образами темных сырых тоннелей, гулких пустых ущелий, вторящих его нечеловеческим крикам, и грязных дыр, где он прятался от непонятных страхов. Качар накормил его и наполнил вином из сосуда, сделанного из желтого нефрита.

— Ты будешь служить мне два года в благодарность за мой труд. Я назову тебя Кебба, что означает «Тот, о котором много говорят».

Кебба не отказывался ни от работы, ни от своего нового имени. Его лицо было серым и осунувшимся, как лицо человека, умирающего от нескончаемого и неутолимого голода. Он с трудом мог говорить членораздельно. Кеббе разрешили ехать на запятах экипажа. Иногда в забытии его язык высовывался изо рта, а взгляд становился диким, как у лесного зверя. Люди, видевшие это странное создание, когда экипаж волшебника проезжал по городу, принимали его за лунатика и удивлялись, недоумевая, почему он сопровождает Великого Качара.

Был уже поздний вечер, но, несмотря на это, судно ожидало волшебника. На пирсе в результате странных манипуляций Качара прекрасный экипаж уменьшился до размеров ореха, и волшебник положил его в карман. Шесть черных

лошадей превратились в шесть чудесных жуков, черных с белыми крапинками. Качар поместил их в удобной коробочке. В сопровождении слуг и под приветственные возгласы удивленной команды и восторженной толпы на берегу он взошел на борт. Кебба последовал за ним.

Море было спокойным, дул легкий попутный ветер. Через два дня корабль подошел к заповедному острову. Черные обсидиановые скалы подпирали голубое небо. Шлюпка с судна уткнулась носом в галечную береговую полосу. Волшебник и его слуги сошли на берег. Этот бесплодный остров и был домом Качара.

Вскоре судно, словно розовая чайка, скрылось из виду. Качар ударил по непроницаемой обсидиановой скале, и огромная дверь, невидимая до сих пор, отворилась, пропустив их внутрь, а потом со скрежетом закрылась. За скалистой грядой остров показался вовсе не таким бесплодным и мрачным, каким выглядел снаружи. Внутри скал притаился чарующий и необычный сад.

В саду Качара росли усыпанные розами деревья, высотой с вековые сосны, светло-зеленого и пурпурного цветов. Розовые ивы склонялись к розовым прудам, где вместо воды плескалось вино. На синих газонах резвились львы. Они подбегали к магу и, играя, лизали его руки, словно собаки. Совы с круглыми изумрудными глазами мелодично пели, будто молодые девушки.

Дом мага был сделан из зеленого фарфора с крышей из разноцветного стекла, пропускающей свет. Аллея черных деревьев с плодами из чистого золота вела к главному входу.

Кебба оглядывался вокруг, ошеломленный видом волшебного сада и произошедшими с ним самим переменами.

— Только предупреждаю, пока ты будешь мне служить, тебе придется обучиться кое-какой магии. Но не пытайся узнать слишком много или неосмотрительно использовать то, что узнаешь. И никогда не срывай золотых плодов с этих деревьев,— посоветовал Качар.

Дом мага оказался не менее удивительным, чем сад. Разноцветные лучи света, попадавшие внутрь сквозь стеклянную крышу, придавали комнатам причудливые оттенки, солнечные блики играли на разнообразных предметах из драгоценных металлов. Большие водяные часы из меди и серебра в форме галиона показывали время. В сумерках лампы таинственным способом зажигались сами собой.

В тайной комнате, расположенной за двумя большими черными лакированными дверями, Качар упражнялся в магии. Ручки этих дверей были сделаны в форме человеческих рук из белого нефрита. Чтобы открыть дверь, надо было пожать нефритовые руки и повернуть их. Это, как заметил Кебба, делали только особо доверенные слуги Качара, и то лишь тогда, когда волшебник вызывал их помочь при проведении некоторых экспериментов. Самого Кеббу туда не пускали. Он и не собирался входить в эту комнату без приглашения, но предполагал, что это место было достойно восхищения.

Кебба занимался странными вещами. То ему поручали следить за большой птицей на полу-

денном небе, подсчитывать, сколько кругов она совершил над домом мага, пока не улетит прочь, и записывать это число на пергаменте. То ему приходилось идти к двенадцатому пруду, собирать камыши, растирать их в ступке и размазывать полученную пасту перед дверьми дома. Через каждые десять дней Кеббу посыпали на крышу полировать стекло. Похоже, оно было очень толстым и прочным, поскольку ни разу не треснуло под ногами Кебба. Иногда ему приказывали пасти львов, которые питались травой и зеленым виноградом в другой части сада.

Прошло два месяца. Кебба не знал ни счастья, ни горя. Он выполнял свой долг, ел мясо и хлеб, спал в предназначенном ему месте. Временами он поглядывал на черные лакированные двери с белыми ручками, но не думал туда входить. Он вообще ни о чем не думал. Даже теперь он порой забывался, высовывал язык, пытался волочить ноги, будто вместо них у него был хвост ящера.

Однажды утром Качар позвал его и сказал:

— Кебба, сходи к черным деревьям на главной аллее и сорви золотые фрукты.

Кебба повернулся было, чтобы выполнить поручение, но потом, заколебавшись, напомнил:

— Но хозяин, ты же говорил, что я не должен этого делать.

В ответ на это Качар засмеялся и ушел. Он испытывал Кеббу, проверял, можно ли ему доверять. В тот же день он снова подозвал Кеббу:

— Вот тебе золотое решето. Пойди ко второму пруду и принеси мне в нем вино-воду.

Кебба на этот раз не стал спорить. Пусть это решето, но если волшебник требует, чтобы оно было наполнено, значит, оно будет наполнено. И действительно, когда Кебба зачерпнул им вино из второго пруда, ни капли воды не вытекло сквозь отверстия. Он принес решето Качару, и волшебник, улыбнувшись, сказал:

— Я так и думал. За годы, проведенные в шкуре заколдованного животного, ты приобрел некоторую способность к колдовству. Теперь пойдем, ты можешь войти в мой кабинет.

Оказалось, что Кебба владеет магической силой, сам того не осознавая. С самого начала чародей подозревал это. Все задания Кеббы были лишь испытаниями. Кружасяшаяся птица была невидима для человеческого глаза, ни один человек не смог бы растереть магические камыши в пасту. Под ногами обычного человека стеклянная крыша непременно бы раскололась при первом же шаге, да и мало кто смог бы пасти синего и белого львов. Что касается последнего испытания, то кто, кроме владеющего магией, удержит воду в решете?

Итак, Кебба вошел в комнату за черными лаковыми дверями.

За окном кабинета волшебника виднелся вовсе не сад, а любая часть мира, которую хотел бы увидеть маг. В комнате оказалось темно, но тем не менее все предметы были различимы. На медной подставке лежал белый череп древнего Волшебника, которого Качар мог заставить говорить в случае необходимости. В хрустальном кувшине с агатовой пробкой притаилась крошеч-

ная женщина размером со средний палец. Но несмотря на свой размер, она была очень красивой, а ее волосы напоминали красновато-коричневый лист, обернутый вокруг ее тела. Когда Качар стучал по хрусталию, она сладострастно танцевала.

Среди всех этих волшебных вещиц Кебба начал постигать магию под руководством самого Великого Качара.

Обучение проходило в странной форме, приходилось поститься, вести аскетический образ жизни, а также использовать огонь и кровь. Мозг Кеббы, медленно реагирующий на события реальной жизни, быстро схватывал уроки волшебника. И по мере роста магической силы Кебба все более волновался. Все же он всегда ожидал указаний чародея, называл его «хозяин», целовал его рубиновое кольцо и всячески благодарили. Он был ребенком, а Качар стал его отцом. И это нравилось Качару. Волшебник строил далеко идущие планы относительно этого способного ученика и не видел в его растущем могуществе никакой опасности для себя. Талант Кеббы в сочетании с его невероятной тупостью превратили его в лучшего и наиболее полезного слугу. Кебба выполнял все поручения Качара, кроме одного.

— Пойди и сорви золотые фрукты на аллее,— во второй раз предложил Качар.

— Ты же мне запретил это делать,— удивился Кебба.

В ответ на это Качар опять засмеялся.

Но даже умные люди совершают глупости.

Уже в третий раз Кеббе напоминали о существовании золотых фруктов. В первый раз это случилось, когда он был молодым, счастливым и сообразительным. И теперь какие-то забытые образы зашевелились в его голове. В эту ночь ему снилось, что он срывает множество золотых фруктов и они дождем сыплются на него. Когда же какой-нибудь из плодов касался его, Кебба будто бы чувствовал теплый поцелуй прелестной девушки, а сияние золота было сиянием ее волос в свете ламп.

Кебба проснулся со слезами на глазах и, с трудом отдавая себе отчет в том, что делает, бросился в ночной сад. Подбежав к аллее черных деревьев, он протянул руку и схватил сияющий плод.

И тут же в ветвях, извиваясь, появилась пятнистая, малиновая с зеленым, змея и вцепилась в руку Кеббы. На свое счастье, Кебба уже знал заклинание против зверей, летающих тварей и рептилий и, не мешкая, произнес его. Змея засохла, превратившись в перевитую веревку из зеленого и красного шелка, и упала в кусты.

Расправившись со змеей, Кебба снова схватился за плод, но теперь золотой шар стал горячим, словно огонь. Кебба обжегся и не смог его удержать. Тогда он произнес заклинание, охлаждающее горячие предметы, и плод опять стал холодным.

Потом Кебба взял двумя руками заветный плод и потянул его, но тот никак не срывался с дерева. Пришлось произнести заклинание, освобождающее предметы, и плод упал.

Кебба осмотрел плод, лежащий на синей траве газона. Сорвав золотой шар, он не знал, что с ним теперь делать. Но через мгновение Кебба услышал шорох внутри плода, будто бы там что-то шевелилось, а потом раздался скрежет, словно это что-то хотело выбраться наружу.

Ученик мага забеспокоился, но чувство тревоги не смогло ослабить страстного желания завершить начатое. Из дома мага вылетели лампы. Они парили в воздухе сами по себе, а вслед за ними шел Качар узнать, что происходит в полночь в саду.

И тут Кебба произнес заклинание, открывавшее предметы. Золотой плод разломился на две половинки, над ними появился слабый дымок.

Оsmелился бы кто-нибудь, кроме Кеббы, призвать такой дым? Одних он излечивал, других мог погубить. Когда его вдыхали, то казалось, что этот дым заполняет глаза, уши и мозг. Человеку, который много знал, он открывал новые тайны, но человек, знавший крайне мало, легко мог погибнуть. Дым этот называли самопознанием.

Кебба вдохнул дым. Зашатавшись, он выронил половинки расколотого плода и схватился за голову. Он вспомнил все: свое прошлое, имя, юность, любовь, потери, ужасную жизнь в скалистых холмах. Несчастный понял, что с тех пор минуло сто лет и все, что он любил, уже давно исчезло с земли. Его обманули, и теперь он остался совсем один. Он нес на себе тяжесть человеческой злобы безо всякой вины. Люди смеялись, оскорбляли, били, жгли и проклинали его.

И даже теперь кое-кто собирался обмануть его. Ему не пришло в голову, что Качар поступил справедливо, он забыл, что еще недавно уважал его и успокаивался в его присутствии, словно испуганный ребенок, оберегаемый отцом. Кебба считал, что его опять обманывают. Кебба знал, кто он есть, и теперь в нем кипели ярость и ненависть, он жаждал отплатить всему миру за то, что мир и его обитатели принесли ему боль. Ему, бедному Кеббе, который забыл даже свое настоящее имя. Конечно, теперь он вспомнил его, но это не помешало ему остаться бедным Кеббой, плачущим в саду волшебника.

Тем временем Качар приблизился. Неровная тень упала на спину Кеббы, став последней каплей, переполнившей его терпение.

Кебба вздрогнул, сбрасывая тень.

— Ты все ищешь удобного случая, как бы обмануть меня! Ты превратил меня в червяка и теперь насмехаешься надо мной. Слишком часто ты смеялся над моей глупостью. Наконец я это понял. Я теперь умный, по неосторожности ты учил меня слишком хорошо. Я тоже стал чародеем! — прокричал Кебба.

Качар произнес заклинание, которое должно было связать Кеббу крепче, чем веревка, но Кебба вывернулся и произнес ответное заклинание, снявшее чары. Тогда Качар побледнел и вцепился зубами в большой рубин на своем кольце. Кебба и в самом деле учился чересчур хорошо. Качар понял, что напрасно доверял своему ученику, животное так и не стало ручным. Но было уже поздно.

— Замечательно! — победно воскликнул Ка-чар.— Твое могущество только радует меня. Ты был моим слугой, теперь же ты станешь моим братом. Я спас тебя, ведь ты уже был заживо погребен, почти умер! Будь рассудительным. Безрассудство может сбить тебя с праведного пути.

Но Кебба лишь ухмыльнулся, оскалив зубы. В нем еще оставалось кое-что от волка.

— Однажды меня уже обманули. Как и ты сейчас, он пришел ночью, с той лишь разницей, что его я не видел. Мне не надо лживой доброты и подарков, не важно от кого, от людей или от демонов. Теперь я смогу сам защитить себя.

Кебба повернулся и зашагал прочь.

Качар испугался так, как не пугался уже много лет. Собрав всю свою силу, он метнул шаровую молнию вслед своему ученику, оказавшемуся таким негодяем. Но дым самопознания намного увеличили способности Кеббы. Он чувствовал приближение шаровой молнии и, повернувшись, бросил ей навстречу свою. Молнии столкнулись в воздухе и взорвались голубой вспышкой.

— Теперь я знаю, что ты боишься меня,— засмеявшись, сказал Кебба.

Рядом с утесом, в котором было потайная дверь, стоял лев. Он был хвостом и рычал. Но Кебба без труда убил льва сверкающей пикой, которую тут же сотворил из воздуха, и вышел на берег моря. Несмотря на огромную силу приобретенного мастерства, Кебба не смог бы бороться с водой, поскольку море жило по своим собствен-

ным законам и там правили свои короли. Поэтому Кебба вынул из-за пояса кусок дерева, который подобрал в саду Качара, оторвал лоскут от рукава своей рубашки, произнес заклинание и бросил все это в воду. Материя и дерево превратились в небольшой корабль. Кебба поднялся на борт и навсегда покинул остров.

Качар следил за его отплытием через магическое окно в своем кабинете за лакированными дверьми. Его сердце наполнилось гневом и волнением.

* * *

Кебба плыл семь дней и наконец добрался до скалы, уходившей высоко в небо. Она была высокой и широкой. Кебба решил построить свой дом именно здесь среди острых скал, поскольку красота и комфорт отныне стали ему отвратительны. Он питался растущими вдоль берега водорослями и рыбой, которую приносил прилив. Жажду он утолял вызванным с неба дождем, собирая воду в ладони.

Кебба погрузился в пучину внутренней борьбы. Сила Качара заключалась в искусном владении магией, а бездонная сила Кеббы таилась в его неослабной, безумной, железной ненависти. Словно человек, на которого внезапно обрушилось горе, он бессознательно крушил все, что попадается под руку. Кебба даже пожелал смерти своему учителю, поскольку не мог отомстить настоящим обидчикам, искалечившим его жизнь. Он обрушился на старого колдуна, подобно безумному вихрю.

Сначала Качар сосредоточился на защите. Кебба поступал по-детски, но его шалости от этого не становились менее опасными. То он посыпал дождь из черных лягушек в сад Качара, то заставлял литься грязь; торнадо ударяли в скалы, небо темнело от туч насекомых или стай хищного воронья. Всю эту нечисть Качар отводил в сторону и обезвреживал. Вскоре в волшебном саду начались бедствия. Невидимый червь подточил розовые ивы изнутри, прелестные розы завяли, винные пруды покрылись отвратительной пеной. Качар восстановил сад и удалил невидимого червя. После этого он наложил печати и установил защиту на каждом дюйме земли. Теперь туда не могло проникнуть ни пылинки. Качар, сидя перед волшебным окном в своем кабинете, нашел остров, где лежал, изобретая пакости, Кебба. Лицо Кеббы позеленело от злости, а глаза ввалились, будто два злобных зверя, затаившихся в пещерах. Его зубы стали желтыми и острыми, потому что ему приходилось жевать морские водоросли и обгладывать рыбы кости — такими же желтыми и острыми, как когда-то, когда у него была волчья голова. Одна нога Кеббы онемела из-за недостатка движений на узком острове и сырого климата. И теперь он, передвигаясь, волочил ногу, как когда-то тащил хвост ящера. Но его сердце, будто сердце борова, оставалось крепким и здоровым.

Качар разными способами пытался избавиться от своего врага. Он посыпал штормы в надежде, что они сокрушат скалу, но Кебба отбрасывал их назад.

Качар послал женщину-призрак, которая разделилась перед Кеббой, встряхнув своими рыжими волосами, но никакие соблазны, кроме желания отомстить, не привлекали несчастного. Он швырял в призрачную красавицу камни, пока она не исчезла.

Качар послал необычайно мощную молнию, и она расколола остров на две части, словно он был игрушечный. Но Кебба уцелел и теперь лежал, усмехаясь, на большей из образовавшихся частей.

Чародеи никак не могли побороть друг друга. Поэтому Качар решил обратиться к Кеббе сквозь волшебное окно:

— Давай прекратим этот спор. Чего ты от меня хочешь?

— Твою жизнь. Мои силы растут. Я это чувствую. Никто на земле не познает счастья, потому что я сам никогда не был счастлив. Никого не останется в живых, поскольку я сам никогда не жил по-настоящему. А любить они смогут только в могиле, потому что именно так выглядело мое любовное ложе,— ответил Кебба, и в его запавших глазах сверкнула ненависть.

Качар понял, что все уговоры бесполезны. И тогда он наконец рассердился. И гнев его был совсем не таким, как ненависть Кеббы. Гнев Качара оказался тяжелым и устрашающим.

Старый маг вызвал четыре шторма и из вихрей, созданных ими, из перевитых пульсирующих прядей свил магическую сеть.

Затем Качар благодаря своему мастерству смог вызвать одного из морских королей. Не-

известно, как выглядел и как добрался до скалы этот король, возможно, он носил одежды из голубой чешуи, а вместо волос у него были потоки соленой воды. Вероятно, так же выглядели и его придворные. Они могли приехать на коралловых колесницах, влекомых упряжками огромных акул, черных и белых, питающихся людьми. Возможно, вокруг узких голубых зрачков их глаз сверкали золотые круги, как у некоторых глубоководных рыб. Скорее всего, им не очень понравилось, что воздух затрудняет их дыхание, из-за этого их тонкие суставчатые пальцы, сверкающие драгоценностями, украденными с утонувших судов, крепко сжимали трепещущие связки маленьких стеклянных шариков, в которых, словно любимые канарейки, летали драгоценные рыбки, распевавшие голосами, доступными лишь для слуха морских обитателей.

Во всяком случае, сделка состоялась. Кольцо морской магии окружило скалу Кеббы и полностью отрезало несчастного от внешнего мира, исключив любую возможность побега. В качестве платы за эту службу Качар обязался кидать в море ежегодно в определенный день по прекрасному драгоценному камню. И пока Качар будет выполнять свою часть договора, морской король обязался выполнять свою.

Так во второй раз за время своего несчастного существования Кебба оказался в заточении. Его магия оказалась бессильна, а его злость обратилась на него самого.

Сначала он кричал сквозь невидимые, но проницаемые стены своей ловушки. Но шум

штормов заглушил его крик. Затем он пытался договориться с морским народом, но в этом не было никакого смысла, потому что Кебба ничего не мог предложить взамен. Океан остался глух к его мольбам.

Наконец, он совершенно обессилен, уткнулся лицом в мшистую скалу среди выброшенных водорослей и больше не двигался.

Однако мозг Кеббы продолжал работать. Он грыз себя изнутри, словно крыса. В его душе осталась только ненависть. И ненависть гладила его. Она добралась до его сердца. Эта ненависть не находила выхода, не могла реализоваться. И как всякая содержащаяся в чем-то большая сила, она начала бродить и бурлить.

Время шло. Качар не жаловался на жизнь. Он продолжал творить чудеса и стал очень уважаемым чародеем. Каждый год в определенный день он бросал в море драгоценный камень. Он никогда не забывал об этом. Но однажды ночью, когда Качару исполнилось уже двести лет, он наконец устал от жизни и с улыбкой умер. В этот год никто не бросил в море драгоценный камень для короля, и магическая ограда вокруг скалы Кеббы рассеялась.

Но, конечно же, Кебба, лишенный пищи, воздуха и движения, не дожил до этого времени. Псевдобессмертие, дарованное ему пребыванием в шкуре чудовища, исчезло вместе с самой шкурой. Нет, Кебба не мог дожить до этого времени и не дожил. И само тело, разумеется, давно пропало со скалы, там не сохранилось даже его белых костей.

И все же что-то осталось, то, что не могло умереть. То, что кипело, бурлило и приобретало все большую силу в этом заточении. Неослабевающая, бессмертная, голодная ненависть.

И теперь она наконец вырвалась на свободу.

Глава пятая

Н

енависть всегда существовала на земле, какой бы земля ни была, плоской или круглой.

Ненависть Кеббы ринулась со скалы через море в раннюю ночную мглу. Она пока еще не обрела форму, но уже имела слабый запах металла, разъедаемого кислотой. Ненависть требовала пищи, по-

скольку до сих пор была вынуждена питаться лишь собой. А земля стала для нее изобильной кладовой с широко открытыми дверями.

Начался шторм. Ураган разрывал небо, а океан вздымался навстречу ему. Ненависть Кеббы нашла тонущее судно. Его паруса были разодраны, как и само небо, а нижнюю палубу заливала вода. В трюмах пищали крысы, проклиная свою судьбу. Люди пытались спустить маленькую шлюпку с верхней палубы. Но они так ожесточенно боролись за место в шлюпке, что не успевал кто-нибудь убить своего соперника, как появлялся еще один и убивал его самого. Здесь Ненависть Кеббы пообедала и поужинала, набравшись новых сил.

Подкрепившись, Ненависть полетела к берегу. В сосновом лесу пятеро разбойников напали на путника и зарезали его. Но, поскольку каждый пытался отхватить себе больший кусок добычи, началась драка. Ненависть снова перекусила. В освещенном многочисленными огнями городе муж навалился на жену, доказывая свои права на нее и проклиная несчастную за то, что она его ненавидит и хочет свести в могилу. Во дворе разъяренная женщина секла своего раба, еще совсем ребенка. Раб же, распластавшись на холодном камне, под ударами плетки мечтал лишь о том, как бы выбить ей глаз. В уютной таверне два бедняка замышляли убийство богача, зайдя в его богатству. В башне девушка сидела на бархатной кровати и втыкала булавки в сердце восковой фигуры бросившего ее любовника. Под мостом двое подростков дрались за право об-

ладать третьим, который лишь смеялся над ними, презирай обоих. На дороге до смерти забили прокаженного...

Ненависть не просто кормилась, она пирровала. Ненависть летела дальше по земле и пирровала.

Мир был большим банкетным столом, за которым подавались блюда на различный вкус. Ненависть, горячая как огонь,— та, что убивала; ненависть, холодная как лед,— та, что распространяла ложные слухи и лгала; еще одна ненависть, которая просто молчаливо ненавидела; была и черная, как глубокая шахта, самая жестокая из всех, ненависть, направленная внутрь. Она вбирала энергию зла и умножала ее. Вот какими деликатесами обедалась Ненависть Кеббы. И она, становясь все энергичнее, все активнее, набухала и давала ростки.

Вскоре и она, защищенная своей аурой, научилась зарождать сама ненависть на земле. Там, где она проносила по воле случая, летая, будто туча, неудовольствие перерастало в дикую скрипящую зубами ненависть. Девушка, утомленная болтовней своей сестры, хватала кинжал и пронзала грудь несчастной. Слуга, долгое время завидовавший богатству своего хозяина, наконец-то покупал яд. Все поддавались минутной слабости. Даже король, раздосадованный пустячной обидой, начал войну против своего брата.

И тогда на земле наступила новая эра, эра Ненависти.

Города и королевства воевали между собой. Убийства отдельных людей быстро переросли в

массовую резню. Повсюду лилась кровь, свирепствовал огонь и раздавался лязг стали. Воздух наполнился плачем и проклятиями.

Маленькое семечко, попадая на плодородную почву, прорастает и становится деревом. Ненависть Кеббы, небольшая по размерам, передвигаясь по земле, поглощала в себя все Зло и разрасталась. И вскоре это дерево накрыло своей тенью весь мир. Конечно, до того момента прошло много лет, но время не имеет значения для бытия. Пока Ненависть могла питаться, смерть ей не грозила. А еды на земле было предостаточно. Время играло ей на руку.

Ненависть неустанно работала. Сама земля начала корчиться и стонать от злобы. Ее прекрасные просторы превратились в поля сражений, вороны хлопали крыльями над усеившими ее трупами. Когда-то она гордилась своими лесами и огромными городами, теперь же все деревья были сожжены, а города превратились в руины. Землетрясения раскололи землю, горы изрыгали огонь, а моря бурлили, словно кипящие котлы. Некогда прекрасный лик солнца теперь был весь в синяках, а луна стала красной. Чума поднималась из болот, кутаясь в желтые и черные одежды. Голод шел по ее стопам, обгладывая собственные косточки. Смерть царила повсюду, но, возможно, даже Он, один из королей Тьмы, Владыка Смерти, с трудом собирая такой урожай, его амбары были переполнены трупами.

Люди начали проклинать богов. По утрам они убивали друг друга, по ночам же, после битв, они

бесновались перед алтарями безмолвных богов. В слепой ненависти к своим богам они ломали их изображения и оскверняли их святыни.

— Богов не существует. Но кто же тогда создал их для нас? — кричали тут и там. В свете раскальвающихся гор на берегах бушующих морей люди не видели накрывшую их тень, тень Ненависти, которую они сами же и вскормили.

— Я знаю, кто источник всех наших бед. Это он — Владыка Ночи, приносящий мучения, с крыльями орла. Тот, о котором не принято говорить. Он сделал все это, — утверждали люди на разных концах земли.

Если падали башни, то вспоминали о нем... Когда разверзлась земля и проглатывала людей, они, задыхаясь, выкрикивали его имя. Его перестали бояться. У людей появились новые, более жуткие страхи.

— Азран придумал все это. Князь демонов хочет уничтожить мир.

* * *

А Азран был тут ни при чем. Шутка заключалась в том, что он, творец человеческих бед, даже пальцем не шевельнул — не считая мести в далеком прошлом — и ни о чем не ведал.

Азран тем временем развлекался в Нижнем Мире. Это могла быть какая-то игра или спорт, в любом случае что-то держало его вдали от мира год или два — четыреста земных лет или больше. Возможно, он увлекся красивым мальчиком или мифической женщиной, нашел себе нового Зивеша, другую Зораяс, создал для себя

кого-нибудь наподобие Феразин или отыскал ту, которая, в отличие от Бизунех, не отвергла его. И они не приедались князю демонов, там, внизу под землей, в удивительном городе Драхим Ванашта, куда он, скорее всего, переносил их. Пока он наслаждался любовной игрой, прогуливался под черными деревьями в своем саду или дремал, видя сны, Ненависть поглощала мир. Мир не мог противостоять ей, он начал съеживаться и умирать.

Князь демонов посеял безграничную боль, войну и печаль, гнев и смерть на земле.

— Азран уничтожает нас! — кричали люди. Воздру, уловив своим мистическим внутренним слухом жалобы и стоны, доносящиеся с земли, высыпали на улицы Драхим Ванашты, чтобы увидеть своего улыбающегося князя. Но Азран больше не улыбался. Он прошел мимо нефритовых дворцов, сел на лошадь из мерцающей тьмы и синего тумана и проскакал сквозь три пары врат. Поднявшись от центра земли сквозь жерло вулкана, он увидел новые вулканы, извергающие огонь по всей земле, а там, где не было вулканов, бушевало пламя городских пожаров. Азран увидел, что пришли Чума, Голод, Смерть и захватили весь мир. Моря затопляли землю, из воды тут и там торчали разрушенные башни, повсюду плыли раздувшиеся трупы, а там, где из под воды поднялись новые земли, воевали армии. Битва шла везде — и на суше, и на море. А сверху безжалостно сияла кровавая луна, чтобы князь демонов смог разглядеть все, ничего не пропустив.

Азрарн направился к острой вершине скалы. Он посмотрел на восток и запад, на север и юг, его лицо побелело. И чем пристальнее он вглядывался в мир, тем больше бледнел. Ни один смертный не смог бы так побелеть.

И тогда Азрарн вспомнил слова Казира, слепого поэта. Тогда князь демонов показал ему все, чем владеет, и спросил, чего же ему не хватает, без чего он не сможет существовать, поэт тихо ответил: «Без людей».

Азрарну вспомнилась холодная песня Казира, в которой говорилось, что все люди умерли, мир опустел, а солнце всходило и заходило над безжизненной пустыней. Азрарн же летал в виде орла над безмолвными городами, над океанами, где не белело ни одного паруса, и разыскивал людей. Но ни одного человека не осталось, чтобы заполнить дни демона радостью, предоставив возможность вершить Зло. Не осталось никого, кто мог бы прошептать имя Азрарна.

Ледяной страх сковал его сердце. Даже далекие звезды не могут жить без неба, поддерживающего их, ведь у них нет другой опоры в бездонной пропасти.

Невероятно, но Азрарн, повелитель Страха, испугался. Он увидел скорую смерть человечества. Князь демонов рассматривал Ненависть, словно черную луну, поднимающуюся в небе, и видел горе людское, ведь он-то мог видеть саму суть Ненависти, не имевшей формы, чувствовать ее запах, запах металла, разъедаемого кислотой, только теперь эта кислота разъедала жизнь на

земле. И Азарн бросился прочь, кинулся в свой город в Нижнем Мире, забился в самую дальнюю комнату своего дворца и там, дрожа, заперся в одиночестве, чтобы никто не стал свидетелем его ужаса. Да, ужаса Азарна, повелиителя Ужаса, того, кого называли Ужасающим.

* * *

Безмолвный страх накрыл город демонов Драхим Ванашту. Воздру не шутили и не пели, застихли звуки хоров, арф, стук игральных костей, лай собак. Эшвы плакали, не понимая, отчего. У черного озера смолкли удары молотков дринов, и красные кузнечные горны покрылись золой.

Потом появился Азарн, его лицо напоминало прекрасное изваяние, высеченное из камня, а глаза пылали. Он созвал дринов и дал им задание. Князь демонов поручил им построить для него летающий корабль с крыльями, такой могучий, чтобы он мог взлететь в самую высоту и проникнуть туда, куда ни смертные, ни птицы не могут добраться, в чудесную страну Верхнего Мира, царство самих богов.

Дрины трудились, хотя в их темных маленьких сердцах поселился страх. Они взяли много серебра и белого металла, слиток золота, не любимого демонами, голубую сталь и красную бронзу. А пока дрины работали, взадру влетали и вылетали из дворца Азарна, одни прикасались к его рукам, другие падали ниц перед ним, но все они умоляли князя не покидать их. Азарн же молча отстранял их, сидя с каменным выражением лица и нетерпеливо постукивая пальца-

ми, украшенными перстнями, по книге из слоновой кости.

И вот наконец корабль был готов. Его борта блестели и сверкали разноцветными полосками металла, синими и серыми, желтыми и красными. У него был навес, созданный из дыма, серебряные паруса, сотканные из ветров, и румпель из драконьей кости. Крылья корабля напоминали лебединые, но перья их были изготовлены из волшебного льна, который растет на берегах Сонной Реки.

Азарн подошел к кораблю и похвалил работу, а уродливые дрины лишь покраснели и стали глуповато ухмыляться. Князь демонов взошел на корабль, произнес заклинание и взялся за румпель. Воздру затрепетали, а корабль поднялся через четверо врат, сквозь жерло единственного не ожившего на земле вулкана.

Корабль поднимался ввысь сквозь черный и насыщенный гарью воздух. Наконец оставшаяся далеко внизу земля стала казаться бурлящей смолой. Паруса летающего корабля надувались и разворачивались. Корабль пролетел мимо полной луны, так ослепительно и ужасно сверкавшей в темноте. Небесный фрегат прокладывал свой путь сквозь корни звездных садов, сквозь крышу мира, равномерно взмахивая крыльями. Он влетел в широкие невидимые ворота Верхнего Мира, куда ни разу не поднимался ни один корабль, созданный смертными, не залетала ни одна вольная птица.

В Верхнем Мире всегда было светло. Горел немеркнувший, удивительно ясный свет, чем-то

напоминающий освещение в мире демонов, поскольку свет Верхнего Мира походил на свет ясного морозного зимнего утра, когда солнце еще не взошло, а небо с землей кажутся неразделимыми.

Верхний Мир оказался холодной голубой страной, что, впрочем, соответствовало сути бесстрастных божеств, населяющих его.

Поверхность Верхнего Мира была ровной, лишенной рельефа. Повсюду разливалась голубизна, как у лезвия бритвы, а вдали смутно виделись остроконечные голубые горы, покрытые алмазными снегами. Казалось, что у этих гор не было основания, к тому же эти недостижимые вершины всегда оставались вдали, даже если идти к ним семь лет.

Иногда в тумане вырисовывались очертания замков богов, на очень большом расстоянии друг от друга. Эти сооружения резко отличались от земных замков и дворцов в Драхим Ванаште. Они напоминали вечные арфы или струны арф, представляя собой стройные колонны с чистым золотым сиянием, слабоibriровавшие в такт едва различимой музыке.

Рядом с невидимыми вратами, там, где Азарн остановил свой корабль, чтобы передохнуть, находился Священный Колодец, из которого можно было выпить эликсир бессмертия. Но Колодец, созданный по прихоти богов, оказался бессмысленным: сами боги не нуждались в нем, будучи и без него бессмертными, а люди, жаждущие глотнуть волшебного эликсира, не имели ни малейшей надежды добраться сюда. Од-

нажды, правда, образовалась маленькая трещина в дне этого стеклянного Колодца, и через нее просочились несколько капель драгоценного эликсира. Поскольку Колодец состоял из стекла, свинцово-серый эликсир бессмертия был хорошо виден в нем. Вблизи на скамейке из тончайшей платины сидели две согнутые фигуры в серых капюшонах — Стражи Колодца.

Азарн сошел с летучего корабля, и Стражи тут же подняли головы. У них не было лиц, их заменила огромная выпуклость с единственным внимательным глазом, а голос их раздавался откуда-то из груди.

— Тебе нельзя пить эту воду,— обратился один из Стражей к Азарну, разглядывая его своим безжалостным страшным глазом.

— Да, это так,— подтвердил второй, также рассматривая гостя.

— Я здесь не для того, чтобы пить. Разве вы не знаете меня? — удивился князь демонов.

— Бесполезно знать что-нибудь, поскольку все внизу проходит и меняется, ухудшается и умирает, а наверху все остается неизменным,— отозвался первый Страж.

— Все люди знают меня,— сказал Азарн.

— Люди... Кто они такие, чтобы нас интересовало, что они знают, а что — нет? — пробормотал второй Страж.

Азарн завернулся в плащ и прошел мимо них. Увидев, что незнакомец не пытается пить, Стражи опять склонили головы и, казалось, задремали рядом со свинцовым эликсиром Вечной Жизни.

Азарн, князь демонов, один из Владык Тьмы, шел сквозь красивое холодное пространство, словно единственная здесь черная тень. Множество земных дней и ночей он приближался к недостижимым горам и наконец добрался до начала бесконечного пола из шашечных клеток. Клетки были двух цветов, никогда не виданных ни на земле, ни под землей, цвета глубокого одиночества и полного равнодушия — только здесь можно было найти богов. Некоторые из них медленно прогуливались, но большинство стояло неподвижно. Ни одна бровь не дрогнула, ни одна рука не шевельнулась, когда Азарн приблизился к ним, боги не говорили и не дышали.

Их внешний вид ничуть не напоминал человеческий, хотя, возможно, в самом начале люди выглядели так же, ведь именно боги создали людей. В те дни, когда земля была плоской, богам позволялись такие причуды. Но какими хрупкими казались эти боги, состоящие из эфира! У них были светло-золотистые, почти серебряные волосы и прозрачная кожа, под которой не было костей, а их тела наполняло светлое, почти прозрачное вещество с фиолетовым оттенком. Их глаза походили на полированные стекла, которые ничего не отражали. Когда боги волновались, что случалось крайне редко, они удивительным, непостижимым образом менялись, и из-под их хрустальных одежд выплетали прекрасные бабочки, растворявшиеся, как пузырьки, в голубом воздухе.

Когда Азарн прошел между ними, боги зашевелились, будто травинки на слабом ветру.

Азрарн обратился к ним:

— Земля умирает. Люди, созданные вами, умирают. Разве вы об этом не слышали?

Но боги не ответили, они даже не взглянули на князя демонов, будто вовсе его не заметили.

Тогда Азрарн рассказал им, как раскальвается и горит земля, как люди убивают друг друга, подстрекаемые пустившей корни магической Ненавистью, которая питается порожденными ею же несчастьями и растет, становясь все активнее. Азрарн рассказал им все, ничего не скрывая.

Но боги снова не ответили и не взглянули на него, всем своим видом показывая, что не видят его.

Тогда Азрарн подошел к одному из богов, возможно богине, хотя это не имеет значения, потому что боги были двуполыми, а некоторые и вовсе бесполыми. Князь демонов поцеловал бога в губы, и бог откликнулся, его веки затрепетали, а бабочки поднялись с его одежд.

— Вы создали людей, но не меня. И я добьюсь от вас ответа,— заявил Азрарн.

Наконец бог заговорил с Азрарном, если это можно так назвать. Князь демонов не услышал голоса бога — речи не было слышно, боги вообще не общаются посредством языка. Так или иначе, но бог отозвался:

— Человечество для нас ничего не значит, как и сама земля. Мы ошиблись, создав людей. Боги тоже могут ошибаться. Но мы не собираемся повторять свою ошибку, спасая их. Пусть люди исчезнут с лица земли, а земля исчезнет

из бытия. Для тебя, князя демонов, человечество является любимой игрушкой, но мы давно переросли столь банальные развлечения. Если ты хочешь, чтобы люди выжили, значит, тебе придется самому спасать их, потому что мы не будем тебе помогать.

Азрарн ничего не ответил. Он лишь пристально посмотрел на них, и там, куда падал его взгляд, кромки хрустальных одежд богов съеживались, как обгорающая бумага. И это все, что смог сделать Азрарн, поскольку боги есть боги.

Князь демонов возвращался из голубого холодного Верхнего Мира. Поравнявшись с Колодцем Бессмертия, он плунул в него. Свинцовая вода помутнела и на мгновение стала чистой и прозрачной, пока серый цвет не овладел ею снова. Такова уж была сущность Азрарна. А Стражи по-прежнему сопели на своей скамейке. Тогда князь демонов взошел на летучий корабль и покинул Верхний Мир.

Глава шестая

емон стоял на поросших белым льном берегах Сонной Реки. Пе-

ред ним с мрачным плеском текли тяжелые свинцовые воды, за его спиной замер, словно мертвый лебедь, летучий корабль. Даже самая мрачная глубина темноты не могла бы стать темнее, чем сердце Азарна. До сих пор в нем все-

гда горел некий скрытый огонек, а теперь и он потух. Лицо князя демонов становилось все печальнее, пока он стоял, окутанный страхом, на речном берегу. Раньше Азрарн охотился здесь за душами спящих, теперь же на этом месте странные фантазии пленили его воображение.

Размышая, Азрарн не заметил, как из речных вод поднялся прозрачный образ, будто бы созданный из тонкой, как папиросная бумага, слоновой кости. Но это не могло быть душой спящего человека, поскольку немногим доводилось настолько крепко засыпать в эти ужасные дни, чтобы позволить душам заходить так далеко. Перед князем демонов поднялась душа мертвого.

Азрарн разглядывал эту душу, а душа уставилась на князя демонов. У нее были глаза цвета синего вечера, янтарные волосы, а запястья и плечи украшали ожерелья глубоководных океанских водорослей.

— Ты знаешь меня, Величайший из Владык. Не мог же ты забыть меня так же быстро и легко, как убил? Меня звали тогда Зивеш, и ты, еще недавно так любивший меня, из ненависти обрек меня на смерть, и я утонул ранним утром в зеленых водах. Мои кости давно сгнили на дне моря, но я задержался в этом призрачном теле, потому что даже за мистическими вратами, разделяющими жизнь и смерть, я продолжал любить тебя, того, кто отрекся и уничтожил меня. И моя любовь привязала меня к миру.

Азрарн смотрел на душу своего умершего любовника, но ни один человек не мог бы догадаться, о чем он думал.

— Десятки тысяч дней прошло с тех пор, как я расстался с тобой. Зачем ты пришел ко мне?

— Мир умирает. Ты же больше всего на свете любишь мир. Я хочу знать, спасешь ты мир или позволишь ему умереть. Ведь вместе с миром умрет и князь демонов. Пусть ты будешь жить миллионы и миллионы лет, но без земли и людей твоя жизнь потеряет смысл. Ты будешь бесцельно скитаться, как и я сейчас, в тебе будет не больше жизни, чем во мне,— отозвался дух.

Потом он приблизился к князю. Сквозь него виден был дальний берег и протекающая мимо темная река. Он поцеловал руку Азрарна, но прикосновение его напоминало прикосновение холодного тумана. А потом дух растаял, как лед на солнце.

* * *

Ненависть царила на земле, она проникла в самые глубокие пещеры и самые уединенные долины. Ненависть осквернила землю, и повсюду расцвели ее дети. Ненависть закрепила окончательную победу тем, что наконец-то обрела форму, напоминающую огромную голову или, скорее, рот.

И ни один смертный, если бы он понял, в чем заключается причина бедствий человечества, не смог бы бороться с Ненавистью, ведь она не была драконом, которого побеждали герои. Ни один человек не вынес бы ее присутствия. Потому что ярость самого смелого и злого человека казалась крошечной по сравнению с Ненавистью Кеббы.

Только князь демонов мог встретиться с ней, увидеть ее и вступить с ней в единоборство. Потому что ненависть была знакома Азарну лучше, чем кому-либо другому, ведь именно в этом ему не было равных. Все его шутки являлись порождением ненависти, а она сама служила ему словно арфа, на которой он виртуозно мог исполнить любую мелодию.

Где же располагалось сердце Ненависти?.. Скорее всего, это было некое мистическое место, расположенное вне реального мира. Местность вокруг напоминала землю: ряд безжизненных скал, у подножия которых чернели сожженные деревья, а у вершин клубились густые тучи дыма, отливающие странным коричневато-свинцовым светом. Когда в этом измученном мире наступал рассвет, над скалами поднималось солнце. Но сейчас здесь, как и на всей земле, воцарилась ночь. Сквозь нездоровый туман просвечивали красные звезды, напоминавшие капли крови.

Где-то в тучах или в тумане рот, составлявший суть Ненависти, шевелил своими коричневыми пухлыми губами. Рот был постоянно открыт, и Ненависть видела через него, что происходит вокруг, хотя ее зрение и отличалось от зрения смертных. Сейчас внизу на склонах скалы сгустилась темнота. Постепенно этот сгусток мрака принял облик высокого красивого мужчины, черноволосого и черноглазого, закутанного в черный плащ, напоминавший крылья. Одеяние делало его похожим на орла.

Еще никто и никогда не находил Ненависть, не добирался до ее цитадели и не стоял, глядя

на нее. Ненависть почувствовала могущество таинственного создания, по своей силе сравниваемое с ее собственным, но по существу другое, словно перед ней было само воплощение Зла. Ненависть не могла ни поглотить ее, ни противостоять ей.

Ненависть заговорила — если так можно назвать способ ее общения. Голосом ей служил запах, напоминающий запах вулканической гари. Слова же были подобны конвульсиям, судорогам сухожилий, неприятному скрежету суставов.

— Меня породило сознание человека. Именно там мои корни. Я уже забыла его, но меня вскормила его неистребимая жажда мщения. Ты же не человек. Почему ты здесь? Чего ты хочешь? — спросила Ненависть.

Азран, стоявший на склоне, не ответил, вместо этого он начал подниматься к вершине. Он прошел сквозь кольцо слабо светящихся туч, а вскоре миновал еще одно. Вершина оказалась острием серой скалы. Здесь и остановился Азран.

— В тебе много злобы. Я бы проглотила тебя, если бы могла. Давай поторгуемся. Подари мне свою злобу, и я стану королевой мира, — облизнувшись, произнесли губы Ненависти.

Но Азран, ничего не отвечая, уселся на край серой скалы.

— Ты многих убил. Убей и остальных... Я дам тебе армию, чтобы ты смог убивать, — она ринется в бой по первому твоему призыву. Зубы воинов будут блестеть в красном лунном свете, ты перебьешь всех людей, а я славно попишу...

Соглашайся, и я найду тебе прекрасную женщину. Ты разрежешь ее жемчужное тело ножом, украшенным драгоценностями, и найдешь под ее кожей рубины... Я знаю склеп, где люди заживо сожгли прекрасного мальчика, я покажу его тебе. У этого несчастного тела было, словно из алебастра, и волосы цвета белого вина... На севере есть множество гор, извергающих огонь. Мagma сбегает золотыми змеями на города у подножия каменных исполинов... На юге есть моря, которые набрасываются на землю, словно бешеные собаки... Соглашайся, и я подарю тебе все моря и горы. Соглашайся,— с жадностью прошептали губы Ненависти.

Азран опять ничего не ответил, он лишь вынул из рукава трубочку из прекрасной бронзы и начал на ней наигрывать. Когда зазвучала музыка, густые тучи, окутывавшие горы, начали рассеиваться и вскоре превратились в отдельные туманные фигуры, которые танцевали и обнимались под музыку.

Во рту у Ненависти пересохло.

— Не надо так со мной обращаться. Это тебе ничего не даст,— сказала Ненависть.

Тогда Азран вынул из плаща серебряную коробочку и рассыпал вокруг находившийся в ней порошок. Повсюду разлился удивительно сладкий запах.

Коричневые губы Ненависти скривились.

— Не делай этого. Мне это противно. Ты жестокий по своей природе, и мне кажется, что ты демон. Я уверена, что ты демон... Хорошо, будь демоном, пускай даже очень жестоким. Но не

лишай меня радости жизни. Я не буду мешать тебе. Мы станем друзьями, ты и я. Потому что когда-то давным-давно ты сам посадил то семя, из которого я выросла,— проговорила Ненависть.

Но Азрарн вынул из-за пояса единственный цветок, который нашел на земле. Он был сине-пурпурным, этот цвет мудрецы называют цветом любви. Когда Азрарн посадил его на голой вершине горы, цветок тут же пустыл корни в бесплодную скалу и через минуту превратился в прекрасное дерево, цветущие ветви которого потянулись к низкому небу.

— Однако ты плохо воспитан, мой незваный гость. Но мне не придется долго страдать. Взглядни на восток, и ты поймешь, что пришло время убираться отсюда,— сказал коричневый рот, несколько отстранившись, потому что цвет и запах цветов вызывал у Ненависти отвращение.

Азрарн повернулся и посмотрел туда, куда указал ему рот Ненависти. Там, сквозь разросшийся туман, пробивался слабый луч, похожий на желтый меч — первый признак зари.

Ни один демон не мог оставаться на земле, когда туда приходило солнце. Это было хорошо известно всем, и даже Ненависти.

Азрарн положил бронзовую трубочку рядом с серебряной коробочкой и облокотился спиной о цветущее дерево.

— Ты сказала уже достаточно, теперь пришла моя очередь. Никто не может встретиться с тобой, кроме меня. Но кому неизвестна изощренная хитрость демонов? Никто, кроме меня, не сможет тебя уничтожить,— прошептал Азрарн.

Ненависть широко разинула коричневые губы и продемонстрировала гигантскую утробу без зубов, языка и горла — бездонный колодец, который было невозможно заполнить.

— Разрушать — это моя привилегия, — сказала Ненависть. Затем ее губы вновь задвигались и добавили: — Свет все сильнее. Лучше бы ты ушел.

Но Азрарн стоял, облокотившись на дерево, как на шелковое ложе. Он равнодушно наблюдал за рассветом, занимавшимся на востоке, где теперь к желтому лучу по бокам присоединились два розовых. Азрарн закрыл глаза. Он даже улыбнулся, хотя его губы побледнели.

Рот в небе внезапно тоже побледнел, приобретя нездоровый грязно-белый цвет.

— Иди, тебе надо уходить. Демоны не могут встречаться с солнцем, — произнесла Ненависть.

Но Азрарн не двигался. Теперь на востоке поднимались уже десять лучей, семь серебряных и три золотых.

— Но ведь это глупо, ради чего ты жертвуюешь собой? Что для тебя значит мир? Пусть он исчезнет. Будут другие миры. Смотри, как ярко светит солнце. У тебя остался миг или чуть-чуть больше. Когда солнце всходит, как ты можешь думать о чем-нибудь другом! Думай об агонии этого света, света, от которого гибнет все, созданное демонами, и все демоны превращаются в пыль. Азрарн, Азрарн! — взвыл рот Ненависти, внезапно узнав князя демонов, дрожа и корчась. И от этого крика тучи вокруг закружились, а все вокруг загремело. — Ничего не может

быть хуже такой смерти. Убегай, Азрарн, улетай, Азрарн!.. В Нижнем Мире прохлада и тень. Ведь ты не любишь землю так сильно, чтобы пожертвовать из-за нее своей вечной жизнью,— прошептала Ненависть дрожащим голосом.

Теперь на востоке сверкали уже двадцать лучей: пять серебряных, двенадцать золотых и три из белой стали. Азрарн поднялся и встал под дерево. Все на небе и на земле задрожало от конвульсий, охвативших Ненависть. Но Азрарн был неподвижен, как скала и небо. Он смотрел прямо на солнце, как делают ныне орлы в память об этом взгляде князя демонов.

Каждый луч стал теперь белым, а под ними выглядывала кромка белизны, но не белой, а слепящей до черноты.

Солнце взошло.

Две тонкие иглы пронзили глаза Азрарна, две другие — его грудь и три — бедра. Темная дымящаяся кровь заструилась из уголков его губ, из ноздрей и кончиков пальцев. Князь демонов не кричал от боли, разрывавшей его. Казалось, агония длится столетия, и в каждый следующий момент она становилась все тяжелее, мучительнее и слаше, превращаясь в поющую тонкую боль. А тем временем подступала и ревущая боль. Затем, наконец, нахлынула золотая боль, самая страшная, и от нее должен был бы кричать даже Азрарн, князь демонов, но в ту же секунду он превратился в дым и пепел. Наступила тишина.

Ветер бросил пепел Азрарна в рот Ненависти.

Ненависть не могла вынести этого. Вскормленная людьми, она теперь должна была прогло-

тить любовь. Ненависть подавилась и задохнулась любовью. Любовью Азрарна, самой злобной из всех. Любовью его к земле, о которой забыли даже боги. Произошел яркий взрыв, и прогремел гром. Любовь демона к земле уничтожила земную Ненависть, так же как солнце уничтожило самого Азрарна.

* * *

Ненависть была уничтожена, но погиб и демон. Вслед за их смертью могла последовать лишь эпоха полной Невинности.

Лик земли сильно изменился: На месте прежних континентов плескались воды морей и океанов, горы рассыпались или стали еще выше, леса выгорели. Но где-то устремились в небо ряды новых деревьев, проросших из случайных семян. Человечество выжило благодаря вмешательству Азрарна. Теперь люди удивленно оглядывались вокруг. Без большой Ненависти маленькие ненависти, оставшиеся в людях, скжались, и пройдет еще немало веков, пока они вновь вырастут до своих прежних, грязных, естественных размеров. Но в те дни все люди стали братьями. Они обнимались, рыдали и вели друг друга из разрушенного прошлого в светлое будущее. Люди строили алтари и в тиши благословляли богов, которые снова не заметили этого. Не прошло и трехсот лет, и имя Азрарна позабылось, как забывается ночь после наступления дня.

Наступила, без сомнения, сказочная пора. Короли справедливо управляли подданными, воры и убийцы почти не встречались. Шрамы

быстро заживали. Земля купалась в цветах и плодах, высокие деревья укрыли плечи холмов, и даже горное пламя задремало в высоких голубых башнях. Говорят, что тигры ходили за молодыми девушками, будто собаки, и никогда их не трогали, единороги с золотыми рогами устраивали потешные битвы при свете ясного дня, каждый сороковой плод апельсинового дерева был сюрпризом, а коты научились очаровательно петь.

Только Драхим Ванашта погрузился в траур. Дрины расселись у своих холодных горнов среди заброшенных ржавеющих груд металла. Они стонали и хныкали, и их слезы стекали в черное озеро, на берегах которого стояли их кузницы. Эшвы плакали, и гладкие змейки, свернувшись кольцами в их длинных локонах, тоже роняли свои слезки. Но только ваздру поносили и проклинали человечество. Хотя ваздру с трудом могли плакать, из их глаз все же текла вода. Они надели траурные одежды желтого цвета, потому что солнце убило их любимого короля, они рвали на себе волосы и обжигали свои тела желтовато-зелеными бичами.

— Человечество оскорбило Азрарна! — кричали княгини ваздру. — Давайте выйдем на поверхность земли и заставим людей сгореть со стыда.

И вот однажды ночью ваздру посетили обновленную землю. Они, словно призраки, прошли по берегам морей, протиснулись сквозь высокие колосья злаков и пришли по дорогам в города. Свет ламп бросал отблеск на их одежды и пре-

красные, обезумевшие от горя лица. Проходя мимо жилищ людей, демоны ударяли по струнам музыкальных инструментов, бренчали систрами и громко провозглашали: «Азрарн мертв! Азрарн мертв!» Они бросали перед собой черные цветы и скреблись шиповником из черного железа в двери домов.

При их приближении собаки начинали выть, а соловьи замолкали.

— О ком они говорят? — удивлялись люди.— Кто такой этот Азрарн? Но он, должно быть, великий король, раз по нему так скорбят.— И люди с почтением кланялись взадру и предлагали им вино и деньги, не зная, что перед ними демоны. Но у взадру не осталось злобы на людей после смерти Азрарна, и они ушли, плача в темноте.

Однажды ночью на землю незаметно прбралась одна женщина эшва. Это была Жазэв, которую Азрарн вылил из кувшина, чтобы развлечь Дрезэма. Примулы больше не росли в ее волосах, в них снова притаились серебряные змейки. Она не плакала, поскольку постоянно думала о странных пейзажах, находящихся не то в мире, не то за его пределами — там, где деревья с сине-пурпурными цветами росли на бесплодных горных вершинах.

Жазэв искала такое место несколько лет. Она ходила к четырем концам земли, но вернулась, ничего не найдя. Наконец она заметила дорогу, ведущую в странном направлении. Эшва направилась туда, где умерла Ненависть,— но теперь уже ей не пришлось пробираться через горы, потому что они рассыпались, а сожженный не-

когда лес теперь зеленел. Поднявшаяся луна освещала ужасный шрам на небе, когда-то зиявшую, а теперь затянувшуюся рану в том месте, где рот Ненависти был вырван из неба. Под шрамом стояло дерево, такое же, как в мечтах Жазэв. Правда, теперь его цветы утратили нежный оттенок и серели, словно пепел.

Жазэв подбежала к дереву. Она поцеловала его стройный ствол и руками стала разгребать камни у его корней, пытаясь освободить их. От этого ее руки начали кровоточить, кровь капала на корни дерева, возвращая их к жизни. Наконец Жазэв освободила корни и взвалила деревце, оказавшееся очень легким, себе на спину. Она понесла его к плодородной земле. По пути ей пришлось сесть передохнуть, и дерево тут же запустило свои корни в плодородную почву. Жазэв огляделась и поняла, что они забрели в густой древний лес, переживший эпоху Ненависти. Ветви деревьев так плотно перевивались между собой, что под ними было темно, как ночью. К тому же стволы вековых деревьев теснились вокруг, будто стражи. Поэтому ни один луч солнца не проникал сюда даже в полдень. Увидев это, Жазэв сонно улыбнулась и ласково провела рукой по серой коре своего дерева

* * *

По краю древнего леса проходила дорога, а у дороги стоял дом, окруженный возделанными полями, фруктовыми садами и виноградниками.

У селянина, жившего тут, было семь дочерей, младшей из них исполнилось четырнадцать, а

старшей двадцать. Они рождались каждый год друг за дружкой. Все семь девушек были красавицами. Их мать умерла давным-давно. Девушек звали Флит, Флейм, Фоум, Фэн, Фунтин, Фейвор и Фейр.

Впрочем, сестры выросли не слишком скромными, несмотря на их невинный возраст. Их отец, грубый и бездушный человек, скучился наряжать своих дочерей. А в городе поблизости жил хитрый купец, торговец шелком, каждой из них он украдкой, бывало, говорил:

— Твое тело, так напоминающее магнолию, будет смотреться лучше в шелковых нарядах, чем в домотканых одеждах. Заходи ко мне как-нибудь вечерком, и я подумаю, чем тебе помочь.

Но ни одна из девушек так и не решилась прийти к нему. Они не хотели идти, поскольку, несмотря на всю свою наивность, отлично знали, что жирные желтые пальцы купца чаще касаются их тел, нежели рулонов шелка. Самая же младшая из сестер утверждала, будто он засунул себе в штаны какое-то животное, и оно шевелилось каждый раз, когда девушка склонялась, чтобы восхититься новыми образцами шелка, которые торговец не уставал ей показывать.

Но несомненно одно — старый разбойник думал о девушках, а они ни на минуту не забывали о шелках. И однажды ночью сестры придумали план.

Купец находился в дальней комнате своей лавки и подделывал записи в книгах, чтобы обмануть королевских сборщиков налогов. Вдруг в дверь стали осторожно скрестись.

— Кто там? — взволнованно спросил купец. В те времена было мало грабителей, но он, будучи сам нечист на руку, хорошо знал об их существовании и был готов к встрече с ними в любой момент.— Не забывайте, что мой дом охраняют шестнадцать слуг и дикая собака.

Но за дверью раздался сладкий голос:

— Это я, дорогой купец, Фейр, седьмая дочь фермера. Но если у тебя здесь дикая собака...

Купец подпрыгнул, обрадовавшись своей удаче, и настежь распахнул дверь.

— Проходи же в мою недостойную лавку,— воскликнул он, пропуская Фейр внутрь.— Здесь никого нет, кроме меня, ты ослышалась. Дикая собака! Какая чепуха! Не бойся, подходи ближе, и я подберу тебе шелк на платье. Однако я не смогу удовлетворить твой вкус, пока ты одета. Тебе придется снять свою одежду,— игриво сказал ей торговец.

Фейр быстро разделась. А купец тем временем облизывал губы и закатывал глаза. Фейр заметила, что странный зверь опять сидел в его штанах.

— Теперь встань здесь, у стенки, а я обмерю тебя,— сказал купец.

Фейр скромно повиновалась, и купец, не в силах больше сдерживаться, бросился на нее.

— Неужели все это так необходимо? — удивилась Фейр, когда он обнимал и целовал ее.

— Разумеется, да,— заявил купец, расстегивая штаны.

— Что-то я сомневаюсь в этом,— сказала Фейр и, повысив голос, позвала своих сестер.

Шесть девушек, ждавших снаружи ее сигнала, кинулись к сестре, размахивая различными предметами домашней утвари, которые тут же обрушили на купца.

— Это я, Флит, старшая дочь фермера! — за вопила Флит, ударяя его по левой голени большим крюком для мяса.

— А это Флейм! — закричала Флейм, ударяя по другой голени маленькой сковородкой.

— А это Фоум! — и девушка ударила купца по ягодицам.

— А это Фэн! — и уже другая красавица ударила его по спине.

— Вот тебе и от Фунтин, попробуй это! — провозгласила Фунтин, выливая на него холодное масло из кувшина.

— А я Фейвор,— добавила Фейвор, ударяя его по голове щипцами.

Купец заорал, запрыгал и, поскользнувшись на разлитом масле, растянулся на полу. Тогда семь девушек стали немилосердно его бить, пока несчастный не взмолился, предлагая сестрам забрать весь шелк, который они смогут унести, лишь бы они оставили его в покое. Последствий такого предложения торговец не мог предвидеть, поскольку дочери фермера предусмотрительно захватили с собой отцовскую телегу, запряженную быками, и теперь нагрузили ее доверху. Купец выл и заламывал себе руки.

— И не вздумай никому рассказывать, что мы были здесь,— посоветовала Флит.

— Ты можешь сказать, что на тебя напали разбойники,— предложила Флейм.

— Если ты решишь поступить иначе,— начала Фоум.

— И если ты попытаешься обвинить нас,— поддержала Фэн.

— Если случится что-нибудь в этом роде,— добавила Фунтин.

— Мы расскажем, как ты заставил нашу младшую сестру стоять голой у стены твоей лавки,— продолжила Фейвор.

— И собирался выпустить злобного, дикого зверя, вероятно диковинную собаку, из своих штанов и натравить ее на меня,— закончила с негодованием Фейр.

Поэтому купец разбудил весь город криками о напавших на него двадцати гигантских чернобородых разбойников с окованными железом палками, а сестры тем временем уехали домой на телеге, забитой шелком.

Но когда нагруженная телега приблизилась к их дому, в том месте, где дорога подходила близко к древнему лесу, сестры увидели в лунном свете прекрасную женщину.

— Должно быть, она очень богата. Смотрите, у нее в волосах серебряные змейки, так искусно сделанные, что кажутся живыми,— решила Флит.

— Но посмотрите, у нее руки в крови,— заметила Фейр.

— Что же она хочет от нас? — спросила Фэн.

Когда женщина подошла ближе, быки вздрогнули и остановились, закрыв глаза.

Женщина трижды обошла вокруг телеги, изучая каждую из сестер по очереди, а затем по-

шла вверх по дороге и вскоре свернула в темный лес.

— Она, наверное, дух,— сказала Фоум.

— Или изгнанная княжна,— предположила Флейм.

Фунтин и Фейвор надменно фыркнули.

Демонов всегда привлекает запах озорства, поэтому Жазэв и вышла к девушкам. Но теперь она вернулась к дереву с серыми цветами и обняла его. Чуть позже она начала танцевать на плоской мшистой поляне между близко стоящими стволами старых деревьев:

Это был дикий танец, призванный разбудить ночь, танец,зывающий различные существа и создания. Первым прискакал черный заяц и сел, изумленно глядя на Жазэв своими круглыми бесцветными глазами. Затем появились лисы. Казалось, они даже не заметили зайца. Пришли два оленя с острыми, словно кинжалы, рогами; слетелись совы, крылья которых напоминали развевающиеся флаги, пришел старый лев с седой, как дым, гривой. К полянке подкрадывались также жители глубоких лесных омутов и болот, вызванные безмолвным танцем эшвы. Наконец, с востока в лес прилетел ветер, привлеченный ее чарами. Когда Жазэв услышала шум листвы на деревьях, она распустила свой шарф, и ветер подхватил его, раздувая, словно парус. Но Жазэв быстро связала концы шарфа узлом так, что ветер не мог вырваться на свободу — демоны обладали достаточной силой, чтобы провернуть такой фокус. Потом эшва перестала танцевать. Животные разбежались. Ветер вырывался из шар-

фа, жалуясь на свою судьбу, и тогда Жазэв надежно привязала шарф к ветвям дерева с серыми цветами.

* * *

Семь дочерей фермера сшили шелковые пластия, но не отваживались носить их днем, боясь разоблачения. Со временем у них появилась привычка одеваться на ночь глядя и подкрадываться к кромке древнего леса. Здесь они прогуливались, воображая себя княжнами и обсуждая погоду, чем, судя по слухам, только и занимаются дочери князей, потому что все остальное им подвластно и поэтому не представляет никакого интереса.

— Как странно, что сегодня нет восточно-го ветра,— произнесла Флит.

— Уже несколько дней безветрие,— отзвалась Флейм.

— Корабли стоят в море из-за штиля,— добавила Фоум.

— И ветряные мельницы приходится крутить людям,— посетовала Фэн.

— Что касается птиц, то они сидят на заборах и курлычат, поскольку не могут парить в воздушных потоках,— отметила Фунтин.

— А пугала не шевелятся и не отпугивают голубей,— сказала Фейвор.

— Зато неприятный запах от кучи мусора больше не доносится по утрам до виноградников,— заключила Фейр.

В этот момент сестры заметили фигуру, стоящую перед ними среди деревьев. Это была та

самая прекрасная незнакомка, которую они встретили в ночь ограбления.

— Чего она хочет? Похоже, она зовет нас за собой. Но мы не должны этого делать,— говорили девушки друг другу, не замечая, что уже следуют за таинственной женщиной.

Перед ними встал черный и таинственный лес, но сестры не боялись его. Женщина вела их все дальше и дальше в лесную глуши, но сестрам почему-то не хотелось поворачивать назад. Наконец они подошли к дереву, совсем не такому, как другие. На его ветках росли серые цветы, а в ветвях сам по себе развевался шарф.

Пока девушки смотрели на дерево, Жазэв начала танцевать. Но на этот раз никто не вышел на опушку леса, поскольку второй танец предназначался для дерева, для ветра, привязанного в ветвях, и для семи девственниц. Внезапно сестры тоже стали танцевать, не пугаясь и не удивляясь этому, будто бы они каждую ночь, одетые в шелка, взявшись за руки и повторяя движения женщины со змейками с волосах, кружились в древнем лесу около дерева с серыми цветами.

Они танцевали до тех пор, пока ими не овладела чудесная пульсирующая слабость. Тогда семь девушек опустились на траву вокруг ствола дерева, их головы легли на упругий мох, а глаза мечтательно затуманились. Жазэв проскользнула между ними и, дотянувшись, быстро развязала узел шарфа, выпустив на свободу восточный ветер. Ветер яростно рванулся на волю. Он хлестнул по дереву и встряхнул все цветы с та-

кой силой, что серая пыль с их лепестков слетела густым облаком. Это был пепел. Именно он сделал цветы пепельно-серыми. Теперь ветер подхватил его и, закрутившись вихрем, сбросил его вниз. Пепел осел на семи девах, лежащих под деревом, и в этот момент все они застонали и начали извиваться, будто бы какая-то невидимая волна удовольствия захлестнула их. Затем каждая из них несколько раз громко вскрикнула и потом успокоилась. Пепел исчез, а ветер улетел. Жазэв вздохнула и тоже ушла, чтобы терпеливо ждать.

Утром семь дев проснулись в древнем лесу, одетые в шелк. Красавицы вспомнили необычное приключение и покраснели. Над их головами возвышалось дерево с сине-пурпурными цветами. Теперь оно было не таким, каким они запомнили его ночью.

Смущенные ночным происшествием, перешептываясь и хихикая, девушки медленно пошли к дому. Дома они сбросили шелковые платья и юркнули в постели.

Через несколько месяцев ничего уже нельзя было скрыть.

— Мои бедные дочери! Все семь потеряли невинность. Все семь беременны,— причитал селянин.

И правда, все признаки случившейся беды были налицо. Поэтому семь красавиц с большими круглыми животами лишь скромно опускали глаза.

— Кто тот негодяй, или их было несколько? — орал селянин.

- Сон,— пробормотала Флит.
- Сон о дереве,— добавила Флейм.
- Цветок с дерева,— прошептала Фоум.
- Нет, ветер,— возразила Фэн.
- Горячий ветер,— подсказала Фунтин.
- Пепел в ветре,— пощептала Фейвор.
- Нет. Это был прекрасный мужчина с черными волосами и глазами, как горящие угли,— проговорила младшая из сестер, Фейр.

— Стыд и позор! — ревел отец. Но соседям он сказал, что все его дочери заболели и их странная болезнь очень заразна. Поэтому он запер сестер дома и никого к ним не подпускал. Селянин по-прежнему утверждал, что они невинны, хотя их болезнь длилась уже семь месяцев.

В последний день седьмого месяца после захода солнца семь сестер, как одна, вскрикнули и упали на кровати. Семь часов продолжались их стоны. В последнюю минуту седьмого часа каждая из семи сестер испустила победный крик.

Старая служанка, помогавшая при родах, закричала вместо рожениц. Прибежавший на ее крик отец хорошенко встряхнул ее:

- Говори же, сыновья или дочери?
- Прислужница, придя в себя, ответила:
- Уверяю вас, что я ни разу не видела ничего подобного за всю свою долгую жизнь. Флит родила маленькую ручку, Флейм — другую ручку, и, разрази меня гром, если Фоум не родила ножку, а Фэн — другую ножку, тогда как бедная Фунтин — целое туловоище, а Фейвор — головку.

— А Фейр? — прошептал фермер.

— Как сказать, не уверена, что смогу назвать то, что родила Фейр, но остальные заверили меня, что это был прекрасный образец, — мудро ответила служанка.

Фермер заплакал. Успокоившись, он приказал собрать в простыню все части детского тела, появившиеся столь неестественным образом, и похоронить. Но как только эти части были завернуты в простыню, внутри нее что-то начало корчиться.

Фермер убежал, а умная прислужница заглянула внутрь и увидела, что разрозненные части чудесным образом соединились, и теперь в простыне лежало целое и невредимое дитя поразительной красоты.

— Интересно, у какой же из сестер найдется молоко, чтобы вскормить младенца? — произнесла служанка.

Не успела бедная женщина прийти в себя, как ей пришлось пережить еще одно испытание. Оказалось, что ни у одной из сестер не было молока, но оно и не понадобилось. Обернувшись к ребенку с возгласом сожаления, служанка обнаружила, что он успел вырасти. И действительно, теперь на простыне лежал красивый мальчик примерно одиннадцати лет.

— Ого, мой цыпленок, похоже, ты справишься сам, — воскликнула служанка.

А ребенок тем временем чудесным образомрос, и вскоре на простыне лежал уже прекрасный юноша с черными волосами. Он выглядел настолько возбуждающе, что старая женщина

задрожала. Потом юноша превратился в мужчину. Он лежал, раскинув руки, на полу. Казалось, его обнаженное тело излучало темный свет и сияло божественной красотой. И восемь охваченных благоговейным страхом женщин трепетали над ним. Лицо спящего лишило их дара речи.

Внезапно Фейр, младшая из семи сестер, подошла к окну и увидела на востоке желтый луч, предвестник восходящего солнца. Что заставило ее поступить именно так, она так никогда и не узнала, но девушка поспешно подошла к этому чудесному мужчине и, встав перед ним на колени, поцеловала его в губы и прошептала:

— Азран, проснись, солнце уже возвращается на землю, а тебе надо успеть вернуться в свое королевство.

Веки мужчины затрепетали, и два темных огня внезапно сверкнули между острыми ресницами. Азран улыбнулся, прикоснувшись прохладными пальцами к губам Фейр. И тут же исчез.

Комната снова наполнилась восклицаниями. Тем временем черный орел, расправив широкие крылья, незримо поднялся с земли в небо и бесследно пропал.

Через мгновение взошло яркое солнце.

ЧУДОВИЩЕ

ЧУДОВИЩЕ

трана была охвачена смутой, из Города Тысячи Куполов на Вольный Север бежали люди, объявленные вне закона.

— Как нас там примут? — спрашивали они друг друга. Усталые, скакали изгнанники на закат по зеленой от виноградных лоз провинции и видели впереди город с изящ-

ными старыми домами и наклонными стенами. В желтом свете зари страна казалась мирной. Но они знали, что это впечатление обманчиво.

— Мы несем с собой тревогу и беду. Если жители этих мест выслушают нас и придут на помощь, их тоже ожидает война...

Но недаром Маристар была вольной северянкой. Она знала, чем живет ее страна, знала, что к югу, из столицы, расползается смерть...

Один из городов Севера отворил ворота и гостеприимно принял беженцев, дал им пищу и вино. Горожане запалили лампады и дали несчастным возможность высказать все, что накопилось в их разбитых и опаленных гневом сердцах.

В последние годы Город Тысячи Куполов изменился к худшему — что случилось, то случилось. Север не понаслышке знал, что такое безумие мятежа. Граждане презрели закон и отступились от религии. Теперь они добывали хлеб свой жестокостью и подлостью и возвели в ранг добродетелей грязь, лохмотья, безобразие, ибо им сказали, что все вещи созданы равными, а следовательно, и люди должны быть равными, никто не может быть лучше, чем другой, ничто не смеет противоречить замыслу природы... Поскольку уродство стало фетишем, к нему время от времени стремились привлечь внимание — например, украшая его каким-нибудь извращенным способом.

Днем на башнях сидели, нахохлясь, вороны, а ночами по улицам текли живые реки из разжиревших на мертвчине крыс. Метрополия

теперь поклонялась новой богине, непрестанно требовавшей все новых жертв. Обо всем этом изгнанники поведали в городе вольной северянки, стоя на площади, освещенной многочисленными светильниками. Собралась огромная толпа, люди теснились в окнах и на балконах, и на крышах молчаливо и сочувственно внимали горожане. Даже звезды глядели вниз.

— Целый год мы сражались,— говорил тот, кому беглецы доверили вести рассказ.— Прибегали к законным методам, все еще признаваемым в столице... Мы не брезговали и заговорами, и ударами из-за угла. Мы стремились вернуть в наш проклятый небесами город толику здравомыслия, толику справедливости. Но проиграли и были вынуждены бежать из страха за свою жизнь.— При этих словах он закрыл лицо руками и заплакал, а толпа зароптала.

Слово взял другой изгнаник. Он заявил, что столицей ныне правят иноземные правители-марионетки, они упиваются властью, но избегают сути самого этого слова — власть. Конечно же, они твердят, что и сами равны всем остальным. Они — злобные безумцы, колдуны. Но они сумели зачаровать все живое в городе, и людей, и зверей, и птиц. Они подчиняют своей воле мужчин и женщин, и крысы готовы растерзать в клочья любого, на кого они укажут. Вороны служат им шпионами.

— По милости этих безжалостных чудовищ нам пришлось бросить на произвол судьбы товарищей, томившихся в черных речных казематах. Друзья нас предупредили о грозящей опас-

ности, и мы скрылись, а им пришлось взойти на эшафот вместо нас.

А затем изгнанники заговорили об армиях, восставших на Севере, о походе на засевший в городе подлый сброд. Любой ценой необходимо разгромить его и свергнуть гнусных магов, положить конец царству террора.

Пусть те, кто правит в столице,— волшебники, но они — смертны. Их можно убивать.

Беглецы упомянули некоторых тиранов, и хотя вольные северяне уже слышали многие из этих имен, они с содроганиями внимали несчастным. Особенно их возмутил рассказ о злодеяствах некоего Чаквоха, чья дурная слава давно разлетелась по всему свету. Говорили, что даже его письмена и речь насыщены ядом. Прочтешь написанное им — ослепнешь. Злоба, сосредоточенная в его голосе, способна была убить или свести с ума. Многие годы Чаквох страдал от страшной болезни, от него за версту веяло смрадом. Но куда опаснее была зараза, содержащаяся в его слюне. Возможно, слюна, вернее, живущие в ней паразиты, подпитывали недуг, но не решались покончить с Чаквохом.

Незадолго до полуночи умолк последний измученный рассказчик, и тогда зашумела толпа. Вольные северяне потрясали кулаками и клялись не дать беглецов в обиду. Из толпы выскочили пылкие молодые провинциалы.

— Мы будем вашей армией! Мы пойдем с вами! Мы не пустим в нашу страну гнус, пожравший Город Тысячи Куполов! Но как справиться с этой напастью? Скажите, что от нас требуется?

После этого были зажжены новые светильники и початы новые бутылки вина. Предстоящую кампанию следовало обсудить. А когда в небе забрезжил рассвет, изгнаник, тот самый, что плакал, сказал сидевшему рядом горожанину:

— Друг мой, ты не знаешь, что это за молодая женщина минуту назад стояла вон на том балконе? Сначала за ее спиной был высокий мужчина в белом, но он ушел, и с ней остался только старый слуга. Ее красота несравненна, увидишь — запомнишь на всю жизнь.

— Судя по твоему описанию, это Маристар, — ответил горожанин.

— Наверное, она притомилась и пошла домой отдохнуть, — проговорил беглец. Мысли его отвлеклись от справедливой войны, но вряд ли можно строго судить его за это — вольная северянка Маристар была настоящая красавица.

Но тут в сердце изгнанника вернулись боль, гнев и надежда, и он забыл о женщине с балкона.

Маристар, вольная северянка... Она была красавицей, это правда. Кожа белая, как дорогой лучистый мрамор. Темные лоснящиеся волосы. Черные сияющие глаза, чей взор, казалось, на всегда устремлен в дальние дали. Многие достойные женихи предлагали ей руку и сердце, но она не желала расставаться с отцом. Она ушла с площади в свой старый дом и уселась у окна, залитого рассветным багрянцем и написала отцу: «Прости меня. Настало время исполнить мой долг. Молодые мужчины будут сражаться, они создадут армию, которую враги разглядят издали и на которую обрушится вся мощь Города

Тысячи Куполов. Но я — женщина, и в одиночку мне удастся пройти незамеченной».

Она была скромна. Когда она шла по улицам, все оборачивались и смотрели ей вслед. Как раз этим утром, когда Маристар возвращалась домой, с крыльца соседней церкви ее провожал взором высокий мужчина в белом.

Маристар была не только красавицей, но и провидицей. Она видела очень далеко. Пока ораторы изливали кипучий гнев, она внимала тихому голосу своей души. «Они сразятся с волшебниками,— думала Маристар.— Что, если колдуны еще до решающей битвы отправятся в мир иной? Тогда у нас будут реальные шансы победить».

Она выбрала своей жертвой Чаквоха, самого злобного мага, по прозвищу Зверь, и самого, возможно, могущественного из великих тиранов, покоривших Город Тысячи Куполов. Она увидела внутренним взором его подлые деяния, о которых с таким негодованием поведали изгнанники. А еще увидела себя. Себя, такую красивую и чистую, рядом с ним, чудовищем, источающим яд. Абсолютные противоположности, как полюса магнита. Не потому ли их притягивает друг к другу?

Другая бы на ее месте гляделась в зеркало и гордилась собой, но провидица Маристар, сколько себя помнила, недоумевала. Зато теперь поняла все сразу. Она — чистый сверкающий меч, выкованный для одного-единственного смертоносного удара.

Поэтому она рано утром покинула отчий дом и город, где прожила всю жизнь, и зеленую от-

виноградников провинцию. Она направилась на юг и добралась до ближайшего города, оттуда — до следующего... В конце концов она села на ви- давшую виды черную колесницу, и та разбитыми дорогами повезла ее в Город Тысячи Куполов.

На Маристар был неопрятный наряд простолюдинки, распущенные и нечесаные волосы доставали до талии по последней столичной моде. Иногда горожанки вплетали в волосы кроваво-красный цветок, проколотый крошечным стилетом.

Когда повозка приблизилась к городу, Маристар увидела на холмах признаки беды — выжженные и усеянные трупами поля, деревья, с чьих ветвей свисали на ярких лентах черепа, высокие, украшенные гирляндами виселицы из витого железа; на них покачивались казненные. Раз или два пастухи перегоняли отару через дорогу, и колесница останавливалась. Девушки-пастушки носили за поясами пистолеты, а одна держала в руках длинную пику с аляповатой ухмыляющейся маской вместо флюгера. Девицы тоже злобно ухмылялись, даже овцы выглядели непривычно: безобидные животные сменили свой окрас на алый и охряный, их зубы удлинились и заострились. Они не блеяли, а хрюпели, булькали горлом и кашляли. Создавалось впечатление, будто они с трудом осваивают человеческую речь.

У городской стены Маристар оказалась на закате. В меркнущем небе увидела тысячи черных куполов, бесчисленные огни и столбы дыма, поднимающиеся над адскими котлами. Куда она попала? Здесь еще хуже, чем рассказывали бег-

лецы. Но Маристар не дрогнула. Она сознавала свою задачу, свое предназначение; она даже понимала, какая кара ее ждет. Она смирилась с неизбежным, и страх был над нею уже не властен.

У городских ворот в повозку заглянули люди с гнилыми зубами. Они велели Маристар выйти. Одному из привратников недоставало глаза, зато он носил повязку с надписью: «Гляди! Я потерял око». Буквы были вышиты из драгоценного бисера.

— Сестра, зачем ты приехала в наш город?

В столице все вещи и люди считались равными. Жители называли друг друга братьями и сестрами, любое иное обращение каралось законом. Привратники были из Гвардии Братства, на лохмотьях они носили кроваво-красную эмблему богини Разума.

— Я приехала, чтобы примкнуть к славным вольным женщинам вашего города,— спокойно молвила Маристар.

Такой ответ пришелся гвардейцам по сердцу. Произвела впечатление и яркая внешность гостьи, хотя обычно красота вызывала у них презрение.

— У тебя гладкие руки,— сказал один из привратников.— Белые, чистые, мягкие, как лебяжий пух.

— Служа Чаквоху, я получу шрамы и прочие знаки чести,— пообещала Маристар.— Я прибыла, чтобы предложить ему себя целиком, ибо даже в безвестном городишке, где я родилась, слова его звенят набатом. Я теперь рабыня Чаквоха и скоро припаду к его священным стопам.

Этим она окончательно расположила к себе гвардейцев. Ее пропустили беспрепятственно и даже угостили на прощание мутным, убийственным на вкус коньяком. Очевидно, имя Чаквоха здесь приравнивалось к охранной грамоте. Никто не рисковал посягнуть на его имущество.

Маристар неторопливо шагала по улице. В узкие переулки она не сворачивала — оттуда доносились горловое бульканье и кашель и под фонарями рубиново отсвечивала шерсть. Мимо девушки не раз проносились колесницы, из домов до нее доносились пьяные возгласы. Высокие, прежде величественные здания выглядели жалко, куда ни глянь — следы междуусобицы, терзавшей город с самого начала перемен. В стенах зияли огромные бреши, оконные стекла были разбиты, двери раскрыты настежь. Их обитатели уже ни от кого не таились. И жилища их выглядели убого. Повсюду шли склоки, дебоши, даже потасовки...

По тротуарам фланелировали стройные и обрюзгшие проститутки. Из их шевелюр, похожих на вороньи гнезда, торчали перья и ножи. Встречались шайки мужчин, некоторые хватали Маристар, но она с такой уверенностью произнесла имя Чаквоха, что ее тотчас отпускали. Потом к ней прицепился горбун с одним плечом выше другого. Зловонные лохмотья на его задранном плече были украшены драгоценным бисером. Услышав, что Маристар идет служить Чаквоху, горбун рассмеялся и сказал:

— Я тоже оказываю услуги этому могущественному брату.

На одной из улиц Маристар увидела шеренги восковых фигур. Это были посмертные изображения многочисленных жертв городских головорезов и палачей. Было и несколько статуй богини Разума.

Маристар не дрогнула.

Она пришла на площадь, где вовсю искрила, чадила кузница, и сказала кузнецу, что хочет купить нож.

— Ты посмотри, что я тут плавлю,— проговорил он. — Это церковный колокол и чаши для святой воды. Из них я отолью пушечные ядра и мечи. Гляди, вот этим ножом даже паучка можно выпотрошить... Что и с тобою случится, ежели нарушишь закон. Не иначе ты, красотка, затеяла перерезать горло сопернице. Угадал?

— Нет,— ответила Маристар.— Мне нужен нож, чтобы служить Чаквоху.

Дерзость тотчас сменилась угодливостью. Кузнец дал нож и отказался от денег.

Маристар прошла по каменному мосту над городской рекой. Все статуи, некогда украшавшие мост, теперь лежали грудами щебня. Перебраться через них было нелегко. В дни праздников мосты бывали почти непроходимы — на них сваливали трупы. В черной реке иногда всплывали к поверхности рыбы. Иные из рыбин на мертвчине росли как тесто на дрожжах, размером они были с собаку, а их бледные глаза светились, словно поганки в ночи.

У реки возвышалась городская тюрьма с узкими бледными глазницами окон, похожих на очи чудовищных рыб. Тюрьма уставилась во тьму,

словно искали добычу. Но и она не испугала Маристар.

Девушка не замедляла поступи, пока за мостом ей не преградил путь высокий мужчина в белом. Впрочем, он тотчас сошел с дороги и исчез. Потом Маристар шагала по длинной неосвещенной набережной, слушая шорохи и писк крыс, иногда замечая блеск голодных хищных глаз. Но и здесь достаточно было прошептать:

— Чаквох.

Она знала, что и крысы ее не тронут.

Не было необходимости расспрашивать прохожих — заблудиться Маристар не могла. Изгнанники подробно описали обитель колдунов. Она легко нашла дом Чаквоха. Высоченный, он грозно нависал над обветшальными соседними зданиями, где жили только суетливые крысы. Над непропорционально большими для этого строения дымовыми трубами вился пар, растекался в беззвездной ночи. Тускло сияло лишь одно оконце под самой кровлей. «Должно быть, это его рабочий кабинет или лаборатория», — предположила Маристар. Но и здесь она не дрогнула.

Девушка постучала в дверь. Молотком служила отсеченная человеческая рука. Нет, не настоящая, выточенная из белого камня.

На стук отклинулась стонами и криками добрая сотня голосов. К ногам Маристар прокользнула огромная, со спаниеля, крыса и обратилась к девушке на языке людей. Однако произношение крысы было ужасным.

— Чего надо? — спросила крыса.

— Я ищу моего брата Чаквоха.

- Чего ради?
- Чтобы стать рабыней Чаквоха.
- У нас нет рабынь, только добровольные помощницы.
- Да, но пусть лучше меня поправляет сам Чаквох.

— Тогда пошли.

Крыса лизнула дверь, и та со скрипом отворилась. За ней оказался безлюдный вестибюль. В углах высились кипы старых бумаг, занавешенных пыльной паутиной. Все кругом, в том числе бумаги, было надежно защищено от гниения слоем позолоты. Позолота была и на длинной лестнице, на разбитых плитках.

Маристар пошла по ступенькам. На каждой площадке она обнаруживала запертые наглухо двери. У некоторых деревянные филенки рас трескались, широкие щели позволяли заглянуть в непроницаемую мглу. В конце концов она решила, что добралась до чердака. Двери там не оказалось, лестница привела в запущенную комнату. В ней из мебели были только деревянный стул и лампа, которую держала статуя из ржавого железа, изображавшая змею с женскими головой и руками.

— Чего тебе надобно, сестра? — спросила статуя.

- Повидать моего брата Чаквоха.
- Чаквох принимает ванну. Придется тебе подождать.
- Спасибо, сестра. — Маристар села на неудобный стул и сложила руки на коленях. Кинжал покоялся в ложбинке на груди.

Истек час. Вдалеке колокол возвестил полночь. Он обладал человеческим голосом, и все двенадцать дымовых труб отклинулись, произнеся по зловещему слову. Маристар удалось различить слова «пагуба», «отчаяние», «ненависть», «ложь», «удушение». Остальные слова прозвучали совсем невнятно. С улиц доносились пронзительные крики и рычание, глупый смех и злобное хихиканье, а иногда — лязг мечей и вопли умирающих. Наконец Маристар встала.

— Чего тебе надобно, сестра? — повторила женщина-змея.

— Можно ли теперь пройти к моему брату Чаквоху?

Помедлив, статуя ответила:

— Да, ступай.

В тот же миг в стене появилось отверстие — неровная брешь. Но каждую трещинку, каждый крошечный выступ излома украшала жемчужина или топаз.

За отверстием Маристар увидела лестницу, ведущую в невообразимую глубь, подобно тому как первая лестница вела в невообразимую высь. Но Маристар отважно ступила на нее.

Наконец она добралась до нижней ступеньки и поняла, что находится над огромной клоакой, заполненной темной водой. Вода растекалась в разные стороны по широкому главному и узким боковым руслам. Наверное, они протянулись под всем городом. Вода была подернута зеленоватой ряской, чье свечение и озаряло это место. Под лестницей в главный канал вдавалась платформа; как только Маристар ступила на нее,

из бокового канала выплыло странное существо. Оно быстро двигалось к МариСтар и вдруг, схватившись за край платформы, наполовину вынырнуло. Разумеется, это был не кто иной, как Чаквох. Он еще не совсем утратил человеческий облик, но тело уже приняло самые худшие черты точившей его болезни. Оно покрылось жесткой чешуей. Чаквох необратимо и, похоже, час от часу все быстрее уподоблялся крокодилу. Только руки и бледное лицо с ярко-красными глазами больше смахивали на крысиные.

— Сестра, ты должна меня извинить,— прошептал он.— Увы, только здесь мое несчастное тело находит уют.

Он ощупал девушку взгядом крысиных глаз. Маленькая цепкая пятерня легла ей на ногу. МариСтар не дрогнула.

— Сестра,— прошипело чудовище.— Очаровательная сестра, что тебя сюда привело?

— Я пришла назвать имена предателей, которым недавно удалось от тебя сбежать.

— Ах вот оно что! — воскликнул Чаквох и ухмыльнулся. Выглядело это поистине жутко.— Погоди! Мое стило.— Он выдернул из-за уха длиннющее перо —казалось, оно доставало до потолка.— Чернила! — Он воткнул перо себе в руку, и тут зашипела, запузырилась темная кровь. Он писал в воздухе, и кровавые буквы смердили и сочились ядом.

«Имена предателей...»

— Даю слово, они умрут в муках,— сказал он.

МариСтар наклонилась к Чаквоху и нанесла удар в верхнюю часть груди, еще не заросшую

чешуей. Клинок дошел до сердца. Чаквох пискнул — скорее, это напоминало свист. Он конвульсивно приподнялся над платформой и рухнул на бок.

Кровь, хлеставшая из раны, была не такого цвета, как слова. Черная. И там, куда падали капли, дымилась платформа.

— Ты меня убила! — сказал Чаквох.

— Да, — подтвердила Маристар.

— Теперь ты и в самом деле моя рабыня.

И с этими словами он испустил дух.

Маристар с презрением пнула мертвца и выбросила из головы зловещее заявление чудовища. Отвернувшись, она застыла в спокойном ожидании кары.

Очень скоро вокруг поднялись рев и вой. Город почувствовал смерть колдуна. Полчища крыс взяли Маристар в кольцо, прожигали ее ненавидящими взглядами. Вот-вот они разорвут ее в клочья... Девушка приготовилась достойно встретить смерть.

Но тут появились люди. Мужчины, затем женщины. С факелами в руках они сбегали вниз по лестнице. Плакали. Визжали. Маристар схватили за руки.

— К богине! — кричали они. — Мы отдадим тебя богине!

— Я не буду сопротивляться, — сказала Маристар. — Я сделала то, для чего пришла. Зверь мертв.

Но ее не слушали. Ее повлекли в зловещую мглу. Ее били, царапали, оплевывали, проклинали и заклинали. Потом ее бросили в темницу, в

подземелье под толщей вод, где было чернее, чем в безлунной ночи.

Перед рассветом во мраке раздался голос, и Маристар узнала свой приговор. Как уже было обещано, ее ждала встреча с богиней.

Но глаза Маристар смотрели вдаль. В ночи сияла ее белая кожа. Она ничего не сказала. Она сделала то, ради чего пришла.

На закате ее отвели в храм, где равные поклонялись новой богине. Это был амфитеатр, на его ярусах под открытым небом сидели многие тысячи равных, ни одно место не пустовало. В центре арены возвышалась платформа, а на ней — два столба. Между ними привязали Маристар, да так крепко, что она не могла ни охнуть, ни вздохнуть. Затем гвардейцы, втащившие ее на помост, отошли к ограждению арены. Загремели барабаны, заревели рога, прихожане захлопали и закаркали, пробуждая богиню Разума, моля ее явиться и принять жертву — злодейку, которая посмела поднять руку на святейшего из сыновей города. Небо померкло, близилась ночь.

— Как она узнает, что богиня близко? — спросил гвардеец в праздном разговоре с приятелем, когда Маристар везли в колеснице.

— По тени и шелесту крыл, — со смешком ответил другой. — А потом — по удару острого клюва.

Пока Маристар ехала к амфитеатру, горожане выли, потрясали кулаками и проклинали ее. Судя по жестам, они бы с радостью растерзали ее в клочья. Но она предназначалась в жертву боги-

не и потому не получила ни царапины. Некоторые горожане распевали и плясали вокруг колесницы и описывали, как Маристар умрет, когда клюв богини Разума вонзится в ее плоть. Дети, собравшиеся по обе стороны дороги, ели конфеты из жженого сахара. Кое-где уличные торговцы продавали свиную кровь, в нее макали разные цветы, чтобы придать им правильный цвет.

Но и тогда, и теперь, в амфитеатре под открытым небом, Маристар ничуть не испугалась.

Она молча стояла между столбами. Взгляд был устремлен вдаль.

— Я — меч. Сломайте меня. Я согласна. Да восторжествует чистота! Зверь мертв. Я не просто жертва безумцев. Я мученица, искупющая грехи целого мира.

Но в этот момент зоркие очи Маристар заметили в толпе высокого мужчину в белом, и она поняла, что уже видела его раза два, а то и три. Кто это? Он что, следовал за нею с Севера? Чтобы спасти? Нет, о спасении нечего и мечтать.

В небесной жаровне погасли последние угольки. Небо окрасилось в черное. По амфитеатру заметался яростный ветер, играя в одежде и волосах, гремя цепями Маристар.

— Богиня! Пусть явится богиня! Богиня Разума!

Толпа стенала и ревела. На Маристар упала черная, как морская пучина, тень, и девушка услышала шелест крыльев. Ее пронзила холодная боль, но она поняла, что это всего лишь порыв воздуха. Цепи спали, Маристар обнару-

жила, что она в небе, в крепких мужских объятиях. Этот человек был выше всех, кого ей доводилось встречать на своем веку,— настоящий великан. Его светлые кудри разевались, раскинутые белые крылья поднимались и опускались, как лебединые, и он нес ее все выше, выше...

— Ты спасаешь меня? — спросила Маристар.

— Можно и так сказать,— вежливо ответил тот.

— Куда мы летим?

О Вольном Севере девушка не заговаривала, она знала, что ее уносит ангел смерти.

— Ты повидала город под названием Ад-на-Земле,— сказал ангел, поднимая ее все выше и выше на лебединых крыльях; так высоко, что солнце почти скрылось из виду далеко внизу, превратилось в тускло мерцающий светильник.— Тебе следует посмотреть и на другой земной город.

Они описали громадный круг. Отброшенная, точно камень, вращалась ночь. Снова расцвело солнце.

Внизу, среди зеленых летних лугов, лежал город с сияющими крышами и куполами, и серебряная река делила его надвое. Ангел произнес священное заклинание и обернулся белым голубем, а Маристар — жемчужно-серой голубкой. Они вместе опускались к сияющему городу, и в сердце провидицы, голубки, красавицы созрела догадка: «Это дело моих рук. Доброта восторжествовала. Вот что ждет землю».

На лугах девушки рвали цветы, резвились овцы, солнце окрашивало их в цвета янтаря и

роз. Квадратные овечьи зубы мирно щипали траву. Деревья были украшены бумажными розетками... Даже пугала в огородах щеголяли гирляндами. У распахнутых настежь городских ворот отважные молодые люди в мундирах и при многочисленных наградах вежливо отдавали честь входящим и выходящим. Все женщины были красавицы, все мужчины им под стать. На лицах — непоколебимое спокойствие и оптимизм. Занимаясь делами или прогуливаясь, они распевали нежные и веселые песни. Через ворота прошла женщина с ношей, вдогонку бросился мужчина — предложить помочь. Споткнулся и упал малыш, к нему поспешили десятки взрослых. В хлебную лавку вошел голодный и получил горячий каравай. За это у него не потребовали ни гроша. Девушка охотно отдала серебряное кольцо за маргаритку.

Здания хранили следы разрушений — видимо, гармонии предшествовала война. Но каменщики деловито укладывали кирпичи, а те отверстия, до которых у них не дошли руки, были прикрыты растениями в горшках, клетками с птицами и вручную сшитыми знаменами. Так что увечья не бросались в глаза.

На оживленной улице виднелась мастерская скульптора, рядом с ней были выставлены изваяния живых и усопших знаменитостей. Очень немногие статуи слепили с покойников, и везде облик человека был передан без малейшей фальши. Вверх и вниз по течению сверкающей реки мирно скользили парусные суда. На мостах стояли золотые львы, а изображения деспо-

тов исчезли без следа. Золото отражалось в зеркальной водной глади. На каждой статуе читалась надпись: «Давайте все мы будем львами». Где-то печально и нежно звонил колокол.

Маристар отстала от ангела, зависла в воздухе и увидела выующуюся по берегу реки большую процессию: девушки в белом, торжественно-суровые музыканты, курящиеся благовония, зеленые венки. Все громче звучала траурная музыка, а по обе стороны процессии на тротуарах смотрели и плакали мужчины и женщины. Похороны? Кто же умер?

— Тот, кто нас любил, кто о нас заботился...

Голубка Маристар снизилась и увидела в середине процессии носилки, а на них — кресло, а в нем сидел в позе спящего мужчина с печатью благородства, грусти и смерти на лице. Разделяя скорбь многотысячной толпы, Маристар последовала за носилками.

И вдруг в этой толпе она увидела знакомого горбuna. На задранном плече сверкали, точно алмазы, слезы шествующего рядом. А чуть поодаль шагал одноглазый, на его повязке было написано: «С радостью отдал за мою страну». На крышах белели стаи голубей, сыпались окропленные вином белые гиацинты. Дети прижимали к губам белые носовые платки, целовали вышитый на них образ незабвенного покойника. Даже воры и душегубы смотрели из переулков на кортеж и обливались слезами.

— Он нас простил. Он знал, это бедность толкнула нас на преступления. Он был нашим братом, нашим господином.

— Чаквох! — кричали они, и слезы, точно реки, лились из их глаз.

— Это он? — спросила Маристар. — Я не ослышалась?

— Да, — ответил ангел. — Он — тоже. Вспомни, он писал кровью своего сердца и не ведал сомнений.

Процессия скрылась из виду, и Маристар обнаружила, что парит над эшафотом. С него сняли ее труп и унесли хоронить.

— Богиня, — вспомнила Маристар. — Та, которой все поклоняются. Кто она?

— Снова ты ослышалась, — сказал ангел. — Не богиней Разума зовут ее, а Разящей богиней. Во всяком случае, такое толкование ближе всего к истине.

Маристар опустила глаза, огляделась. И поняла, что она уже не красива, не чиста, не нормальна — уродливый, сморщеный труп дикого зверя.

— Если это так, то в чем же истина? — спросила она.

— Истину каждый видит по-своему. Город стремится к одной правде, и она ему кажется тем, что я тебе сейчас показал. В глазах же тех, кто боится и ненавидит завоевателей, это мерзкие, чудовищные злодеяния. Ты сама через это прошла. И поступала исходя из того, что видела.

Маристар обернулась и заметила летящего к ним человека. Это был Чаквох. Не благородный красавец и не чешуйчатая красноглазая крыса-крокодил. Всего лишь человек, утомленный трудами и борьбой с врагами. Он глянул на Мари-

стар и пролетел мимо. Он держал путь в дальнюю страну, и она была не просто небом.

— Сдается мне, я должна лететь следом, служить ему,— сказала Маристар.— Я права?

— Ты отняла у него жизнь.

— Да, но ведь он посвятил ее не самым благим делам.

— Это его ошибка. А твоя — в том, что ты посягнула на чужое. Теперь ты перед ним в долгу.

— Значит, я буду его рабыней, а он — моим господином?

— Ты будешь видеть его глазами горожан. Забудь слова «раб», «господин», «колдун», забудь носимые людьми маски. Ступай и попробуй увидеть истину, хотя эта задача никогда не бывает легкой.

И тогда Маристар перестала глядеть вдаль. Она посмотрела на Чаквоха и полетела вслед. По пути она думала о том, что он писал кровью своего сердца, и о том, что говорил.

— Они умрут в муках.

— Нет.

— Они или мы умрем в муках.

Сколько же раз ее обманывали зрение и слух?

Маристар оглянулась и увидела — или ей почудилось? — что вдали бушует война, восстал Север, всколыхнулась вся страна от края и до края, и Город Тысячи Куполов зашатался, захлебываясь огнем, чадом, кровью и насилием.

Слезы, отчаянная храбрость, гордые песни...

И так будет, пока плач дождя не отмоет тысячи куполов. Но как же далеко все это теперь...

ЗАБЫТЫЙ КОЛОДЕЦ МИРОВ

ир был плоским, солнце опускалось за его край, тонуло в суще и море, оставляя только коралово-красную полоску. В высине божественная свинья рожала звезды, одна за другой они скользили по вечернему небосклону и оседали, чтобы спокойно мерцать до зари. Внизу лежал город, зна-

менитый тем, что его юность растянулась почти на триста лет. А над городом стояла женщина, стояла с таким видом, будто все на свете — город, небо, звезды, весь мир — лежит на серебряной сети, которую она держала в изящных руках.

Больше месяца назад по воле звезды Сотис случилась Ночь Страстей, река вышла из берегов. Теперь с суши доносился болотный запах выброшенных рекой удобрений, смешиваясь с чистыми ароматами моря. По всей Александрии дымили очаги и светильники, воздух до отказа был насыщен сладким благоуханием лотоса, запахами пряностей и жареной рыбы, запахами человеческой жизни. Вдали, в море, высится Фарос, полыхал его маяк. Городские дома тоже зажгли яркие, как горящие угли, глаза-окна, и на берегу, на огромной усыпальнице покоригеля вселенной Александра, затеплился желтый сигнальный огонек, ни дать ни взять неприкаянная душа на белой пристани.

На все на это смотрела женщина. Смотрела так, будто увидела Александрию впервые. Будто впервые увидела небо и звезды.

По лестнице на крышу поднялся слуга. Поклонился женщине на греческий манер. И обратился к ней на эллинском — языке этого дворца.

— Королева, оракул ждет внизу.

— Хорошо.

Она удостоила взглядом слугу, и он отошел.

Лампа, горящая на крыше, осветила ее целиком. Она была немолода — под сорок, — но держалась царственно. Имя этой женщины из

рода знаменитых монархов говорило само за себя — Клеопатра. Возможно, сам прославленный Александр был ее дальним родственником. Его красота вошла в легенду. Ее — тоже.

У нее были длинные черные выющиеся волосы. По утверждениям некоторых современников, глаза Клеопатры были темно-синими, как у знаменитой жены Аменхотепа III. Впрочем, Клеопатра была гречанкой; если и текла в ее жилах египетская кровь, придворные об этом умалчивали.

Эллин Александр без памяти влюбился в Восток, а Клеопатра, дочь его единоутробного брата Птолемея, кажется, влюбилась в страну Хем. Она носила одежды греческого покроя, но легкие и простые, как у египтян. А драгоценности, сверкающие на ее руках, некогда украшали персты жен фараонов. На ее челе полыхала под солнцем золотая змея, порождение духа Черной Земли, а на груди чуть ниже горла лежал изумрудный скарабей, самый мощный амулет хемской магии.

Где-то в отдалении раздался взрыв мужского смеха. Клеопатра опустила голову. Ее прекрасные глаза были непроницаемы. Какое-то мгновение казалось, будто она недоуменно всплывает в голоса. Но она прекрасно знала, откуда доносятся эти звуки — первые крики гостей, подгулявших на вечерней пирамиде у ее любовника. Там, в украшенной фресками комнате, он и его офицеры возлежали на кушетках, а перед ними танцевали египетские девушки, нагие по пояс, как цветы. Рекой лилось красное римское вино

и коричневое египетское пиво. Разгоряченные и захмелевшие воины похвалялись друг перед другом, наперебой суля разгромить врагов и захватить их земли — только в этом они видят свое предназначение. Возможно, ночью любовник придет в постель Клеопатры, и, хотя от него будет пахнуть благовониями рабынь, царица отдаст ему свое тело, заключит в объятия, утешит, как разбуженного кошмаром младенца. Она воздаст хвалу его доблести и воинскому искусству, напомнит, как влюбилась в него с первого взгляда, когда он — римский солдат — прибыл в Хем и даже не посмотрел в ее сторону. Он уснет у нее на груди, а едва над городом и рекой поднимется рассвет, Клеопатра увидит в золотистых кудрях серебряные пряди. Забываясь в пьяном сне, он всегда выглядел ребенком. Хотя, помнится, даже в молодые годы он не казался таким мальчишкой. Она родила Антонию сына и дочь, но теперь он сам — ее дитя. Для правителей старого Египта инцест был в порядке вещей. Подобно древним правителям, Клеопатра и Антоний возлежали на одном любовном ложе. Она стала его матерью, обнимала и баюкала его, точь-в-точь как няньки обнимали и баюкали двух ее родных сыновей.

Разве Юлий не был таким же? Юлий Цезарь, единственный монарх, признанный римлянами?

Поначалу с ним все было по-другому. Юлий для нее был скорее отцом. Заниматься любовью с отцом — тоже инцест. Издерганный, затравленный, Цезарь замкнулся в чертоге своего разума, в стране мыслей или грез. Он был умнее Антония, а может, и храбрее, но и он лежал, тре-

пеща, на груди Клеопатры. Он тоже стал ее ребенком. А ее сын — маленький сын Юлия — казался в сравнении с ним настоящим храбрецом, когда стоял, запрокинув голову и воздев деревянный позолоченный меч. Впрочем, среди детей всегда полно отчаянных смельчаков. Они еще не знают, что такое страх и что чувствует человек, когда клинок пронзает ему сердце. Юлий ждал удара в спину и дождался, а Антоний? Извлечет ли из этого урок?

Клеопатра снова окинула взором крыши городских домов. Греческих домов. Увидела библиотеку, сгоревшую по вине Юлия. Теперь там хранится искупительный дар Антония — около двух тысяч свитков. Ирония судьбы: Юлий Цезарь читал запоем и даже сам написал исторические труды, а Антоний к книгам равнодушен.

Клеопатра повернулась к лестнице.

Она — мать. На городских улицах редко встретишь женщину старше ее на четыре или пять лет. Но Клеопатра была отважна, как мечтающий о воинской славе мальчишка.

Царица знала, что такое боль и опасность, знала, как ранит меч. Ее отвага происходила не из невежества, а из гордости.

Она шла в сиянии масляных ламп, и темные глаза вспыхивали, как огни Фаросского маяка, одного из чудес света. В них и правда была синева.

* * *

Ходили слухи, будто ее доставили к Цезарю тайком, завернув в ковер. Но это неправда.

Легенду сочинил город, где всегда хватало выдумщиков. Впрочем, какая разница? Когда Юлий увидел ее лицо с длинным, как у львицы, носом и большими глазами, увидел юное стройное тело, он был покорен.

Зато в основе знаменитой легенды о корабле лежат реальные события. Позже на этом корабле царица отправилась искать Антония — он потребовал, чтобы владычица Египта явилась к нему. Сначала Клеопатра отказалась, заявив, что не может покинуть египетскую землю. Но потом решила, что корабль сделан из египетских материалов, значит, это частица Египта. Однако сойти с него не пожелала, и тогда Антоний, привлеченный алыми и пурпурными тирскими парусами и флагами и полуоголыми девушками, сидящими за щедро позолоченными веслами, причесанный, красивый, смеющийся и любезный, сам поднялся по сходням, чтобы отужинать с Клеопатрой. Она вышла навстречу в наряде Афродиты, греческой богини любви. Волосы были распущены и густо усажены цветами, одежды просвечивали. Александрийцы твердили, что в ту ночь она добавила в его вино снадобье, разжигающее любовную страсть, но это, конечно, пустая сплетня. Ни в чем подобном Клеопатра не нуждалась, ее смуглая кожа, запах волос, завораживающие глаза и спелые губы разили мужчин наповал. Марк Антоний, в точности как Юлий Цезарь, был готов взять ее силой и даже убить. Вместо этого он покорился ее чарам.

Победы над мужчинами давались ей легко. И в любовной борьбе, и в схватках за власть она

всегда одерживала верх. И теперь ей казалось, что она, побеждая, отнимает у них силу, оставляет только пустые оболочки, которые подолгу не живут.

Она спустилась на несколько лестничных маршей и оказалась в красноватой мгле дворцового подземелья. На стенах мерцали лампы, свисая на бронзовых цепях. Временами, приостанавливаясь, она слышала плеск воды. Под Александрией лежали огромные резервуары, их содержимого хватило бы на год осады. Она слышала музыку подземных вод.

Египту снова угрожал Рим, чудовищный колосс, порождение волчицы. И как в былые времена, с каждым днем враг был все ближе. Его звали Октавиан. Он хотел убить Антония, своего давнего соперника. Мечтал избавиться и от Клеопатры.

Такое в жизни царицы уже бывало. Но оракул, заглянув в душу ее нового недруга, Октавиана, сказал, что этот человек вытесан из камня. Женскими чарами его не одолеть. Нет, она выйдет к нему как воительница, выйдет вместе с Антонием. Она убьет Октавиана, и тогда Египет, а может быть, и ее любовь останутся живы.

Клеопатре вспомнилось, как днем на нагретой солнцем террасе пела, играя на лире, девушка. Пела египетскую песню.

— О, мой брат! Когда я тебя вижу, будто солнце садится в мой сад. О, мой брат! Давно ли я встречалась с тобою?

Пахло алыми розами — их в Египет привозили персы. Но Клеопатра думала не о розах, а

о том, как собираются в море два флота, Октавиана и Антония, ее повелителя, ее «брата». К Антонию подходят ее восточные корабли, украшенные лазурью и золотом. Она поплынет вместе с ним на своем флагмане. Она наденет боевую корону фараонов. На носу корабля будут куриться благовония в честь римского бога Марса и египетской богини Мут.

Снова и снова говорила она Антонию:

— Я люблю тебя.

Это уже напоминало рефрен песни той девушки.

— Я люблю его. Мы должны быть сильны. Мы должны победить.

Ей нужны силы двоих. Не простых людей, а воинов. Героев.

И этим вечером, пока Антоний возлежал, отдавая должное яствам, напиткам и плясуньям, она, Клеопатра, спустилась в сухой подземный колодец. Стены там были из гранита. Она дотронулась до камня, и отошел блок. Открылся потайной ход в широкую комнату с закругленными углами и обилием теней; в центре, как драгоценный камень посреди черного озера, сверкал огонь на алтаре.

Позади Клеопатры скользнул на прежнее место гранитный блок. К ней приблизились две девушки, безмолвные, словно обитатели загробного мира — истинного мира. Верные наперсницы — гречанка Хармion и персиянка Ираш. Эти девушки выросли у Клеопатры на глазах, но теперь она их едва узнала. Служанки побледнели от страха.

Они распустили завязки ее платья, сняли поясок и отошли. Одеяние упало, и царица осталась нагой в тусклом свете подземелья.

Прежде чем эти девушки поступили к ней на службу, их подвергли обучению. По-разному: Хармион корили за ошибки и награждали за успехи, Ираш жестоко били кнутом. Теперь они стали идеальными рабынями, они верили, что влюблены в царицу Клеопатру. Ведь она прекрасна и могущественна и не бьет их. И в ее дворце они жили, как в раю.

Неужели этого достаточно, чтобы полюбить?

Хармион, не такая робкая, как ее подруга, набрала в легкие воздуха, чтобы шепотом обратиться к царице. Но та наступила брови, и девушка испуганно закусила верхнюю губу. Сейчас нужна была тишина, ибо настал час хеки, магии Хема.

Служанки отошли, и обнаженная, в одних украшениях, Клеопатра двинулась к алмазу света. Прожитые лета и трехкратные роды не лишили ее красоты, поступь осталась грациозной и уверенной. Жизнь — сурова, но с Клеопатрой она сражалась достойным оружием. Не болезнями и не тучностью — она лишь отняла у царицы нечто безымянное, но эту потерю можно восполнить.

Царица приблизилась к алтарю — столу из гладкого камня. Он, подобно воде, отражал свет. За огнем, сверкавшим на столе, она увидела трех жрецов — евнухов в белых килтах, а перед ними — оракула, высокого, худого, бритоголового. Нагого, как и она.

— Кто здесь? — спросил чародей на египетском.

Как и все Птолемеи, Клеопатра освоила этот язык еще в детские годы.

— Клеопатра.

— Кто такая Клеопатра?

— Я из потомков Александра. Волею всех богов царица Хема.

— Чего желает царица?

— Победы над врагами. Для себя и для моего господина Марка Антония, известного под именем Гелий, то есть Солнце.

— О царица, совершила ли ты необходимые обряды?

— Да.

— С этого мгновения и пока не погаснет огонь, все, что, будет здесь сказано, да будет правдой.— Оракул поднял руку, и в ней появилась черная змея. Она извивалась и шипела, потом она медленно вытянулась и превратилась в длинную палку эбенового дерева, в магический жезл.

— Я обращаюсь с мольбой к Главе Богов,— произнесла Клеопатра.— А еще к той, кто является в образе Исиды, богини неба и земли, и греческой Афродиты.

— А я взываю к богу Усиро — властителю западных стран, к Ра — олицетворению жизни, к Сутеху — покровителю дельты, зева океана.

Конец волшебной палочки занялся пламенем, огонь на алтаре приобрел алый цвет. Приблизился один из евнухов с белым ребенком на руках. Увитое гирляндами дитя было одурманено сладким вином и не издало над алтарем ни зву-

ка. Евнух покачал его, баюкая, а затем перерезал яремную вену. Похоже, ребенок не почувствовал боли. Кровь его потекла струйкой алых чернил, и он уснул навсегда.

Оракул воздел руки, открыл глазам Клеопатры тайные знаки под мышками, и безмолвно воззвал к богам. Она терпеливо и хладнокровно ждала, в широко раскрытых глазах плясали отблески. Усир — это Осирис, Ра — Юпитер-Амон, а Сутех — Тифон, или Сет, в чьих земных владениях стоит Александрия. Царица вправе обращаться к богам своей страны, и она их не боялась. Она была готова ко всему.

Только человеческим существам удавалось вызывать у нее страх, но она никогда не выдавала его.

Над огнями и кровью сгустилось облачко. Розовое, зловещее. В нем извивались, из него выныривали молнии.

Клеопатра подняла руки ладонями кверху и произнесла заклинание-молитву, которое выучила за три дня купаний и поста. Антонию она солгала, что у нее месячные и ей необходимо уединение.

«Междусмертью и смертью, между жизнью и жизнью, здесь, над рекою мира, стою я».

Она слышала свой голос. Слова были прозрачны, как осколки хрусталия. На запястьях тлели кораллы, жемчуг, бирюза и ярко-синий фаянс. Как на кукле.

«Я плыву между землею и небом, меня несет ветер жизни. Как же я мала и ничтожна! Есть ли смысл тревожиться или бороться? Что тол-

ку просить того, чего не бывает? Дайте же мне покой. Позвольте скользить по стрежню реки к морю Ночи».

Но голос мага прервал ее раздумья.

— Великая Исида, она же Исет, звезда, стоящая в лодке луны. Великий Усир-Осирис, зеленый росток папируса, рвущийся ввысь из черного ила, внемли мне! Внемли сей миг!

За обнаженным пророком и тремя его помощниками Клеопатра смутно различила семь закутанных в вуали женщин. Возможно, это было всего лишь сотканное из дыма видение. Голову каждой женщины венчали полумесяц и россыпь звезд. Судьбы Египта!

Свою судьбу Клеопатра знала с детства, знала, но позабыла. Она не умрет от старости, так ей сказали боги. Она покончит с собой, чтобы спастись, и не только из-за войны. Ее сестра, брат... Разве не всегда цена смерти — смерть?

Оракул бросил в огонь на алтаре щепотку порошка, пламя распахнулось, подскочило. Клеопатра глянула вниз, словно с горной вершины, и увидела темно-синее море, а на нем — корабли, маленькие, как стружки, но многочисленные. Трепетали паруса, точно крыльшки насекомых. Некоторые суда горели, некоторые тонули. Она разглядела мерцание крошечных весел и обитых медью таранов, падающими звездами полыхали в небе снаряды баллист. Шла битва.

Она все еще читала молитву, заглушая шум боя, и теперь оракул подхватывал слетающие с ее уст слова, и они сверкали, обретали форму в тенях и светящемся воздухе.

Золотая рыба. Сокрушающий меч. Серебряные птицы победы. В голове Клеопатры шорохом пера прозвучал божественный ответ. На греческом. С иронией.

«Возьми, что хочешь. Оно будет твоим».

Клеопатра шагнула назад.

— Я построю храм,— сказала она.— В честь этой победы. Кену — награда победителям. Он не уступит Фаросу и усыпальнице моего предка. Он тоже будет чудом света.

Она говорила на египетском. Почтительно.

Клеопатра дотронулась до зеленого амулета на груди и отдернула руку. Подумала, что останется ожог.

Картина в огне померкла, зато в вышине за-двигалось что-то огромное, и она услышала звуки систра — священного инструмента Исиды и Хатор.

— Я, царица, буду твоей рабыней навсегда.

Но это была риторика. Она не думала, что египетские боги потребуют сдержать слово.

Пророк опустил эбеновый жезл, и тот, коснувшись алтаря, снова превратился в черную змею. Клеопатра протянула руку, взяла гада, прижала к своей груди. Тот зашевелился. Дети вот так же терлись, хотя она не кормила их грудью, это делали рабыни. Затем змея исчезла, на ее месте лежал кусок черного персидского шелка. Погас огонь, в комнате царили неподвижность и чудовищная жара. Царица обливалась потом, по обнаженному телу оракула тоже катились крупные капли. У Клеопатры все плыло перед глазами, кружилась голова, в сердце воз-

никла необъяснимая и мучительная пустота — так было, когда она родила Антонию двух детей. А теперь она родила чары. Да, колдовство вышло из ее тела. Оно уже существует в реальности, мерцает на скрижали судьбы огненным словом «победа».

Хармион накинула платье Клеопатре на плечи. Ираш держалась в сторонке, обминая от страха и восторга, ей не хотелось во всем этом участвовать, хотелось только смотреть и благоговеть.

* * *

Клеопатра лежала, глядя на шеспа, или сфинкса, отлитого из самого драгоценного металла — серебра. Шесп покоился рядом с ложем царицы на алебастровом постаменте. Египетские сфинксы не задавали загадок и не карали за ошибочные ответы. Не были они и женщинами, как греческие.

Клеопатра лежала на спине, волосы разметались по ее телу и шелку, пятки соприкасались, руки прижимались к бокам. Наверное, так она будет лежать и на смертном одре, но до этого еще далеко.

Царица выкупалась, служанки умастили и надушили ее, облачили в египетский биссос. Она подкрепилась фруктами и хлебом, выпила бутылочку южного розового вина. Где-то очень тихо играла музыка. Она чувствовала, как дышит во сне ее город.

Какая мирная ночь! Столько дней суматохной подготовки к войне, и вдруг такое затишье.

Даже снизу, из слоновых стойл, не доносится ни звука.

Она заслужила покой. Она сделала все, что могла. Боги выслушали ее и благословили. Они помогут. Осталось самое простое — дожидаться победы, а еще — шептать утешительные слова любовнику. Антонию. Со всем этим она справится легко.

Но какая пустота в сердце... Как всякий раз после трудных родов.

Сейчас в ее чреве нет младенца, потуги и боль позади. Дело сделано. Что же дальше?

Она ненадолго уснула, а может быть, потеряла сознание. Открыла глаза и увидела, что светильники вот-вот погаснут, и поняла: он уже здесь. Пришел незваным, как всегда. Ведь он ее муж, ее царь. Она повернула голову на подушке и посмотрела в соседнюю, лучше освещенную, комнату за занавеской. И как будто увидела его силуэт. Антоний.

Как он красив! А был еще красивее, но неумолимые годы, естественно, взяли свое. Она вспомнила, как он смотрел ей в глаза на том египетском корабле. Она была одета Афродитой, а он — прекрасен, как римский бог войны Марс. С золотистыми кудрями, загорелый, и пахло от него сильным, здоровым мужчиной. Она глядела в очи Антония и видела собственное отражение. Было ли в них что-нибудь еще? Наверняка было.

Как безмятежна ночь... Странно. Ни звука. Смолкла даже музыка, даже еле ощущимый трепет огней в лампадах. Зато она слышит плеск

воды — как в подземном резервуаре. Наверное, это обман слуха. Иногда ей чудилось, будто в эту комнату долетают звуки моря.

С тринадцати лет она не слышала шепот моря у себя во дворце.

— Антоний, — позвала она.

За занавеской появилась тень, а на лице Клеопатры — улыбка. Нежная улыбка, почти материнская.

Вдруг царица порывисто села и схватила кинжал, ждавший своего часа у нее за поясом. Это не Антоний! Слишком высок, слишком широк в плечах, совсем непохож!

— Любовь моя, я здесь! — проговорила она медовым голоском. Она была готова в любой момент нанести смертельный удар кинжалом. В юности она это делала часто. Подосланный убийца, кубок с отравленным вином, змея в корзине с фигами... Занавес вздулся, и в комнату Клеопатры упал сноп ярчайшего света. Как будто посреди ночного неба вспыхнуло солнце. Рука, сжимавшая кинжал, дрогнула. А затем вошедший опустился рядом с ней на кушетку. Клеопатра выронила кинжал. Она знала, что сталь ее сейчас не спасет.

Клеопатра, царица Египта, богиня, ступающая по земле... Она понимала: это не смертный. В нем нет ничего человеческого. Это бог.

Она обратилась к нему на египетском — оказывается, этот язык был не таким уж и древним.

— Повелитель, надо ли склониться пред тобою? Или ты и так видишь мою покорность?

Что-то подобное она говорила Юлию Цезарю.

— Должна ли я кланяться или ты видишь поклон в моих глазах?

То была ложь. Но сейчас она не кривила душой.

Он отвечал очень тихо. А ведь мог бы голосом своим разрушить Александрию до основания.

— Клеопатра, не нужно ничего делать. Тебе достаточно только быть.

Она и не делала ничего. Лежала и глядела на гостя.

У него и в самом деле оказалось человеческое обличье. Впрочем, он мог принимать любую форму. Что побудило его явиться в таком виде? Доброта? Но он выше всех, кого она встречала на своем веку, и у него телосложение мифического героя. Белая, точно алебастр, кожа... Это живая, светящаяся белизна, как у лампы с огнемком внутри. И тут она подумала, что он может быть черным, как эбеновое дерево. У него очень длинные и пышные волосы, похожие на царский церемониальный парик. С красным отливом полированной меди. Глаза — синие, как Нил под лучами солнца или как далекое море. Она слышала о его цветах. Она его узнала.

Все-таки глупо сравнивать его с людьми. Как будто она не дожила до зрелых лет, как будто не набралась мудрости.

Она старалась думать, что он всего лишь прекрасен, хотя и эта красота была божественной. А его запах она сравнивала с ароматом вина. Потом она отбросила все эти мысли, потому что никогда не была наивна.

— Я тебя прогневила?

Конечно, нет. Если бы прогневила, он бы явился в другой форме. Не надел бы лучшую свою личину. Впрочем, чепуха. В лучшей из своих личин бог Зевс являлся Семеле, она вспыхнула от восторга и умерла. А эта красота вполне терпима. Значит, она несовершенна.

Он улыбнулся — должно быть, понял, о чем она думает.

— Сутех,— назвала она его настоящим, хемским именем.— Покровитель дельты. Бог, божественная сущность.

— Я заметил тебя.— Он наклонился к ней, и от его близости у Клеопатры вспыхнула если не плоть, то кровь. Она трепетала, как тринадцатилетняя девочка. Как страстно хотелось ощутить его прикосновение... Но ей было далеко не тринацать, и она понимала, что прикосновения не будет.

— Ты видишь все и всех,— сказала она.

— Такие, как ты, появляются редко.

Он дунул на нее. В его дыхании были земля, и лето, и огни, и пустыня. Было все. Ей захотелось лежать на красном песке и упиваться его дыханием, ветром пустыни.

— Нет,— сказал он.— Я предлагаю кое-что получше. Если хочешь, можешь прийти ко мне.

— Разве смею я желать чего-нибудь еще?

— Ты просила жизни. Для себя и твоего повелителя, римлянина.

Клеопатра отогнала все мысли. Лежала, глядя в его очи, где скопилась синева всех вечеров и золото всех звезд.

— Ты не даруешь мне победу?

— Если угодно, можешь получить ее,— ответил Сутех, Сет, властелин дельты, брат Осириса, убийца и охотник, рыжеволосый бог.— Тебе обещан успех. Взять его или отказаться — твое право. И твоего Антония... Одержи победу на море у мыса под названием Акций и возвращайся в Египет со своим повелителем, и он будет любить тебя до самой смерти.

— Об этом я и просила,— сказала царица.

— Или...— Сутех чарующе, лукаво, как смертный, потупился. Наверное, он знал, как это подействует на нее.— Или ты можешь стать моей.

— Твоей рабыней,— проговорила она.— Это, конечно, великая честь, но...

— Женой,— сказал бог.— Я сделаю тебя моей Нефтидой.

Он говорил на греческом о своей сестре-богине.

— Она была тебе неверна! — порывисто, дерзко воскликнула Клеопатра.

— Это верно. Но на подобные вещи боги смотрят иначе. Между прочим, она прелестница под стать тебе.

— Вот как? За что мне такая честь?

— Такие, как ты, на свет появляются редко.

Утих плеск подземной воды, и снова Клеопатра услышала морской гул. Услышала девять лет спустя.

— Наверное, ты меня разыгрываешь.

Но, глянув на него, Клеопатра увидела золотое сердце. Он был для нее прозрачен, как и

она для него. Не желал ничего скрывать. А вдруг это уловка? Что, если она под чарами хеки или римского злого колдовства?

— Если я останусь верна своему любовнику-человеку, ты меня покараешь? Убьешь?

— Нет, я всего лишь утрачу к тебе интерес.

Клеопатра смягшила веки. Она знала природу своей слабости. Знала, что даже он, судя по всему, не защищен от одиночества.

— Отправляйся с Антонием на битву,— сказал он.— Ты просила победу, и ты ее получишь. Только, гречанка Клеопатра, посмотри на него в бою. Оцени. Тебе предстоит жить с ним долго, ты можешь состариться рядом с ним, если захочешь. Или иди ко мне. В вечность.

— Я должна остаться с ним.— Она посмотрела Сету в глаза.— Как же иначе?

— Но если передумаешь, дай мне знак.

— Какой?

— Заметный... Чтобы его увидел и запомнил весь мир.

Он медленно протянул ей руку. На пальцах сверкали перстни, как у фараонов. Вероятно, древние египетские цари носили копии этих перстней. Они сияли, как глаза змей или львов. Он положил ладонь Клеопатре под горло, на изумрудный амулет. Ее душа взлетела над телом и мгновение парила на крыльях, и Клеопатра поняла, что значит принадлежать ему, что значит быть богиней.

— Клеопатра, даже жизнь там тебе не понадобится. Я могу унести прекрасную душу, а хорошенькое тело пускай остается. Да, эта рос-

кошная плоть ничто по сравнению с твоей душой. Ни ножа, ни яда... Это будет очень легко.

— Какой знак я должна подать? — напомнила она.

— Брось своего любимого в разгаре битвы, — сказал бог.

— Антония? Но он же дитя.

— Все, кто был с тобой, становились детьми.

Бог помахал на прощание рукой, но Клеопатра осталась парить в небесах. Его глазами были синие звезды. Его, ее суженого, великого бога. Более великого, чем она. В нем она могла потеряться. В нем она могла найтись.

Будто сквозь золотую туманную дымку увидала она юную гречанку Хармрон по прозвищу Маленький Восторг. Хармрон стояла у края ее кушетки. Затем золото расплавилось. Не осталось никого и ничего, кроме смертной девушки, света лампад и ночи.

— Царица, он к тебе не придет. — Хармрон говорила об Антонии. — Наверняка он пьян и нежится в чужих объятиях.

Клеопатра встала с кушетки. Подошла к широкому окну, взгляделась в темное море, что раскинулось за ее городом. Безмолвно, как привидение, Хармрон на цыпочках покинула комнату.

«Что дальше? Может, это всего лишь сон?»

Клеопатра улыбнулась, не отдавая себе в этом отчета. Все-таки сны подчас бывают приятнее яви. Всю жизнь она боролась, стремясь спасти то, что ей было дорого. Но в этом сражении она, наверное, опустит меч. Да, с палубы своего корабля она посмотрит на Антония, ее гос-

подина и повелителя. Посмотрит и решит, стоит ли он ее мучительных трудов, ее меча, ее колдовских чар. И не лучше ли уйти к Сету — к вечности и забвению, исполнению желаний и безмолвию, нетленной любви и всепоглощающей смерти...

ПОСЛЕ ГИЛЬТИНЫ

ногие люди поднимались на эшафот с пением марсельезы. Или с криками. Или в слезах. Или...

Так было и с этими тремя. В общем, умирая, они много шумели. А четвертая, женщина, шла спокойно, тихо. В подвенечном платье. Тому была причина. Впрочем, всему остальному — тоже.

Умирать, когда ты к этому не готов,— что может быть хуже? Умирать, когда ты относительно молод, когда в твоих планах столько важных дел... Терять весну и надежду, и тех, кто тебя любит, и кого любишь ты. Разве это не оправдывает смятение приговоренных? Впрочем, знаменитый Д'Антуан по прозвищу Лев на пути к гильотине больше помалкивал. Он рычал в зале суда и ничего этим не добился, только себе навредил. Для закона он уже был немым, как и трое остальных. Речи Д'Антуана, его голос, само его присутствие вселяли ужас во врагов. Свои тоже не питали к нему особой приязни. И не застутились.

По брускатке громыхали тамбрилы (средства передвижения, прочно вошедшие тогда в парижский быт). Лев лишь изредка начинал рычать или трясясь от горького смеха всем своим огромным телом. Д'Антуан, дородный, царственный, красноречивый, лукавый, неверующий.

— Я оставил дела в беспорядке,— заявил он, когда ему вынесли приговор. Для себя он ничего не ждал, кроме смерти. Отсюда эта горечь и смирение с судьбой. Д'Антуан знал, что в мире живых он оставил яркий след. «Покажи толпе мою голову,— скажет он палачу.— Она того стоит».

Не будем с этим спорить.

Пел Герес, которого везли на том же тамбриле. Пел весело, беспечно. До него обреченные на смерть тоже горланили песни, чтобы хоть отчасти скрыть смятение и ужас. Но Герес не выглядел ни подавленным, ни испуганным. Сей-

час ему как нельзя более подходило имя, составленное из слов герой и Эрос. Образ любовника и рыцаря — вот первое, что приходит на ум, когда это слышишь.

Он был одним из красивейших мужчин той эпохи, имел все, о чем может желать человек в час его публичной казни: красоту, изысканность, остроумие, хладнокровие. За недолгую свою карьеру он успел причаститься большинству современных пороков. Он побывал в постелях у принцесс и даже, по слухам, у одного-двух принцев. Аристократ до мозга костей, он знал, как полагается встречать смерть. Он пел, не фальшивя. Для ревущей черни он был холоден и замкнут, для друзей — безмятежен и добр. У подножия эшафота он поцеловал их на прощание и первым взобрался по лестнице, чтобы показать, как легко настоящий мужчина принимает смерть и как скоро все будет кончено. Право, стоило ли парижанам устраивать целый спектакль из подобного пустяка? Он был безупречен.

Дело было еще и в том, что в сердце этого писаного красавца пустил корни росток католической веры и увядать он не желал. В глубине беспечного, легкомысленного разума созрела уверенность, что впереди — ад. Стоит ли горевать из-за потери красивой головы, стоит ли закатывать истерику, если тебя ждут вечные муки в преисподней?

И чем больше Герос думал об этом, тем лучше держался. Давайте же и мы полюбуемся им минутку-другую.

Третьего из мужчин, трясшихся на передней повозке, звали Люсьен. Вовсе не такими хотелось бы нам видеть себя в день нашей публичной казни. Казалось невероятным, что человек способен так бояться. Как утверждали тактичные и снисходительные биографы, Люсьена «не без труда убедили покинуть тюрьму и сесть в тамбрил». Он весь дрожал, глаза были красны от слез. Только мужественный облик едущего рядом Льва помогал ему сидеть прямо. Когда на повозку нажала вонючая орущая толпа, гнев и страх перемешались, и Люсьен, вместо того чтобы запеть, закричал. Чернь пришла в неистовство, осыпала его оскорблениеми, а он вопил в ответ. Рядом с красавцем Геросом и могучим Д`Антуаном он выглядел уродцем — исхудавший в тюрьме, бледный, почти обезумевший, он рвал на себе рубашку, тщась бежать от неизбежного, взывая к оглохшим по собственной воле. Он упрекал и молил, пока не сорвал голос, никогда не отличавшийся силой. Люсьен имел право упрекать. Это его искра воспламенила пороховую бочку революции. Но никто его не слушал. Что бы он ни выкрикивал, подразумевалось одно: вспомните, чем вы мне обязаны! Это я дал вам свободу! Короче: «Пощадите»!

Это было забавно, но, разумеется, не могло убедить голодные немытые массы, которых кровавые пиршества уже превратили в вампиров.

Жене Люсьена, которую он обожал и боготворил, предстояло ехать к гильотине этим же путем. Разумеется, он молил пощадить и ее. И разумеется, тщетно.

Конечно, не больно-то приятно смотреть, как он празднует труса. С прискорбием скажем, что вопли не довели Люсьена до добра. Вернее, его не довели до добра статьи и памфлеты с дерзкими рассуждениями и неосторожными выпадами.

Между прочим, в своих статьях он касался и темы потусторонней жизни, писал, что верит в «загробное бытие». Он и правда верил, если только это слово применимо здесь в его привычном значении. Время от времени он задумывался, гадал, что же кроется там, «за чертой». В тюрьме он много читал и убеждал себя, что душа — его душа — бессмертна.

Но давайте ненадолго оставим Люсьена и приглядимся к созданию гораздо более привлекательному — его очаровательной супруге Люсете.

Все-таки в Люсьене что-то было, иначе как объяснить несколько лет счастливого брака этого замухрышки и красавицы Люсетты? Между прочим, он был на десять лет старше ее. А может, у него была юная душа? Любовь — вот преступление, приведшее Люсетту на эшафот. Любовь толкнула ее на попытку спасти мужину шею от гильотины. Она вселила тревогу в сердца его могущественных врагов. Они испугались, что беззаветная преданность этой женщины привлечет к ней силы сопротивления. Бедняжка отправилась на гильотину через несколько дней после Люсьена, Героса и Д'Антуана. Восседая в повозке, она казалась воплощением безмятежности. Люсьен мертв, говорила она, и мне больше нечего желать от жизни. Если б его не убили эти

чудовища, я бы со слезами радости молила, чтобы они меня отправили в вечность вместо него. Тайна храбрости Люсетты — в том, что у нее была душа жрицы, а Люсьена она сделала своим алтарем. Она надеялась из-под гильотины улететь прямиком в его объятия. Вопреки его наклонностям — любви к музыке, драматическому тетту, лилиям на полях,— а может, благодаря им Люсетта верила в его счастливую судьбу. При всех своих недостатках Люсьен уже в раю, в этом она не сомневалась.

Красавица в белом подвенечном платье, с коротко подстриженными пышными золотистыми волосами, непринужденно поднялась на помост и опустилась на колени. По словам очевидцев, она почти не обращала внимания на гильотину и не следила за приготовлениями плача.

* * *

Гильотина убивает очень быстро и, как принято считать, гуманно. Так оно или нет — кто знает?

Существует немало легенд о том, как отсеченные головы зловеще подмигивали из корзины, а одна даже шепотом попросила воды. Гильотину обычно устанавливали под открытым небом, и, несомненно, погода влияла на это устройство. От перепадов температуры расширяются и сужаются металлические части. В иные дни она убивала на йоту медленнее, в другие — быстрее. Толпа, разумеется, этого не замечала. Следует учитывать и телосложение жертв, тол-

стая шея предъявляет одни требования, тонкая — другие. У приговоренных сбивали длинные волосы, отрывали воротники, с них снимали шейные украшения. Выходит, даже такие мелочи способны помешать гуманной работе лезвия. Мсье Луи Капе не всегда хватало одного удара, и это наводит на размышления. Примем во внимание и нервную систему осужденного. На свете невозможно найти двух людей, абсолютно похожих друг на друга. Напрашивается предположение, что ощущения жертв под ножом гильотины также различаются, как и отсеченные головы.

Возьмем, к примеру, Льва. Кто возьмется утверждать, что блестящий, могучий Д'Антуан перенес усекновение головы так же, как и его товарищи по несчастью?

Это было как удар. Удар кувалды. Но все-таки недостаточно сильный. И мелькнула ужасная мысль: ошиблись чертовы болваны! И тут картина перед глазами изменилась. Взгляд уловил корзину, пока туда падала голова, и чужие лица — уже почти забытые глаза смотрели на него, и в них застыло нетерпеливое ожидание встречи. Затем сгинул свет, и было лишь одно последнее странное ощущение. Голова лежала там, куда упала, но ей каким-то образом передавались утихающие конвульсии тела. Не это ли чувствует обезглавленная курица, бегая по двору?

Душераздирающая мысль: сколько ж это продолжится? И наконец забвение.

Разумеется, забвение, ибо атеист Д'Антуан ни на что не рассчитывал. Для него все кончилось, угасли все ощущения. Пустота. Темнота. Даже

не темнота, а... Безмолвие. Даже не безмолвие, а... Должно быть, приятно умереть и обнаружить: все кончено.

Нечто подобнее испытал Герос, казненный чуть раньше Д'Антуана.

Через его шею лезвие прошло легко. Аналогия с горячим ножом по маслу выглядит банальной, но она подходит лучше всего. Герос тотчас потерял сознание. Вероятно, этого он и ожидал. Когда снова открыл глаза, все казалось иным, но именно это он и надеялся увидеть. Дорога в ад выглядела нарядной, почти праздничной. Молнии — бутафорскими, и это еще слабо сказано. Вдоль тропы прыгали по камням алые огни, и вместе с ними плясали тени. Каким-то непостижимым образом у Героса возникла благодарность за все эти краски, за живописный антураж. Кое-что казалось знакомым — его существо наполнилось легким дежа вю. Внезапно к нему спланировал на крыльях летучей мыши демон в маске. Элегантный Герос безропотно двинулся навстречу неизбежным карам.

В ярко освещенных вратах и на пустыре за ними толпились воющие, молящие, бунтующие или смело шутящие грешники. Среди них он замечал старых знакомых, и в этом, разумеется, не было ничего удивительного. Он ожидал появления Д'Антуана, ведь его должны вот-вот гильотинировать. Царственный и надменный Д'Антуан в жизни не знал предрассудков и ждал от смерти только забвения. Интересно будет увидеть его физиономию, когда он поймет, что заблуждался. Да еще как заблуждался!

Герос не рассчитывал вскоре увидеть Люсьена. За журналистом числился грешок-другой, и ему, конечно, не стоило уповать на торжественный прием в райских кущах, но все же в нем сохранилась невинность, вроде невинности фавна, и она, возможно, спасет его от адских котлов.

Героса подгоняли отвратительные черти, но только возгласами. Он шагал и вскоре оказался в чем-то наподобие гостиной с широкими растворенными окнами. За ними полыхали озера и лагуны, и багровые склоны гор дышали нестерпимым жаром. Виднелись и страждущие грешники, но с такого расстояния не слишком отчетливо. Иными словами, ему открылась картина пугающая, сулящая муки, но это выглядело не откровенной угрозой, а намеком. Если бы Героса спросили, как он к этому относится, он бы признался, что одобряет.

В гостиной за каменным столом сидел некто под вуялями, тасовал карты. Герос, при жизни любивший перекинуться в картишки, сел напротив, и без единого слова завязалась игра.

И продлилась она как будто бы очень долго. Невероятно долго. Внезапно с Героса спало оцепенение, и появилось странное чувство, которому он даже названия не сумел подобрать. Ибо оно было даже не странным, а абсурдным. Чувство вины? Что-то вроде. И тут возникло предположение, что в этой комнате его держат неспроста, это жесточайшее наказание — ему предстоит узнать свою судьбу. Впрочем, нет, это, конечно же, ерунда.

За окном высоко поднялось пламя, и из этого огня на Героса дикими кошачьими глазами уставился демон. Герос положил карты и пошел к черту, тот молниеносно сцепал его и вынес из комнаты. Герос бросил взгляд назад. Некто под вуалями исчез.

Демон и Герос обменялись несколькими фразами — к вновь прибывшему грешнику обращался сам ад. Они пролетали над потоками лавы, где с воем плавали преступные души, других, прикованных к раскаленным горам, истязали различные твари. Некоторые осужденные, хрипя от жажды, ползали по берегам огненных озер. Иные трудились, подобно муравьям, — таскали на спине огромные камни. Кое-кого свежевала и пожирала нечисть.

Герос видел причудливое смешение аллюзий, о чем-то подобном он читал в исторических трудах и классической литературе. Странное дело, все эти кошмары его не ввергали в дрожь, а, наоборот, успокаивали.

Демон повис в воздухе напротив хитроумного изобретения. Герос пригляделся — что-то вроде качелей, вперед — назад, вперед — назад, неустанно, как маятник. Примерно в миле от Героса сиденье погружалось в огненный поток, и раздавались жуткие вопли. Вот оно возвращается. На качелях в летних платьях, сшитых по французской революционной моде, две молодые женщины, целые и невредимые, чокались бокалами с белым шипучим вином.

Когда они приблизились, Герос заметил на сиденье свободное местечко еще для одного че-

ловека. И тут одна из девушек, блондинка, поглядела вверх и увидела его.

— Эге! — воскликнула она. — Это же Герос! Шалунишка Герос собственной персоной!

Брюнетка тоже задрали голову.

— Спускайся, малыш! Мы припасли тебе мечтучко.

Герос улыбнулся и изобразил в воздухе реверанс. Девушки были похожи, как сестры, более того, каждая объединила в себе черты всех его знакомых женщин, брюнеток и блондинок, грубых и утонченных, аристократок и плебеек. Как только он это понял, демон разжал когти. Было чувство свободного падения, а в следующий миг он оказался на качелях между девушками. Мягкие руки, теплые губы, выющиеся волосы и отменное шампанское — о чем еще можно мечтать?

— Пей быстрее, красавчик, скоро мы снова окажемся там.

— В огне? — спросил Герос.

Качели на мгновение задержались, а затем понеслись назад.

— О, да, в огне. Какая боль! Какой ужас! — воскликнула девушка.

— Но ведь это продлится лишь мгновение, — сказала ее подруга. — Привыкнешь.

Они выпили за помин монархии и обнялись. Качели были очень широки и удобны... почти для всего.

Через несколько в высшей степени приятных минут спутницы вцепились в Героса с испуганными криками, и их окутало бурлящее красное

пламя. Они корчились и выли от боли, а потом качели понеслись назад, и мучения оборвались. Ни ожога на коже, ни даже подпалинки на одежде. Шампанское сохранило освежающую прохладу, ни капли не испарилось. Герос обмяк между живыми и ласковыми подушками. Три секунды муки против нескольких минут блаженства — такой расклад как раз по нему. Конечно, он должен страдать. Так положено. Но едва ли можно обвинить его судей и палачей в варварской свирепости.

Следующий раз они влетели в огонь, дружно горланя неприличную республиканскую песенку. Покорчились, повыли совсем чуть-чуть, и снова — смех, шампанское, упоительный полет...

* * *

Люсьен тоже мучился совсем чуть-чуть. Испытал боль, когда гильотина вонзилась в его шею. Молниеносный укол, вроде осиного жала. Вполне, надо сказать, терпимый. А затем — ощущение самого себя. Все крепнувшее. Себя — но не в растущей боли, а в отчаянной борьбе. Гильотина лишила его зрения, слуха и речи, но остались другие чувства. Целую призрачную вечность лежал он, бесформенный и бесплотный, пытался вздохнуть, сглотнуть. Когда все это прошло, он попытался определить, где находится. Где-то да находится — это казалось самоочевидным. Он был слеп, глух и нем, однако убедил себя, что дышит. Дышит? Значит, случилось чудо, он спасен. Наверное, толпа ринулась ему на выручку, вынесла из-под кровавого ножа в самый последний миг.

Но вокруг, конечно, не было никого и ничего. Он поводил руками и обнаружил только пустоту. Да и рук, собственно, не было. Значит, это случилось. Он лишился тела. Осталось только его «я». Даже в этом он не был уверен на протяжении ужасной секунды. Решительно держался за свое «я», за все, что удавалось вспомнить. Снова он боролся, и в этой борьбе ему удалось открыть глаза. Вернее будет сказать так: он прозрел.

И увиденное нисколько не ободрило. Открылась сцена абсолютной пустоты. Ни земли, ни неба — пустыня, целиком сотканная из отсутствия вещества. И все же она казалась материальной. К примеру, если долго всматриваться, появляется иллюзорный дымный силуэт. Правда, смотреть с самого начала было не на что. Открылись иные чувства: подавленность, страх, беспомощность. Даже в самые трудные дни при жизни эти чувства не вырастали до такой степени. А хуже всего было одиночество.

Значит, ему как-то удалось пережить смерть. Удалось ли? Очень уж слабо все это походило на жизнь. Но тут пришло на ум слово «чистилище». А есть ли он, ум?

Люсьен поймал себя на том, что непрестанно озирается, но всюду видит одно и то же. Он искал спасительную лазейку. Бежать! Вернуться! Нет ничего дороже жизни. Возвратить ее любой ценой! Как хочется назад! Должен же быть выход...

И когда страстное желание стало почти нестерпимым, пустыня начала заполняться толпами, красками и шумом, порожденными смяте-

нием его души. Он продвигался верхом в кавалькаде, а еще — смотрел на нее с обочины дороги. Он слышал пушечные раскаты над Парижем в день падения Бастилии. Он слышал... Но все это были лишь сны наяву. Каждая греза рассеивалась, стоило лишь напрячься. Нет, так ему не найти спасительную дверку.

Он то рылся в пустоте, то шарил, то носился по ней. Когда же прекратил эти занятия, мысли совершенно успокоились и потекли прочь. Он боялся их потерять. Боялся потерять себя. И этот страх был страшнее всех других, страшнее даже страха смерти.

А еще была злость. Ничего подобного Люсьен не ожидал увидеть «за чертой». Все говорило о том, что к Богу взывать не имеет смысла. Но он тем не менее попытался — разумеется, без успеха. Бог либо не существовал, либо не снисходил до него. Несколько раз возникало странное ощущение, что не Бог, а сам Люсьен обладает ключом ко всем этим загадкам. Неужели такое возможно?

Он находился посреди небытия, закутался в воспоминания, призвал на помощь образ прелестной Люсетты и всплакнул, или ему казалось, что всплакнул, по своему ребенку. Одиночество давило гробовой крышкой. И хотя казалось, что он способен различать в бесцветной пустоте человеческие силуэты, лица жены и друзей, было ясно: все это лишь игра воображения. Глупая и никчемная.

Неужели все, что он сейчас испытывает, дано в наказание? Его душа попала не в смехотвор-

ный католический ад, а в настоящий чертог ужаса, где ему суждено блуждать веки вечные под гнетом отчаяния и одиночества, пока они не сточат без остатка его «я», как время стачивает горы. О, Люсетта...

* * *

Душа Люсетты, так алкавшая свободы, покинула тело едва ли не прежде, чем упало лезвие. Она слышала и ощущала удар, но — как бы с некоторого отдаления. А затем все кругом — кровавая гильотина, Париж, весь мир — метнулись вниз. Она поднялась в почти безоблачное, ярко-синее небо. Легкая, как мотылек, красива, смеющаяся, впорхнула она в райские кущи. У нее снова были длинные волосы, а подвенечное платье не запятнано кровью.

Кругом царила несравненная красота. Точь-в-точь как в детских грезах. На перистых облаках пролегли золотые улицы, высились ослепительные жемчужные дворцы, прогуливались статные, улыбчивые, смелые люди, всевозможные зверушки безбоязненно сновали по ступенькам и карнизам, витали птицы и добрые ангелы. Крича от восторга, она бежала по улицам и на каждом перекрестке была готова увидеть Люсьена. Наверняка он пишет статью, да так увлекся, что вряд ли заметит ее появление.

Но она его не нашла.

Когда бесконечный день увенчался золотым закатом, Люсетта остановилась. По бульвару шагала высокая, стройная женщина в белом наряде, и Люсетта приблизилась к ней.

— Извините, мадам. Позвольте спросить у вас совета.

Женщина посмотрела на нее и ласково улыбнулась.

— Я ищу мужа. Он умер несколько дней назад и, думаю, попал сюда раньше меня.

Женщина молчала, улыбалась.

— Мадам, мне его никак не найти.

— Вероятно, потому, что его здесь нет.

— Но ему больше негде быть,— уверенно возразила Люсетта.

— О, милочка, местам, где он может быть, не счесть числа.

Люсетта нахмурилась, сверкнула прекрасными глазами. Неужели эта особа посмела предположить...

— Где же он, по-вашему? — с вызовом спросила она. Нельзя, живя с таким пылким борцом, как Люсьен, не перенять некоторые черты его характера.

— Ищите и обрящете,— уклончиво ответила женщина и пошла дальше.

Люсетта посидела в портике, играя с парой белых кроликов. Рассказала им о Люсьене. О своем ребенке — бедняжка теперь один-одинешенек. Кролики терпеливо внимали и сушили ее слезы своим мехом. В конце концов Люсетта встала и пошла дальше, решив обыскать каждую улицу и парк, заглянуть во все комнаты и чуланы. Что и сделала.

Она взбегала по лестницам, оставляла позади мосты над сапфировыми реками с россыпями плавучих цветов и стаями уток. Заходила в вы-

сокие колокольни и взирала с крыш в розовые дали, где порхали ангелы. Она не уставала. В этом мире не существовало усталости. Но в ней росли неуверенность и тревога. То и дело она обращалась к прохожим, заговорила даже с ангелом, который неподвижно стоял на колонне в нескольких футах над нею. Никто не мог ей помочь. Люсьен? Что за Люсьен? На земле Люсэтта привыкла, что ее муж — знаменитость, а здесь никто о нем не слышал, и это злило и огорчало.

Времени здесь не существовало, но все же ее поиски продлились долго. В конце концов она решила, что побывала во всех закоулках рая.

Она отыскала ворота и вышла на облака. Повернулась спиной к чертогу вечного блаженства. Какое может быть блаженство, если рядом не будет любимого?

Небо простиравшееся в бесконечность. Люсэтта шла, искала, а позади меркло сияние небесного града. Как мираж.

* * *

На звездной равнине души не спят, хотя грезят часто. Сон нужен живым, он теряет смысл для тех, кто лишен существования. И все-таки Д'Антуан в некотором смысле ворочался во сне, а потом, как бывает, когда решаешь проснуться в нужный час, поднялся из пучины забвения к яви и, не выныривая, бессознательно, вяло спросил себя: «Что, уже пора?» Но, очевидно, время еще не настало. Онрыкнул (хотя это всего лишь метафора, Д'Антуан успел забыть свое прозви-

ще) и снова погрузился в мягкие объятия забвения, свернулся калачиком, угнездился, исчез.

* * *

Демон, дежуривший у вертела с Геросом, вопросительно смотрел на свою жертву.

— Ты не находишь все это несколько однобразным?

— Если угодно, можем сменить пытку.

— Ты не понимаешь сути,— сказал демон.

— Возможно,— задумчиво произнес Герос, глядя на вилы.

Как выяснилось, он был приговорен не только к качелям огня и сладострастия. У чертей нашлись для него пытки посерьезнее. Начались они, как ни странно, лишь когда он сам подумал, что их недостает. В чем тут дело? В голосе совести? Еще удивительнее, что самые жестокие истязания почти не доставляли ему страданий. Взять хотя бы эту. Его заживо жарили на вертеле, не престанно поворачивая с помощью острых вил, но было нелегко все время испытывать боль. Он то и дело отвлекался. Стоит о чем-нибудь подумать, и перестаешь корчиться. Забываешь, каково на вкус страдание. И ведь не скажешь, что демоны работают спустя рукава. Вертеться над огнем — мука мученическая. И все же...

— Извини, если я недостаточно внимателен,— сказал Герос.— Уверяю, твоей вины в этом нет.

— Может, тут есть твоя вина? — спросил демон.

— Несомненно.

— Может, ты просто не на своем месте?
Вращение вертela прекратилось, потускнели угли.

— А где оно, мое место? Ума не приложу.

— А ты попробуй,— посоветовал демон.

Герос нахмурился — мыслимое ли дело, чтобы слуга ада любезничал с грешником?

Спали оковы, Герос сел и осмотрелся. Ад выглядел на удивление безжизненным, тусклым, как будто остывал, и это было поистине страшно. Над холодными серыми обсидиановыми скалами вяло вились жгути дыма, в точности как над чем-то земным, вроде горелой выпечки. Больше — никакого движения. Герос повернулся к общительному черту, но и тот исчез. Потухли адские огни, грешник остался в одиночестве. Ни друга, способного посочувствовать и поддержать, ни врага, достойного твоего вызова, ни публики, перед которой можно блеснуть красотой, манерами и остроумием.

Так прошло много времени, и наконец ощущение дискомфорта, неудовлетворенности заставило его подняться на ноги. Он шел по отлогим серым склонам, не зная сам, что ищет. И вообще, зачем идти, если можно лететь?

Он полетел.

* * *

Избавление наступило внезапно. Как будто упала гора, давившая годами на плечи. Это было прекрасно. На смену спокойствию пришли растущий интерес, волнение, предвкушение новизны. И тут Люсьен понял, что он уже не Люсь-

ен, что он уже не он и это не играет совершенно никакой роли. И от этого открытия стало намного легче.

Мгновенно все серое исчезло. Сгинула пустыня, а вместо нее... Нелегко описать радугу слепому от рождения, если вдобавок ты и сам слеп. Прибегнем опять к метафоре, этой волшебной палочке-выручалочке. Крошечный фибр физической материи, который несколько секунд назад был молодым человеком по имени Люсьен, пламенным революционером, первоклассным писателем, сокрушенной, раздавленной, мечущейся в ужасе жертвой гильотины, вдруг взял да катапультировался из им же самим возведенной тюрьмы в сад, напоенный солнцем, запахами цветов и птичьим щебетом. Нет, не в рай. Рай и в подметки не годился этому бескрайнему и прекрасному миру. Там были вершины и моря, ждущие своих покорителей, библиотеки — вместилища мудрости — манили отворенными дверьми. А самое отрадное — тут и там прогуливались, ведя задушевные беседы, или просто отдыхали другие люди. Они дружили и состояли в родстве, и их были тысячи, и даже тот, кто держался в одиночестве, вовсе не был одинок. Люсьен видел старых соперников, с которыми можно вволю попиковать, и некогда любимых, которых можно обнять. И над всем этим витал дух радости и неутолимого любопытства. Конечно, это было не так. Совсем не так. Одно слово — метафора.

Достаточно сказать, что сущность, в которую превратился в конце концов Люсьен, окунулась

во все это с воплем ликования и ее встретили с радостью. А вот еще одна метафора. Представьте, что вы добровольно подверглись амнезии — абсурд, но все-таки представьте — и поверили, что вы — хранящаяся в чулане метла. Проходит время, и вы понимаете, что в существовании метлы есть свои плюсы. И если вы легко приспосабливаетесь к обстоятельствам, вам это существование начинает нравиться. Глядите: вам уже не по себе при мысли, что вы могли оказаться не метлой, а, скажем, ведерком для мусора или совком. И тут отворяется дверь чулана. То есть амнезия внезапно проходит. Теперь понимаете?

Где-то на краю сада — метафорического сада — сущность, некогда бывшая Люсьеном, по-встречала другую, некогда бывшую красавцем Геросом. Они обнялись, сказали друг другу, что все будет хорошо, и помчались открывать для себя новый мир. А тем временем поблизости — рукой подать, и при этом в недосягаемой дали, — Д'Антуан опять «заворочался во сне», что-то пробормотал и снова утонул в забвении.

Это забвение приходило очень легко. Знай о том Люсетта, она бы, наверное, позавидовала. Бессонные странствия напоминали ей испытания Психеи. Когда-то в парке Люксембургского дворца Люсьен рассказал миф об Амуре и Психее, и с тех пор образ прекрасной эллинки прямо-таки преследовал Люсетту. Это казалось злым роком, даже кознями злой богини. Иногда Люсетте мерещилось стадо златогривых овец с ужасными зубами или казалось, будто она стоит

на коленях и разбирает зерна. Потом она взбиралась с кувшином на крутой неприметный холм. Дымка скрадывала небесную синь, мир стал бесцветен, почти сер. Она тоже пришла в чистилище, хоть и не подозревала об этом. Люсетта знала, что должна наполнить водой кувшин из черной Леты. Эта вода подарит забвение, а значит, уйдет мучительное осознание своего «я».

Только выполнив эту задачу — набрав воды, — она получит шанс найти Люсьена.

Ей, в отличие от героини мифа, никто не мешал добраться до реки. Наклонясь к воде, Люсетта увидела свое отражение — совсем как при жизни, когда она видела себя в великом множестве зеркал. Даже в том, что некогда отражало лицо Марии-Антуанетты. И в эту секунду Люсетту охватила нестерпимая жалость ко всем обезглавленным юным красавицам, к их белой коже и сияющим под солнцем локонам. И к своему телу, к своей очаровательной головке, выброшенным, точно хлам. И в этот момент она все поняла.

В следующий раз, подумала она. Но что будет в следующий раз?

Кувшин скрылся в пучине. Люсетта выпрямилась, зачерпнув ладонью черной воды забвения, в последний раз с тоской подумала о своей любви и окропила уста.

* * *

Той, кто некогда была Люсеттой, бесплотность казалась не самым подходящим состоянием. Она была юной, но все-таки достаточно зрелой, чтобы

понимать намеки. Допустим, сегодня бестелесность кажется приятной, многообещающей, но наступит день, пусть даже через несколько веков, когда она наскучит. А промежуточные состояния не идеальны, зато знакомы.

Юная душа продвигалась вперед, или кружила, или вовсе не двигалась, и наконец повстречала сущность, ранее бывшую Люсьеном.

Хотя они совершенно изменились, перестали быть мужчиной и женщиной, их связывали давние нежность и любовь. Но здесь помимо любви и нежности можно было найти великое множество иных уз, что и не преминули сделать наши герои. Они сошлись и всюду путешествовали вместе, соприкасаясь, как соприкасаются души... Поскольку в этом мире не существовало одиночества, размолвок и обид, не было нужды держаться друг за дружку изо всех сил, объединяться против враждебного окружения. Их окружение было милосердным, и они не отделяли себя от него.

Как видите, в нашей истории влюбленные не соединяются на алтаре под звуки скрипки. Герои уже не смертны, и нет ни скрипок, ни алтарей. Вас огорчает и раздражает, что в царстве вселенской любви нет нужды в прочных семейных узах? Помилуйте, стоит ли на это пеньять? Лучше от чистого сердца пожелаем счастья нашим друзьям, хотя слово «счастье» здесь применимо лишь в метафорическом смысле.

А между тем где-то совсем рядом — рукой подать — ворочается с боку на бок и наконец просыпается Д'Антуан. Но это уже не Д'Анту-

ан. Продолжительный сон в небытии — прекрасное лекарство, он, подобно губке, полностью стирает физическую личность. Однако душа, выныривая из забвения, конечно же, помнит, кем она была, и представляет, кем станет. Не остается незаконченных дел, будут еще и работа, и любовь, и весна. Но все это теперь как одежда, которую держишь в руках, а не субстанция твоего «я». Подлинное «я» абсолютно свободно. Оно выскакивает на волю с восторженным хохотом и верой в себя. Впрочем, и это не более чем метафора.

К восторженному хохоту астрал давно привык, как привык наш мир к плачу, крикам боли и хрусту шейных позвонков под ножом гильотины.

МЯУ

B

прошлом году я был молод. Тогда мне было двадцать шесть, и я по-встречал Кэти. Еще я в том году дописал роман. Вы его вряд ли читали. Ну, а еще я пять или шесть раз в неделю, в полночь и четыре утра, показывал фокусы в «Короле Кубков». Это приносило кое-какие денежки, и... ну, вы по-

нимаете. Приятно, когда на тебя из зала смотрит малютка с кудрями, как белое вино, и гибкой фигуркой балерины. И ловит каждый твой вздох.

Позже, примерно в четыре тридцать, когда мы с Кэти сидели рядышком в углу, я увидел в ямке на ее горле кулон — золотого котенка. А еще позже, когда мы шагали по шепчущему морозному предрассветному городу и под ногами шуршали, хрустели обертки от сластей, я отодвинул котенка в сторону, чтобы поцеловать ее в шею. Тогда я еще не понимал, что с этого у меня начинаются проблемы с кошками.

* * *

Помнится, мне казалось, что у нас только с деньгами могут быть проблемы. Ну, вы меня понимаете — состоятельная девушка встречает паразита мужского пола и все такое. Но мы с этим справлялись. Когда набирали дистанцию, когда сближались. По обстоятельствам. Оба искали точки соприкосновения. Она была довольно застенчива, поэтому мне не следовало перегибать палку.

Она жила в собственном каменном доме, родители поехали кутить на шикарном лимузине и по дороге угробились. Я почему-то здорово злился на ее предков. И чего бы им не отправиться на тот свет пораньше? Ей тогда было шестнадцать, но они все-таки успели поделиться с нею своей придуриью. А когда родичи дали дуба, у нее на чердаке от переживаний поселились новые тараканы. Дом так и остался роди-

тельским гнездышком, он просто ломился от ультрамодных безделиц и шмоток, от революционной мебели, для нормальных людей совершенно не пред назначенной. А еще от кошек.

Их набрала Кэти после смерти родителей. Целых пять штук. По одной. А может, кошки сами ее облюбовали и пришли. И когда их скопилось достаточно, они тоже стали хозяевами в доме. Старательно ободрали мебель, наделали дырок в занавесках. Досталось и всему остальному, до чего им удалось добраться. В том числе и мне. Вы правы, у меня небольшая фобия. Но согласитесь, клыкастая кошачья голова похожа на змеиную, если прижать уши. Кэти мне без устали твердила, какие распекрасные у нее питомцы, а я всегда старался уйти от этой темы. И от кошек. Они, конечно, чуяли мою неприязнь. Бьюсь об заклад, сразу почуяли. И отплатили той же монетой. Не упускали случая прыгнуть на меня и вонзить когти. Скакнет такая bestия на кушетку, а оттуда — тебе на плечо, и зубами в шею! Прежде чем заняться с Кэти любовью, я выгонял кошек из спальни и запирал дверь. Они злобно мяукали и терзали ковер. Ни разу не рискнул поразвлечься с подружкой в их присутствии.

Всякий раз, когда я провожал ее до дома, нас встречал в предутренней тьме десяток светящихся глаз — точно развешенные там и сям фонарики. Наверное, вот так же являются людям черти. Видели когда-нибудь кошку с мышью или птицей в зубах? У меня был ручной голубь Берни, олух, каких поискать. Помогал мне показывать

фокусы. Однажды Берни затеял прогуляться по тротуару. Наивная пичуга верила, что все кругом — её друзья, даже кошки. То-то, небось, удивилась, когда ей вонзили зубы в спину. Нет, все-таки не зря я недолюбливаю породу кошачьих.

* * *

Праздновали мы как-то раз Кэтин день рождения и засиделись допоздна. Насчет дней рождения у нее тоже был бзик. Она верила, что в этот праздник к ней ночью являются мамочка с папочкой. Как знать, может, это правда. Я ее пытался вытащить из дома, но она заупрямилась, и вот мы сидим в гостиной под абстракционистской люстрой, похожей на три тающие земляничины. Едим тунца и вино попиваем. Я как раз при деньжатах был, купил ей яшмовый браслет. Он перед тем пять недель пролежал на витрине магазина, так и просился ей на запястье. Когда я его вручил, Кэти от восторга аж взвизгнула. Вообще-то, с ней в такие минуты труднее ладить, в смысле, когда у нее сильные чувства. Но ведь надо время от времени идти на жертвы, верно?

И вот браслетик стал теплым, как ее мягкая кожа, а вино ненамного холоднее. Вокруг нас колечком сидели кошки, и только когда Кэти уходила на кухню, они с противным мяуканьем тащились следом. Чем бы она на кухне ни занималась, хоть бы тарелку мыла, они обязательно возбуждались. Сдается мне, всякий раз, когда она уходила из дома, все блюда и кастрюли затаивали дыхание, боясь привлечь кошек.

Наконец Кэти устала возиться с тунцом и отдала его зверям.

— Ой, Стил, глянь-ка! — И любуется ими, как мадонна своим младенцем. — Только глянь.

— Я и гляжу.

— Нет, ты не глядишь, а злобно таращаешься.

Я взял с кушетки гитару и забречтал что-то легонькое — споем, что ли? А кошки еще громче зачавкали и захрустели — показывали, как они ко мне относятся. Мы с Кэти спели «С днем рождения» на мотив старых «Стуюнов», потом еще кое-что, наконец отправились в спальню и заперлись. Потом она плакала, но держалась за меня, будто боялась, что ее унесет в открытое море. Ведь с тех пор, как предки завернули ласты, и до меня у нее никого не было, ни одного человеческого существа. Между прочим, она в «Короля» тогда пришла провести эксперимент. Убедиться, что на общение с людьми не способна, и больше никогда не пробовать. Она об этом не говорила, но я догадался. А в «Короле» ей чем-то я приглянулся. От меня, похоже, почти ничего не зависело. Больно уж легко все вышло. Как во сне.

За дверью кошки шумно расправлялись с тунцом на ковре с рисунком Пикассо.

— И что б тебе не продать этот дом? — сказал я. — Сняли бы квартирку.

— У тебя же есть квартира.

— Это не квартира, это берлога. Я имею в виду нормальную.

— Тебе не по карману.

— Ну, почему же?

— Я знаю, ты за мой счет хочешь жить.

Ничего себе заявочки! Раньше я от нее такого не слышал.

- Интересно, с чего ты взяла?
- Прости, случайно вырвалось.
- Черта с два — случайно. Больше так не говори. Бабки будут. В следующем году «Эм-Гэ-Эм» кино по моей книжке снимет.
- Ее же еще не издали.
- Издадут, не беспокойся.
- Пойду-ка я лучше за кошками приберу.
- А не лучше ли их натаскать, чтобы сами за собой прибирали?

Мы повалялись, воображая, как кошки управляются с ведром, шваброй и антисептиком. И тогда я к ним мысленно обратился: «Если и воятся тут паразиты, то я их всех по кличкам знаю. Ничего, сволочи, ваши дни сочтены».

* * *

Я, между прочим, настроен был серьезно. Думал, Кэти продаст дом, а я — книгу. Снимем квартиру и заживем, как люди. Без кошек. Нечего им делать на десятом этаже. Тем более целой стае. Конечно, я знал, Кэти не оставит их без крова, и уже начал осваивать профессию торговца домашними животными. Но вскоре выяснил, что почти у всех моих приятелей по одной, а то и по две кошки. Только у Женевьевы — одинокая псина, страдающая ксенофобией. Все, даже Женевьевы, твердили, чтобы я не валял дурака, кошки незаменимы в хозяйстве. И я уж подумывал, не сходить ли к врачу, может, котобоязнь нынче лечат?

Потом кое-кто заинтересовался моей книгой. Дело вроде стронулось с мертвой точки, я даже несколько раз просиживал с пяти утра до одиннадцати вечера, добивал осточертившую повесть смачными ударами клавиш пишущей машинки. Я снова был готов подкатиться к Кэти на предмет переселения. Строил безумные планы. Например, можно пустить жильцов, предложить скидку за надзор за кошками, а мы раза два в недельку будем их навещать. Или купить для Кэтиных любимцев ранчо в Техасе. Или посолить цианидом кошачье печенье.

Все это были пустые фантазии, я ведь понимал, что Кэти ни за что не согласится. Она и не согласилась.

— Нет, Стил, не могу. Не могу и не хочу. Тебе не разлучить меня с кисками.

— Или они, или я,— заявил я, приняв позу Эррола Флинна. И не очень-то кривил душой. Сказал и задумался: а оно мне надо? В первый раз, между прочим, задумался. А она возьми да заяви:

— Тебе нужны только мои деньги.

Вот так. Грубо и цинично.

— О Господи!

— Ты решил меня использовать.

— Ага. Ага. Оно, конечно...

Стою и гадаю, а чего это я, собственно, так упорно добиваюсь, чтобы мы жили вместе? Зачем настаиваю, чтобы она выбрала между мною и зоопарком? Неужто и правда хочу связать судьбу с бледнолицей манячкой с зелеными электрическими глазами?

— Ублюдок,— шепчет она.— Альфонс. Папочка предупреждал, что мне непременно встретится кто-нибудь вроде тебя.

И с этими словами стаскивает браслет и бросает мне в физиономию. Точь-в-точь как девчонки во второсортных фильмах швыряются обручальными кольцами. Я ловко поймал и стою дурак дураком, будто в трансе. А она поворачивается и убегает.

Я поторчал на тротуаре, поглядел ей вслед. Это был настоящий ступор. А потом я пошел в клуб и исполнил свой номер.

Да как исполнил! Не приведи Господи еще раз это пережить.

* * *

Через две недели «Картэйдж-Пресс» приобрел мой роман и заказал еще два. Дела вроде пошли на лад. В «Короле» меня награждали овациями и поили, и одна девчонка — не помню имени, хоть убейте,— согласилась со мною переспать.

Еще через три недели ко мне подошла Женевьеве — в «Короле» она гадала по картам таро. Подошла и глядит, как я кормлю белого, точно зубная паста, кролика. Я его только что приобрел — какой же факир без кролика, верно?

— Стил,— говорит Женевьеве, глядя на меня красивыми и умымыми глазами,— тебе уготовано местечко в аду.

— Значит, о будущем можно не беспокоиться,— отвечаю этим пяти футам одному дюйму женских чар.

— Нет, Стил, я серьезно,— говорит Женевьевा, помогая набивать кролика салатом.— Номер твой — просто дермо.

— Ну, спасибо, Женевьева. Уж ты похвалишь так похвалишь.

— Нет, в техническом смысле — полный ажур, и с каждым разом все лучше. И все равно, смердит, как от трупа Юлия Цезаря.

— Господи? Да неужто он преставился? Как это случилось? Автокатастрофа?

— Я ведь не шучу,— повторяет Женевьева.— Я хочу спросить, что у тебя с той блондинкой.

Она помолчала, но ответа не дождалась.

— Давай напрямик. Я беспокоюсь. Она была на грани, а ты ее оттащил. А теперь бросил. Не боишься, что у нее крыша съедет? Стил, ты ведь раньше не был бесчувственным чурбаном.

— Я, конечно, мог бы ответить, что это не твое дело, но воздержусь. Не бери в голову, дорогая. Нам с нею нечего сказать друг другу, только и всего.

— Вот-вот. Потому-то и провонял твой номер. И новая повесть будет полным дерымом.

— Ей-богу, Женевьева, я не знаю, захочу ли когда-нибудь увидеть Кэти...

— Зато я знаю.— Женевьева улыбнулась, лихо перетасовала карты и безошибочно достала из колоды «любовников».— Ты вот что сделай,— говорит.— Постучись к ней и посмотри, что будет, когда откроет.

Я вышел. В квартале от клуба позвонил из таксофона. Только когда полез в карман за монеткой, заметил в пятерне лист салата.

Я не ждал ответа — разве что кошка зашипит в трубку. Но услышал голос Кэти.

— Привет, — говорю.

Слышу глубокий вдох, а затем она отвечает:

— Рада, что ты позвонил. Прости, я тогда глупость сморозила. Конечно, понимаю, это ничего не меняет, но все-таки прости.

— Это все меняет.

— Спасибо, что браслет прислал. Я его буду носить.

— А у меня «Картэйдж» книжку купил.

— Я рада. Между прочим, ты мне не читал ничего своего. Обязательно куплю.

— Через двадцать минут буду у тебя.

— Нет...

— Да. Напудри кошек.

* * *

В четверть пятого я был у ее дома. На газонах блистал первый снег. «Женевьева, — думал я, нажимая на звонок, — как ты сказала, так и делаю. Поглядим, что из этого выпустится».

Очень все это было странно. Очень. Я смотрел на Кэти и не узнавал. Только сейчас я понял, какая она красавица. Потому что с первого дня нашего знакомства она ухитрялась выглядеть очень привычной. А сейчас передо мной стояла совершенно другая женщина, блестящая, как новенькая игрушка, и я, любуясь ее загадочным лицом, гадал, — вечно я гадаю — хватит ли у меня смелости сорвать целлофан.

— У тебя в волосах снег, — тихо, зачарованно говорит она.

И тут до меня доходит: она ведь тоже увидела во мне что-то новое, совершенно незнакомое.

— Ты уверен, что хочешь войти?

— Еще бы. Черт, у меня зуб на зуб...

— Стил, если войдешь,— говорит она,— не заставляй меня делать то, чего я не хочу. Пожалуйста.

— Не буду,— обещаю я.— Честное бойскаутское.

И она меня торжественно впустила. Мы прошли в гостиную. Из камина, больше похожего на космический корабль, готовый пробить потолок и улететь на Венеру, изливалось густо-красное сияние, окутывало кошёк, мех казался кровавым.

— Здрасте, киски.

Не пора ли, думаю, капитулировать? Ведь можно жить с этими созданиями, можно даже их полюбить. А что, вдруг получится?

Я медленно опустился, протянул руку... Ай, зараза! До крови. Ничего. Натяну вам на лапы бархатные чулочки, покрою ковры толстым полиэтиленом, буду постоянно носить пистолет. Кошачий век короче человеческого. Если только эти твари не найдут способ со мной разделаться...

Мы посидели всемером у камина. Мы с Кэти пили китайский чай, кошки лакали сливки из пяти блюдец. На деревянной облицовке камина появились новые царапины — таких глубоких я еще не видел. Должно быть, Кэти уходила из дома и пропустила одну из десяти дневных кормежек,

и любимицы сорвали злость на печке. Я тайком лизнул кровоточащую ранку.

— Женевьеве говорят, на первом этаже есть симпатичная квартира. А при доме — дворик с сиренью. Деревьев там уйма, царапать не перецарапать...

— Ты все-таки хочешь, чтобы я продала дом, — удивилась Кэти. — Мои родители были бы против.

— Зачем продавать? Можно сдавать.

Она глядела на огонь, а тот окрашивал ее точеный профиль и роскошные локоны в цвет крови.

— Я думала, больше никогда тебя не увижу.

— Ага, я же человек-невидимка. Не волнуйся, я принял противоядие.

— Казалось, я вернулась в те годы, когда мы еще не были знакомы. Я всегда была одинока. Только кошки... Думала, так и надо.

Я положил ладонь на ее руку. Она была холодной, жесткой, с обломанными ногтями. Кошки замерли над пустыми блюдцами, вытаращились на нас. Глаза — точно пуговицы из бесцветного стекла.

— Я себе сказала, что мне никто не нужен. У меня есть кошки. А без людей прекрасно обойдусь.

Она высвободила руку и встала.

— Я не уйду из этого дома.

— Вот и хорошо. Успокойся. Сядь.

— Я на минутку, — сказала она. — Надо их покормить.

— Конечно. Сливки — это был аперитив. А что на первое? Лососина? Икра?

Она уставилась на меня, глаза — точь-в-точь как у кошек. Круто повернулась и ушла в комнату. Кошки припустили за ней. В этот раз они не верещали, но мне чудилось, будто в желудках громко плещутся сливки.

Я посидел в одиночестве, полюбовался ракетой, огромными новыми царапинами на облицовочных панелях. Подумал, что следы когтей находятся слишком высоко. Прыгали, что ли? Или на голову друг дружке становились?

Время шло, и никто не возвращался. Ни кошки, ни Кэти.

Чай совсем остыл, я слышал, как по окнам постукивает снег. В доме стояла мертвая тишина, словно я остался в нем один как перст. В конце концов я встал и тихо, как по музею, пошел.

Всюду было темно, и в коридоре, и в столовой, и даже в кухне. И ни звука. Наконец я услышал хруст и чавканье. В потемках насыщались кошки. Я уже тысячи раз это слышал, но сейчас хруст и чавканье приобрели совершенно уникальную окраску. Это был шум джунглей. И посреди джунглей стоял я. На затылке зашевелились волосы.

Бью по выключателю и вижу...

На полу рядком — пять кошек. И Кэти.

Кошки, подавшись вперед, увлеченно жрали. Кэти лежала на животе, вжимая подошвы в холодильник, опираясь на локти, приподняв голову. Волосы свисали, и я не видел, как она лакает сливки. При включенном свете это продолжалось секунду-две, я успел убедиться, что мне не мерещится. Потом она выгнула шею, как змея,

облизнулась и уставилась на меня стеклянными пуговицами глаз.

Я пятился до середины коридора, затем повернулся, точно зомби, и побрел в гостиную.

Там все было по-прежнему. Новые глубокие борозды не исчезли.

Я обливался холодным потом, как будто только что вышел из клетки льва. Запоздало подумал: должно быть, это просто шутка, розыгрыш. Но если бы Кэти бросилась на меня с кухонным ножом, я бы струхнул гораздо меньше.

Что делать? Выскочить из дома и — наутек? Чтобы больше никогда не возвращаться? Она к этому готова. Или остаться, разговорить, вникнуть, зачем ей эти глупые игры и что от меня требуется, чтобы она не сходила с катушек? Пока я раздумывал, она вернулась в гостиную. Посмотрела на меня и сказала:

— Прости, это не предназначалось для твоих глаз.

— Да? А мне почему-то кажется, что я должен был увидеть. Что ты хотела этим доказать?

— Ничего. Я живу, как мне нравится. И црапать дерево люблю. Видишь? — Она указала на камин.— У тебя испуганное лицо.

— Наверное, потому, что я испуган.

Она скользнула ко мне и обвила руками.

— Меня боишься?

— Боюсь — не то слово.

Она целовала меня в подбородок, и при каждом поцелуе я чувствовал прикосновение зубов. Могу вообразить, как бы она себя вела, если бы в этот момент мы занялись любовью. Но мне

этого почему-то не хотелось. Хотелось сделать ей ручкой и дать деру. Но почему-то забота о человеке входит в привычку, а с привычками, как всем известно, бороться нелегко. Вот представьте: вы входите в дом и видите хорошенечкую девицу с пузырьком таблеток в одной лапке и бритвенным лезвием в другой. И что сделаете? Попросите извинения, выйдете и затворите дверь?

Вдобавок я почувствовал, что Кэти дрожит. Я-то думал, в этом доме только меня трясет.

— Надевай пальто и обувайся, — говорю.

— Но ведь идет снег.

— Вечно эти отговорки... Одевайся.

Через десять минут мы вышли на улицу. Холодный серебристый воздух, казалось, насквозь продул мне голову. И я вдруг спросил себя: интересно, куда это я ее веду? Но Кэти помалкивала и шагала рядом, как хорошая и послушная девочка, которой невдомек, что это задумал добрый дяденька. Мы прокатились в метро, поднялись и двинули ко мне на Мэйсон, 23. Я туда никого не водил без крайней необходимости, даже кролика не приносил. И сам старался ночевать в «Короле Кубков», а дома появлялся изредка, только чтоб отоспаться, откупить пишущую машинку и подумать о своем житье-бытье.

Вот и моя халупа. До квартиры только два лестничных марша или несколько судорожных рывков лифта. Комнаты в отраженных снегом лучах холодны и неуютны, куда ни глянь, старые газеты, журналы и пыль. Но это мой мир,

и Кэти мне здесь была не нужна. Но все-таки я ее привел. Зачем? Может, некая частица подсознания решила, что эта нора сделана из моей собственной эктоплазмы и ей удастся то, что не под силу никаким уговорам?

Мы вошли, и Кэти в страхе огляделась. По пути мы не перемолвились ни словом.

— Удобства — как в номере люкс,— говорю.— Правда, почти ничего не работает.

Кэти подошла к окну, постояла. На ее плечах таяли снежинки. Она посмотрела во двор, на мусорные баки, на глазуренные снегом битые бутылки. Когда повернулась, у нее сияли глаза, бежали слезы. Она подскочила ко мне и прижалась. Я понимал, что значат эти объятия. Понимал, что могу ее вернуть, если захочу. Казалось, в комнате только ее волосы сохранили цвет. И они светились.

— Прости,— шепнула она.— Прости, прости.

На меня навалилась усталость, все казалось маленько абсурдным. Я гладил Кэти по голове и знал, что утром позвоню Женевьеве и спрошу, как, черт возьми, быть дальше.

* * *

Утром, около семи, я сполз с кровати, что-то напялил на себя и, не будя Кэти, ушел. Как обычно, таксофон в нашей парадной не дышал, и я потащился к кабине на углу. Снег лежал тонким ковром, влажно похрустывал. Небо, как в разгаре лета, окрашивалось в синь. Иными словами, утро выдалось оптимистичное, щедро сулящее непонятно что. Я сразу дозвонился до

Женевьевы — непонятно, когда она успевала дрыхнуть. Обо всем рассказал. И чувствовал себя при этом круглым болваном.

— Малыш, да ты молодчина! — сказала Женевьева. И предложила: — Волоки ее ко мне завтракать. А что? Может, пес ее на дерево загонит.

— Ага. Думаешь, я ширнулся и все это себе вообразил.

— Нет, не думаю.

— Сейчас скажешь: все чепуха, надо было посмеяться и забыть.

— Не скажу. Это не чепуха.

— Да?

— Да. Слушай, мне кажется, у тебя от всего этого мозги тоже набекрень. Не знаю, ребятки, чем я могу вам помочь... но знаю парня, который может.

Это точно. Женевьева знает чертову уйму парней, способных помочь кому угодно и чем угодно. Они вас устроят певцом в оперу, выяснят, кем вы были шестьсот лет назад в средневековой Европе или найдут полицейского, который примет близко к сердцу рассказ о негодяе, умыкнувшем пломбы из ваших зубов.

— Он психиатр?

— Что-то вроде. Потерпи, сам увидишь.

— Женевьевы, тут надо полегоньку. Очень осторожно, понимаешь?

— Так и будет. Жду вас к восьми.

Все-таки полезно перекладывать заботу на чужие плечи. Мне вот сразу полегчало. Я затошнил по снежку назад, узнавая, точно мальчиш-

ка, по пути следы: человеческие, птичьи, собачьи. Я знал, на Женевьеву можно положиться. В наших краях это лучшая палочка-выручалочка. Надо будет решить на досуге, за каким хреном я во все это лезу. Но не сейчас. Не то настроение.

Я поднялся на второй этаж, вошел в квартиру и не обнаружил Кэти. Ни на постели, ни в ванной, ни даже в чулане. Едва не ошалел от страха и злости и тут вижу на подоконнике ее сумочку. Окно — нараспашку, а за ним, на ступеньках пожарной лестницы, снег с аккуратными черными отметинами от подошв.

Я перелез на лестницу и увидел внизу, во дворе, Кэти. Она стояла ко мне спиной. Признаться, я обрадовался.

Я оперся на перила и закричал:

— Кэти! Мы идем к Женевьеве завтракать.

Она повернулась ко мне, увидела, но не узнала. Совершенно не узнала. И тут я обмер. В зубах она держала окровавленного, трепещущего, еле живого голубя.

С предложением позавтракать я опоздал.

ДЕРЕВО ДЖАНФИЯ

осемь лет — достаточный срок, чтобы невезение превратилось в образ жизни. И нельзя сказать, что эта жизнь заслуживает драматического эпитета «несчастная». Все-таки несчастье и невезение — вещи разные. В том смысле, что отсутствие счастья еще не есть несчастье. Однако рано или по-

здно наступает момент, когда ты уже ничего не ждешь от судьбы. Ни хорошего, ни плохого. И потому немножко успокаиваешься. Обретаешь душевное равновесие. Конечно, оно далеко от совершенства, то и дело ты поддаешься ярости и чувству собственной никчемности. Все-таки трудно отказаться от надежды — этой последней из пакостей, выскочивших на волю из шкатулки Пандоры. И всякий раз после всплеска надежды, ничем не обоснованного, кроме отсутствия какой бы то ни было пищи для нее, в душе некоторое время царит полный упадок. Хочется даже не смерти... а просто чтобы твой мучитель вышел наконец из теней и представился и поделился своими планами в отношении твоей скромной персоны. И ты даже призываешь его — как правило, очень наивно. Например, переходишь улицу на красный свет. Так сказать, искушаешь судьбу.

— Э, да ты неважно выглядишь, — сказала Изабелла, когда я сел к ней в машину. Мы ехали по городку в закутавшей все и вся белой пыли.

Я не стал спорить. Я и сам знал, что выгляжу не ахти.

— Бедняжка. Ну, хоть отдохнешь наконец.

— Отдохну, как же...

Безусловно, мои страдания казались ей сущей ерундой. Да и любой из миллионов поднял бы меня на смех, вздумай я поплакаться ему в жилетку. Вдобавок я начисто исчерпал квоту людского сочувствия. Ну, да и Бог с ним. Изабелла предложила пожить в ее вилле, и это походило не на избавление, о котором я мог только мечтать, а

на временную передышку. Спасибо и на том. Однако не мешало бы сменить малоприятную тему.

Словно прочитав мои мысли, она сказала:

— Глянь на оливы, разве не красота?

Я, полуослепший от солнца и пыли, посмотрел на проносящиеся мимо деревья.

— А вон, гляди! Вон там, прямо в небе!

Действительно, вилла поднималась в ярко-синее небо, венчая собою позолоченную солнцем, поросшую кипарисами и соснами скалу. Под лучами здание выглядело алебастровым, и, перемещиваясь с его тенями, свет розовел. Внизу дорогу омывало море олив, листва переливчато серебрилась, когда ее шевелил ветер. Действительно, это было очень красиво, но почему-то очарование жизни ты замечаешь лишь на ее закате.

Машина свернула с шоссе на подъездную дорожку, утонула в пламенных джунглях бугенвильи и рододендронов. Изабелла провела меня через веранду в дом, не имевший ни малейших оснований корить своих хозяев за скучность и небрежение. Во время этой экскурсии я узнал все его достоинства и полюбовался великолепными видами, которые открывались из каждого окна и со всех без исключения балконов.

— Марта ушла вниз, но она скоро вернется. Якобы должна проводить тетушку, но я подозреваю, дело не в тетушке, а в дружке. Впрочем, она милая девочка, превосходно тут управляет-ся, сам увидишь. Еще будет кухарка, а садовники придут только через неделю. Так что тебя никто не побеспокоит.

— Дай-то Бог.

— Никто, кроме меня,— поправилась она.— Я буду тебя навещать. И помни, завтра ждем тебя к ужину. Мы вон там, за теми соснами, на живописной гряде. Отсюда — меньше полумили. Если знаешь азбуку Морзе, можешь сигнализировать нам вечерами из окна спальни на втором этаже. Правда, здорово? Ну, пока.

— Изабелла, ты так добра...

— Ерунда. Кто еще позаботится о старом нытике и зануде?

Она меня обняла, и я, к ужасу своему, прокричал. Изабелла тоже. Она вытерла глаза и сказала, что у меня все будет хорошо. Разумеется, она ошибалась.

Мартой звали зефирное создание лет четырнадцати на вид. Наверное, ей были все восемнадцать. Лучась оптимизмом, она вежливо поздоровалась. Я ничего особенного не почувствовал. Я часто завидую молодым, но больше не желаю себе ни юности, ни жизненных сил, ни здоровья. Сказать по-правде, я их никогда не желал.

— И правда, дружок,— сказала Изабелла, когда девушка ушла.— Господи! Ты помнишь, как это свежо бывает в таком возрасте? Все эти тисканья и поцелуи в укромных уголках...

В отличие от нее, меня не грели подобные воспоминания, но я улыбнулся.

— А тем более — тут,— продолжала она.— Под нежным солнышком, среди цветочков и медовых ароматов. Это же Аркадия, рай на земле. Все-таки хорошо, что я не одна, рядом — старина Алек. Он совсем как мальчишка — то и дело преподносит сюрпризы.

— Можно спросить? — сказал я. — Как называется вон то цветущее дерево?

Ни о чем я не хотел ее спрашивать, и дерево заметил лишь секунду назад. Просто испугался, что она вздумала со мною флиртовать. Слишком долго я воздерживался от секса, подавлял в себе желания, чтобы чувствовать себя в такой ситуации уютно.

Изабелла, обожавшая свои пожитки, легко поддалась на трюк и повела меня рассматривать дерево. Оно стояло в белой керамической кадке, штамб и корона четко прорисовывались на золотистом фоне. От растения шел мягкий аромат, и я, подойдя ближе, понял: это им заполнена вся веранда.

— Ах да, запах, — сказала Изабелла. — К вечеру он окрепнет, а ночью заглушит почти все. А ну-ка, что тут у нас? — Она раздвинула темные глянцевитые листья и взяла изящный ярко-белый бутон. — После заката раскроется, — пообещала. — Господи, как же оно называется?

Она напряженно посмотрела на меня и вдруг просияла, словно нашла возможность сделать мне новый подарок.

— Джанфия. Сейчас я тебе о ней расскажу. Джанфия — это, кажется, от французского «жанвье».

Она просто светилась. Не подыграть ей было нельзя.

— Январь? Почему? Оно что, цветет зимой?

— Возможно. Хотя у меня ни разу зимой не цвело. Нет, наверное, дело в другом. Но январь имеет какое-то отношение, точно...

— Да.
— Хорошо. Попробуй йогурт.
— Обязательно, как только смогу шевелиться.
— Между прочим, я теперь все знаю про джан-
фию.— Она подошла к окну и глянула вниз.—
Очень мрачная история. Уверен, что хочешь по-
слушать?

— Расскажи.— Я ее не звал, но, раз уж при-
ехала, пускай остается. Странно, но отпускать ее
не хотелось. Хотелось, чтобы она поужинала со
мной. Без Алека. Изабелла всегда была снисходи-
тельна ко мне.

Но, увы, я для людей бесполезен. Не умею при-
взвыкаться, не плачу добром за добро. И что бы
им не оставить меня в покое?

— Так вот, жил на свете молодой и красивый
поэт, и за его стихи принцы платили золотом.

— Бывали времена,— лениво подтвердил я.

— Да. Шел четырнадцатый век. Ни канали-
зации, ни антибиотиков, только предрассудки и
золото как всеобщий эквивалент.

— Изабелла, что я слышу? Ностальгические
нотки?

— А ну цыц! У молодого поэта была привыч-
ка бродить по окрестностям, он вожделел вдох-
новения и, несомненно, находил его в обществе
красивых пастушек. Как-то раз на закате он уло-
вил роскошный запах и в поисках его источни-
ка набрел на куст со светлыми цветами. Пахло
так восхитительно, что юноша выкопал кустик,
принес домой и посадил в кадку на балконе сво-
ей спальни. Там кустик вырос в целое дерево, и
там поэт просиживал день-деньской, а вечером

выносил на балкон матрас и засыпал в лунном сиянии, под кроной дерева.

Изабелла посмотрела на меня.

— Милю, правда? Кто из нас это запишет?

— Я слишком устал, писать больше не тянет. Да и не продать ничего. Давай ты.

— Там будет видно. Меня эта корова, редакторша, так допекла! Вспомню ее — руки опускаются...

— Ничего, это пройдет. А пока расскажи до конца.

Изабелла кивнула.

— Вскоре все заметили, что поэт очень исхудал, осунулся, ослаб. Он не сочинил больше ни строчки. Дни и ночи проводил у дерева. Напрасно друзья дожидались его в тавернах, напрасно меценаты надеялись услышать его новые стихи. Наконец очень влиятельный принц, властелин города, сам пришел к поэту. И там, к великому своему разочарованию, увидел лежащего под деревом живого мертвеца. Близилась ночь, в небе висела первая звезда, а сквозь листву джанфии на бледное лицо стихотворца светила молодая луна. Казалось, его дни сочтены, и это подтвердили срочно вызванные принцем врачи.

«Как же так? — вскричал принц.— Друг мой, что же с тобою случилось?»

Он смирился с мыслью, что юноша обречен, но все же предложил перенести его в более удобное место. Поэт отказался. «Жизнь мне больше ни к чему», — сказал он. И попросил, чтобы принц оставил его, так как приближается ночь и он хочет побывать в одиночестве.

В душе принца сразу зародились подозрения. Он отоспал свиту, а сам тайком спрятался в спальне поэта — посмотреть, что будет дальше.

И полночь, когда высоко в черном небе горела луна, листва джанфии едва слышно зашуршала. Вдруг из кроны в сноп лунных лучей шагнул юноша с темными волосами и бледной кожей, в одеянии, сшитом, казалось, из листвы. Он склонился над поэтом и поцеловал его, и поэт протянул руки навстречу. И это зрелище наполнило принца невыразимым ужасом и омерзением, ибо он лицезрел не только демона, но и злодеяние, проклятое христианской церковью. Под спудом этих чувств принц лишился сознания, а когда пришел в себя, загорался рассвет, дерево не пахло, а лежащий под ним поэт был мертв.

И естественно,— бодро добавила Изабелла,— принц заявил, что стал свидетелем гнусного колдовства, в дом покойника пришли попы и сожгли дерево. Осталась лишь крошечная веточка — ее, к своему изумлению, отломал и спрятал принц. Несчастного стихотворца похоронили в неосвященной земле, затем, спустя немалый срок, принц счел веточку засохшей и выбросил из окна своего дворца в сад.

Она посмотрела на меня.

— И там,— подхватил я,— он напился дождевой влаги, и пустил корни, и питался лишь сиянием луны по ночам.

— А однажды вечером,— сказала Изабелла,— принц, исполненный странных чувств, сидел в кресле, и вдруг в воздухе разлился поразительный аромат, такой таинственный, такой чарую-

щий, что принц не осмелился даже голову повернуть в поисках его источника. Он сидел и ждал, сам не зная чего, и внезапно на его плечо и на пол легла тень. А затем он ощутил прикосновение к своей шее холодной, как росный лист, руки.

Тут мы расхохотались.

— Шикарно,— сказал я.— Эротика, готика, голубизна, уайльдизм и фрейдизм. Ну и компот!

— И теперь только попробуй заикнуться, что не собираешься это записать.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет. Может, когда-нибудь... Если ты не напишешь. Однако твоя легенда не говорит, откуда взялось название.

— Алек считает, оно связано с Ианом, мужской версией Дианы — олицетворения луны и ночи. Впрочем, это всего лишь догадка. О! — Она посмотрела на меня.— А ведь ты выглядишь гораздо лучше.

Я вспомнил, что недужу и по-прежнему на волоске висит дамоклов меч, и отвлек меня от всего этого лишь пошловатый фольклорный рассказик ужасов.

— Все-таки, как насчет ужина? Уверен, что не справишься?

— Если и справлюсь, обязательно об этом пожалею. Нет, спасибо. Пока достаточно йогурта, поглядим, кто кого.

— Ну, ладно, мне пора, завтра позвоню.

Я поселился на вилле ради смены климата и уединения. Но, конечно, знал: климат — это всего лишь климат, да и уединение ничего не даст свыше того, что сулит своим названием.

Солнце было чудесным, пейзаж — прелестным, но я очень скоро понял, что не знаю, какой мне прок от светила и красот. Возможно, следовало перевести зрелица на язык слов и чувств, но чувства, вопреки моим ожиданиям, не реагировали. Я попытался вести дневник и вскоре бросил это занятие. Я пробовал читать и обнаружил, что взгляд не желает фокусироваться на буквах. На третий день я отправился ужинать к Изабелле и Алеку, старался не показаться невежливым, глядел, как Алек с той же целью лезет вон из кожи, вернулся под хмельком, и к тому же меня тошило. Даже не в теле сидела дурнота, а в душе. Оставшись в одиночестве, я позорно пустил слезу. В конце концов запах джанфии, волнами затекая в комнату, привлек меня к окну. Я постоял, глядя на веранду, на далекие холмы, осиянные только звездами, на черное дерево; казалось, оно стоит гораздо ближе, пестря облачками раскрывшихся цветов. И я задумался о поэте и о духе дерева, инкубе. Час был вполне подходящий для таких мыслей. Надо же — дерево-вампир, неотразимый соблазнитель, убивающий плотскими наслаждениями. Какой чарующий образ... И какой точный. Если на то пошло, сама жизнь — вампир, она в конце концов приканчивает свои заколдованные жертвы.

Я уже не верил в Бога и потому нисколько не надеялся найти в мире что-нибудь сверхъестественное. Возможно, существует абстрактное зло или инкарнации человеческой души, но нет ничего художественного, вроде демонов, выходящих по ночам из деревьев.

И тут зашуршали листья джанфии. Наверное, их шевельнул ночной ветерок, но он почему-то не тронул других растений на веранде.

На вилле часто приходили две красивые и робкие дикие кошки. Повариха давала им обедки, а однажды утром я увидел, как Марта поставила большую миску с водой в тени кипариса, по которому они любили лазать. Может, это кошка, пробираясь по перилам веранды, задела ветки джанфии? Я напряг зрение, пытаясь разглядеть желтые глаза, но увидел иное.

Тень. Ее роняло дерево, но она имела совсем другую форму. Кругом царила мгла, светили только звезды над холмами, но и этого было достаточно. Внизу стоял молодой и стройный мужчина с бледным, как месяц, лицом. Голова была запрокинута. Я понял, что он смотрит в мое окно.

Повинувшись инстинкту, я отпрянул. Надо сказать, меня изумило, даже взволновало сильное чувство, которому не было ни места, ни имени на современной земле. Что-то вроде первобытного страха, языческого ужаса перед стихийным, божественным, грозным явлением.

Выйдя из прострации я попытался найти рациональное объяснение. Вор? Я снова подошел к растворенному окну и поглядел вниз и никого не увидел. Только дерево на фоне звездного неба.

* * *

— Изабелла,— сказал я по телефону,— ты не будешь протестовать, если я перенесу дерево в спальню?

— Дерево?

Я хохотнул.

— Да я не про сосну. Про малютку джанфию. Понимаю, это смешно, но мне теперь лучше спится. Похоже, запах помогает. Почти как непрерывная ингаляция паров двойного бренди. Перенесу в комнату, глядишь, буду засыпать с гарантией.

— Хорошо, делай, как считаешь нужным. Только смотри, чтобы голова не разболелась. По ночам растения выделяют окись углерода... или двуокись? Помнишь, кто-то из знаменитостей насмерть отравился цветочным запахом? Кажется, одна из любовниц Мирабо. Нет, это было из-за жаровни с углем...

— Твои садовники наконец объявились,— прервал я.— И их не затруднит перенести кадку наверх. Поставлю ее у окна, так что асфиксии можно не опасаться.

— Ну, ладно, будь по-твоему.— Она еще минуту-другую расспрашивала меня о самочувствии и пообещала заглянуть завтра. Алек подцепил какой-то вирус, и ей было не до меня. Я сомневался, что увижу Изабеллу на этой неделе.

Марта мигом договорилась с садовниками. Каждый из них счел своим долгом покоситься на меня. Но они подняли кадку с деревом, перенесли, кряхтя, на второй этаж и поставили у окна. Затем в спальню поднялась Марта с банкой воды — полить джанфию. И с равнодушием хирурга удалила два поврежденных листа. Дерево стало деталью меблировки, а значит, перешло под опеку Марты.

У меня возникла занятная идея. Конечно, ночью на веранде я не видел никакого призрака, это были всего лишь галлюцинации под влиянием алкоголя. Но все же хотелось бы вывести джанфию на чистую воду. В какой-то мере она виновата передо мной. Наверное, цветы выделяют слабый галлюциноген. Короче говоря, надо проверить. За неимением творческой работы и интересного общества сгодится небольшой эксперимент.

Днем дерево почти не пахло. А утром я вообще не улавливал запаха. Я посидел, посмотрел на джанфию, затем прилег вздремнуть. Едва уснул, как увидел, что лежу на пропитанном кровью матрасе прямо на тротуаре оживленной улицы. Мимо проходят люди, некоторые ругаются, встретив препятствие, но никто не предлагает помочь. Я ловлю за рукав кого-то безликого, бесполого, и он добродушно успокаивает: «Не волнуйтесь, все будет в порядке».

Я проснулся в поту. Спать посреди бела дня не очень полезно, особенно в такую жару. Неудивительно, что приснился кошмар. Бросалась в глаза и психологическая подоплека сна — паранойя и мучительная жалость к себе. Джентльмену необходимы спокойствие и хорошие манеры, иначе от него быстро устают. Даже для больных нет исключений из этого правила. Я смотрел на джанфию, она лоснилась, излучала красоту и здоровье; она выглядела надменной. Неужели это и правда вампир?

Неужели она, чтобы выжить, высасывает жизнь из людей?

А ведь это вполне бы устроило меня. Чем не способ порвать с мерзким существованием? Никакой крови и боли. Экстатично, эстетично, романтично.

Меня, конечно, не поймут. Скажут: «Он всегда был чокнутым». А Изабелла, вспомнив легенду, ошеломленно посмотрит на джанфию и неврно хихикнет, и передернет плечами, отгоняя страшную догадку.

Я встал и подошел к дереву.

— Что же ты медлишь? Я здесь. Я готов. Я... Я буду только рад такому концу. Погибнуть в объятиях того, кому — или чему? — ты нужен, умереть в наслаждении... А не от кровавого равнодушного скальпеля похмельного хирурга, теряющего — ах, какая жалость! — уже не первого пациента за день. И не жить в проклятой тоске, то и дело получая от судьбы в зубы и ни одного дела не доводя до конца... Нет, надо вырваться из порочного круга и забыться навсегда или даже начать все съзнова, и если есть на свете бородатый старикашка Бог, он ведь не упрекнет меня за такой исход, правда? «Всемилостивейший! — скажу ему.— Я готов был идти дальше, еще сорок лет терпеть твоё издевательство, но повстречал демона на свою беду... Ты же понимаешь, против него у меня не было шансов».

Я посмотрел на джанфию в упор.

— А что? Неплохая идея, верно?

Интересно, она меня слышит? Понимает?

Я протянул руку и потрогал ствол, листья, сочные, тугие цветы. Казалось, все они пели, в них вибрировала колоссальная скрытая сила; вот

так же гудит оставленный музыкантом инструмент.

Боже, я схожу с ума!
Я отвернулся и захохотал.
«Все — ложь,— говорил мой смех.— Я это знаю, а потому не боюсь тебя».

В комнате был письменный стол. Я редко пишу за столом, но сейчас уселся на него и вчерне записал легенду о дереве. Не то чтобы мне было это интересно, я просто хотел убить время. И оно убивалось легко — вскоре наступила пора пропустить стаканчик. Я с чистой совестью пошел вниз — откупорить бутылку вина.

Сквозь нижние ветви кипариса проникали лучи закатного солнца, и под ними стояла погнурая Марта с тарелкой обедков в руках.

— Что, у кошек пропал аппетит? — спросил я ее.

Она бросила на меня хмурый взгляд.

— Кошки убежали. Миссис Изабелла их любит, наверное, они сейчас у нее. Они чего-то испугались. Бежали как бешеные, глазищи — во! — Она показала, какие глазищи были у кошек.

Я удивился — тому, что еще способен удивляться. И содрогнулся.

— И что же их так испугало?

Марта пожала плечами.

— Не знаю. Увидела только, как они удирали. Шерсть дыбом, глазищи — во!

— Где это случилось?

— Сейчас. Только что.

— Но где? Тут?

Она снова пожала плечами.

— Тут ничего не было. Сбежали, и все. Ну, я пошла, меня тетя ждет.

— Ах, да, тетя. Ладно, до встречи.

Я улыбнулся. Марта прикинулась, будто не заметила. Сама она мне улыбалась, только когда я бывал серьезен, или сосредоточен, или неважно чувствовал себя. И по-английски в моем присутствии она говорила хуже, чем при Изабелле. Видимо, так проявлялась защитная реакция,— Марта заподозрила, что невезение заразно.

Я уже всем успел объяснить, что ничего особенного мне на обед не нужно, вполне достаточно сыра и фруктов. Не надо было далеко ходить за этими продуктами, однако все исчезли. И повариха, и кошки, и Марта. И вот я один. Один ли?

После третьего стакана я начал строить планы. Часа в два за окном спальни покажется луна, комнату зальет ясный свет, и кто бы ни прошел по ней, он бросит резкую тень.

Да, я подыграю джанфии. У нее не будет оснований считать меня страусом, прячущим голову в песок. Я сяду за стол спиной к ночи, луне и дереву. И запасусь терпением.

Господи, и чего это в голову лезет всякая чушь? Как пить дать, завтра, не дождавшись свидания с упоительной гибеллю, я воскликну: «Боги мертвы! Я обречен до конца своих дней гнить в этом дерымовом мире!»

Должно быть, я серьезно напился. Конечно же, дело было в этом, и ни в чем ином. Душа и сердце раскрываются под воздействием алкоголя, что-то творится и с психикой. Сыру и фрук-

там не нарушить винных чар. Они лишь успокоили мой желудок, помогли ему приспособиться к вину.

Завтра я пожалею, что так нализался. Впрочем, завтра я пожалею вообще обо всем...

Рассудив таким образом, я почал вторую бутылку и понес ее в ванную, дабы пройти ритуал очищения, прежде чем займусь магией.

* * *

Я уснул за столом. В окне догорал закат, передо мной стояли бутылка и лампа и лежал дневник. Сзади натекал запах джанфии, он казался слабым и светящимся, как умирающий день. Читать было легче — вино дивным образом помогало разбирать и воспринимать текст. Раз или два я посмотрел на часы. Четыре, три часа до появления луны...

Когда я проснулся, фитиль (я предпочитаю читать при керосиновой лампе) еле тлел, я сразу протянул руку и погасил огонь. Остался только лунный свет. Луна поднималась в небо за чернильным силуэтом джанфии. Пахло неописуемо. Возможно, у меня разыгралось воображение, но я, кажется, еще ни разу не ощущал такого запаха.

И опять я улавливал мощную вибрацию, чуть ли не мелодию. Вероятно, ее создавала полная луна. Я больше не поворачивался к окну. Я даже придинул к себе тетрадь и ручку. Но ничего не написал, лишь выводил дурацкие завитки — несомненно, психиатр почерпнул бы в них уйму информации. В уме была пустота. Пьяная, восприимчивая, дружелюбная пустота.

Я был весел и бодр. Любое чудо казалось вполне вероятным. Если восемь лет моя жизнь не выходит из черной полосы, то наверняка существуют и всевозможные привидения, порча и сглаз. На меня, стол и тетрадь падала тень джанфии. Сквозь кружево листвы и раскрывшихся цветов сочилось жидкое серебро. А затем появилось кое-что еще. Тень протянула вперед длинный палец. Неужели это оно? Нет, нельзя поворачиваться. Наверное, свет луны упал на выступающий лист или на что-нибудь из мебели.

По спине бежали мурашки. Я не двигался, словно окаменел; я следил за медленным движением тени. Знал, что рано или поздно она обернется высоким и стройным мужчиной. Ни звука. Молчали даже цикады. Хоть бы собака залаяла на холмах! Вилла совершенно онемела, обезлюдела, остался только я и, возможно, призрак. Но и он не издавал ни звука.

И тут зашуршила листва джанфии. Как будто дерево смеялось!

Ветер. Конечно, это он. Или ночное насекомое. Или запоздало распускается цветок...

Смесь страха и возбуждения удерживали меня на месте. Я широко раскрыл глаза и учащенно дышал. Я уже не пытался найти рациональное объяснение. Я перестал даже чувствовать. Я ждал. Ждал, словно в бреду, когда к моей шее прикоснется холодная длань жестокой сирены...

Да, я знал: в конце концов из тени выступит истина с обнаженным клинком.

Что бы ни произошло со мною, лучше испытать это с закрытыми глазами.

А потом — лакуна, провал. Из памяти выпал отрезок времени. Должно быть, мозг не выдержал нагрузки и отключился.

В сознание меня привел звук. Очень необычный звук. Знакомый — и при этом совершенно несообразный. Против воли вернулись нормальные чувства.

Это какое-то животное на ночной охоте. Лисица? Но странные, странные звуки даже для лисы. Не то хрюк, не то кашель, не то рвота. А может, все вместе. Страшные, враждебные звуки.

На какое-то время вернулась тишина, переполнила тревогой все мое существо; наконец я открыл глаза и резко встал. Я обливался холодным потом, желудок выворачивался наизнанку. Запах джанфии подавлял, отравлял, а больше не происходило ничего. Тени выглядели совершенно обычными, и я, повернувшись к окну, увидел край луны и дерево, словно вырезанное из черной бумаги.

Я злобно обругал весь мир и себя. Болван, поделом тебе, никогда ничего не жди от судьбы. Я вспомнил длинную тень. Что это было? Какая-нибудь ерунда. Зачем было закрывать глаза? Конечно, чтобы помочь иллюзии.

Страшно другое, и об этом знает ночь. Знает, что я, как дурак, призывал демонов, знает об их отказе. О моей неудаче. Однако надо выйти из комнаты, от запаха меня вот-вот вырвет. Интересно, почему раньше он казался приятным? Я прихватил бутылку, чтобы поставить внизу в холодильник, вышел в коридор и включил свет. Спустился на первый этаж и торопливо посту-

чал по другим выключателям, затопил виллу резким сиянием современных ламп. Луне было не тягаться с ними. Но меня преследовал запах джанфии — он просочился всюду. Я вышел на западную веранду, но и там, с другой стороны дома, он лез в ноздри.

Я изо всех сил пытался рассуждать здраво. Пытался запереть дверь в иной мир, усыпить разбуженную мною стихию. Призрак не явился предо мной, но каким-то образом он проник в мою реальность и остался блуждать в ночи. В чем же тут дело? Разумеется, только во мне. У меня не выдержали нервы, и я затеял дурацкий флирт с силами тьмы. Их не существует в природе, зато они есть в каждом из нас. Я вызвал своих собственных демонов. И вот они, вырвавшись на свободу, кишат вокруг.

Оставалась только надежда на кофе, кипу глупых журналов и на крепкий сон до рассвета. Но что это с кипарисом? Луна, скользнувшая над крышей в погоне за мной, поймала в свои серебряные тенета дерево. Станный выступ. Что это, сломанный сук?

Заинтригованный, я решил пройти между кустами и бросить прозаический взгляд. До кипариса было рукой подать, и луна светила ярко. Вокруг виллы сконцентрировалась вся ночь, вся ее сущность, однако, когда я первый раз посмотрел вверх, испытал не страх, а лишь изумление. Я отказался считать это зрелище сверхъестественным. Я огляделся и нашел опрокинутую табуретку, а потом снова задрал голову и удостоверился: это действительно Марта.

Она еле покачивалась, бледное лицо застыло в страшной гримасе. «Крепкую веревку взяла», — подумал я.

И в этот момент я понял: те странные звуки издавала Марта, когда в конвульсиях дергалась на суху.

* * *

Изабелла была так потрясена, что слегла. Она очень любила Марту и не могла понять, почему бедняжка не поделилась с нею своим горем. Что же толкнуло несчастную девушку на самоубийство? Бросил любовник? И вдобавок она была беременна? Но ведь Изабелла могла помочь. Ребенка и в одиночку вырастить можно, были бы деньги. По словам поварихи, Марта последние дни ходила сама не своя и не желала говорить, в чем дело. Не иначе, умом тронулась.

Прости ее, Господи, ибо не ведала, что творила...

Я сидел на террасе другой виллы в окружении чемоданов и ждал, когда приедет машина и отвезет меня в город. Алек с Изабеллой, бледные после болезней, сидели за белым чугунным столиком и смотрели на меня.

— Твоей вины тут нет, — сказал Алек Изабелле. — И нечего себя корить. Остается лишь гадать, почему она так поступила.

Затем он вышел, сославшись на температуру, но обещал попрощаться со мной.

— Ах ты бедняжка, — чуть не плача, сказала Изабелла. — Я тебя пригласила отдохнуть, а тут такое горе!

Я ей не сказал, что в случившемся есть и моя вина. Пробудив тьму, я, сам того не желая, обрек Марту на смерть. Сути этого процесса я не понимал, видел лишь результат, но и этого было достаточно. Не сказал я Изабелле и о том, что дерево джанфия, по-видимому, заболело и его дни сочтены. Гниют листья и цветы, и пахнет уже не сладко, а едко. Это сделали мои вибрации. А может, причина в том, что джанфия попала в фокус моего невезения и сгорела, как спичечная головка в фокусе лупы под солнцем.

Как бы то ни было, через ту лупу я разглядел врага в самом себе. Да, той могучей силой, что медленно убивала меня, тем мучителем из теней был я сам. И, выведя его на чистую воду, я не избавился от него, нет. Напротив, добавил ему сил.

— Ах, Марта, Марта, что же ты наделала, глупышка...

Изабелла заплакала, а я подумал, что это не поможет ни ей, ни Марте.

Вскоре по пыльной дороге прикатил нарядный красно-белый автомобиль и весело засигналил. Улыбчивый водитель, забирая мой багаж, воскликнул:

— До чего же прекрасный денек! Ах, до чего же прекрасный денек!

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДЫКА НОЧИ

Перевод с английского

А. Коген

Часть первая	7
Часть вторая	47
Часть третья	107
Часть четвертая.....	153
Часть пятая	199

ЧУДОВИЩЕ

Перевод с английского

Г. Корчагина

Чудовище	315
Забытый колодец миров	337
После гильотины	359
Мяу	383
Дерево джанфия	401

Литературно-художественное издание

**ТЭНИТ ЛИ
ВЛАДЫКА НОЧИ**

Перевод с английского

Ответственный редактор *Александр Тишинин*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*
Художник *Кирилл Рожков*
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Владимира Сергеева*
Корректор *Елена Зверькова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.09.98.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 7000 экз. Заказ 1306.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.
Для писем: 197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35–305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

***** fantasy *****

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ щит против зла

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ
МАЙКЛА МУРКОКА
"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"

в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

Впервые в России!
Трилогия популярной
американской писательницы
МЕРСЕДЕС ЛЭКИ

• ГЕРОЛЬДЫ •
ВАЛДЕМАРА

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЕЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

**Читайте в новой серии
издательства «Северо-Запад»
лучшие книги отечественных
авторов!**

*Научная фантастика и фэнтези,
альтернативная история и мистика
ждут вас на*

"Перекрестке миров"

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

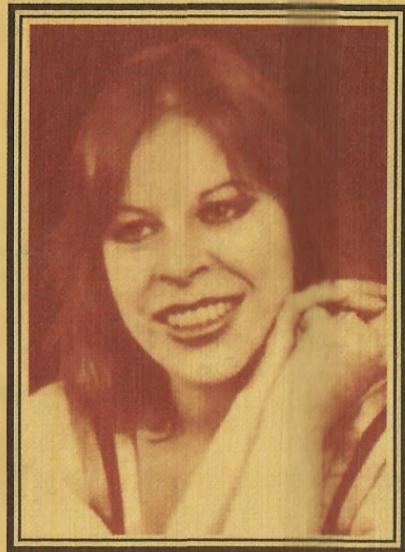
По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

fantasy

Тэнит Ли
(род. 1947)

По праву носит титул королевы британской фантастики. «Сага о Плоской Земле», одна из самых известных эпопеи, вышедших из-под пера писательницы, мастерски сочетает элементы героической фэнтези и мистики.

Пришпорив коня, Владыка Ночи несся над мглистыми болотами, высматривая новую жертву. Все живое на сотни лиг вокруг спешило скрыться, страшась ярости демона. Но человек в малиновом плаще сам вышел навстречу Повелителю Нижнего Мира.
— Я искал тебя, — произнес он, низко поклонившись. — Я искал тебя дольше, чем помнит само Время...

ISBN 5-87365-059-4

9 7858731650590

A standard linear barcode is positioned vertically on the right side of the page. Below the barcode, the ISBN number is printed.

•Северо-Запад•[®]